Валё Пер, Шёвалль Май

Человек на балконе

I

Без четверти три взошло солнце.

Полутора часами раньше поредело, а затем и почти сошло на нет уличное движение. Одновременно стих шум, который поднимали веселые посетители ресторанов и пивных, возвращающиеся домой. По улицам уже проехали уборочные машины, оставившие за собой на асфальте мокрые грязные полосы. По длинной прямой улице промчалась машина скорой помощи, завывая сиреной. Медленно и почти неслышно проехал черный автомобиль с белыми крыльями, антенной на крыше и большими буквами «ПОЛИЦИЯ» на дверцах. Спустя пять минут раздался тихий звон: рука в перчатке разбила стекло витрины, потом прозвучали легкие торопливые шаги и тут же на соседней улице, взревев, рванул с места автомобиль.

Мужчина на балконе видел все это. Балкон был обыкновенный, с железным решетчатым ограждением впереди и жестяными перегородками по бокам. Мужчина стоял, облокотившись на железные перила, и огонек его сигареты светился в темноте маленькой темно-красной точкой. Каждый раз, когда мужчина докуривал сигарету, он гасил ее, аккуратно извлекал сантиметровый окурок из деревянного мундштука и клал его рядом с остальными. Десять таких окурков уже аккуратно лежало друг возле дружки на тарелке, стоящей на маленьком садовом столике.

Было тихо, настолько тихо, насколько можно ожидать теплой ночью в начале лета в довольно большом городе. Еще какой-нибудь час, и по улицам начнут ходить разносчики газет с переделанными детскими колясками и приступят к работе дворники.

Холодный серый полумрак постепенно рассасывался, над крышами пяти— и шестиэтажных жилых домов появились первые нерешительные лучи утреннего солнца и начали заигрывать с телевизионными антеннами и круглыми трубочками, выступающими из широких кирпичных труб на крышах на противоположной стороне улицы. Потом свет упал на оцинкованное железо крыш, быстро передвинулся ниже и начал красться по желобам и побеленным кирпичным стенам с рядами окон. Большинство окон было закрыто опущенными шторами или жалюзи.

Мужчина на балконе перегнулся через перила и смотрел вниз на улицу. Она тянулась с севера на юг, была длинная и прямая, и мужчина видел ее отрезок длиной более двух километров. Когда-то это была величественная улица и город мог гордиться ею, однако с тех пор, как ее проложили и застроили, прошло уже сорок лет. Улице было ровно столько лет, сколько мужчине на балконе.

Прищурившись, мужчина различил вдали чью-то размытую фигуру. Наверное, полицейский. Впервые за несколько часов мужчина вошел в квартиру и прошел через комнату в кухню. Уже достаточно рассвело, так что ему не пришлось включать свет. Он вообще очень мало жег свет, даже зимой. Открыл буфет, достал оттуда эмалированный кофейник, налил в него полторы чашки воды, положил две ложечки крупно помолотого кофе, поставил кофейник на плиту, чиркнул спичкой и поджег газ. Потом провел кончиками пальцев по головке спички, чтобы убедиться, что она погасла, открыл дверцу шкафчика под раковиной и бросил обгоревшую спичку в бумажный пакет для мусора. Он подождал у плиты, пока закипит вода и сварится кофе, потом погасил конфорку под кофейником и, пока гуща

отстаивалась, сходил в туалет. Он не слил воду, чтобы не разбудить соседей. Вернулся в кухню, осторожно налил кофе в чашку, из полупустой коробки на столе взял кусочек сахару, а из выдвижного ящика достал ложечку. Потом вынес чашку на балкон, поставил ее на лакированный деревянный столик и сел на складной стульчик.

Солнце уже стояло довольно высоко в небе и освещало фасады домов на противоположной стороне улицы, доставая до первого этажа. Мужчина вытащил из кармана табакерку, начал разминать окурки сигарет, пропуская крошки табака между пальцев в круглую жестяную коробочку, бумагу сминал в шарики величиной с горошину и складывал их на краю надтреснутой тарелки. Помешал кофе и принялся медленно пить.

Вдали снова взвыла сирена. Он встал и проводил взглядом машину скорой помощи, вой сирены усиливался, а потом быстро ослабел. Через минуту он уже видел лишь маленький белый прямоугольничек, который в верхнем конце улицы повернул налево и исчез у него из поля зрения. Он снова сел на складной стульчик и начал бесцельно перемешивать давно остывший кофе. Он сидел тихо и неподвижно и слушал, как вокруг него просыпается город, вначале нерешительно и нехотя.

Мужчина на балконе был среднего роста, нормального сложения, с обыкновенным лицом, большим носом и серо-голубыми глазами. На нем была белая рубашка без галстука, неглаженные коричневые габардиновые брюки, серые носки и черные полуботинки. Редеющие волосы он зачесывал назад.

Была половина шестого утра второго июня 1967 года. Город был Стокгольм.

Мужчина на балконе не чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Он вообще редко испытывал какие-нибудь чувства. Он думал о том, что через минуту пойдет на кухню и приготовит себе кашу из овсяных хлопьев.

Улица начинала оживать. Потоки автомобилей понемногу становились плотнее, и всякий раз, когда на перекрестке зажигался красный свет, вереница автомобилей перед светофором все удлинялась. Хлебный фургон разъяренно сигналил мотоциклисту, который, не оглядевшись по сторонам, выехал на его полосу. За ним резко затормозили еще два автомобиля.

Мужчина встал, облокотился на балконные перила и посмотрел на улицу. Мотоциклист испуганно стоял у тротуара и делал вид, что не слышит ругательств, которыми осыпал его водитель хлебного фургона.

Кое-где по тротуару торопилось несколько пешеходов. У бензозаправки под балконом собрались в дружеской беседе несколько женщин в светлых летних платьях, а под деревом неподалеку какой-то мужчина как раз прогуливал собаку. Он нетерпеливо дергал за поводок, но такса спокойно и безмятежно обнюхивала ствол.

Мужчина на балконе выпрямился, провел ладонью по редеющим волосам и засунул руки в карманы. Было без двадцати восемь, и солнце уже стояло высоко. Он посмотрел на небо; реактивный самолет чертил над крышами домов белую волнистую дугу. Потом он снова перевел взгляд на улицу и начал наблюдать за пожилой седовласой дамой в светло-синем плаще перед булочной прямо напротив. Она долго рылась в сумочке, наконец нашла ключ и отперла дверь. Он видел, как она вынимает ключ, вставляет его в замок изнутри и закрывает дверь за собой. За дверным стеклом была опущена белая штора с надписью «ЗАКРЫТО».

В тот момент, когда она закрыла дверь, распахнулась входная дверь дома по соседству с булочной и на солнышко вышла маленькая девочка. Мужчина на балконе отступил на шаг, вынул руки из карманов и остался неподвижно стоять. Его взгляд был прикован к девочке на улице.

Она выглядела лет на восемь или девять и держала в руке школьный портфель в красную клетку. На ней была синяя юбочка, полосатый джемпер и красный жакет с коротковатыми рукавами. Из-за черных деревянных башмаков ее тоненькие длинные ноги

казались еще длиннее и тоньше. Она вышла из дома, повернула налево и, наклонив голову, медленно зашагала в школу.

Мужчина на балконе провожал ее глазами. Пройдя метров десять, она остановилась, приложила руку к груди и около минуты не двигалась с места. Девочка открыла портфель и начала в нем рыться, потом повернулась и так же медленно пошла обратно. Но через несколько секунд побежала и стремглав влетела в дом, даже не закрыв портфеля.

Мужчина на балконе замерев смотрел, как за ней закрывается дверь. Спустя несколько минут дверь снова отворилась и девочка вышла. Портфель она уже закрыла и шагала намного быстрее. Ее светлые волосы сзади были собраны в конский хвост, который подпрыгивал у нее на спине. Дойдя до конца квартала, она свернула за угол и исчезла.

Было без трех минут восемь. Мужчина повернулся, вошел в квартиру и направился в кухню. Напился воды, ополоснул стакан, поставил его вверх дном на сушилку возле раковины и снова пошел на балкон.

Он сел на складной стульчик и положил левую руку на перила. Закурив сигарету, он смотрел на улицу и пускал дым.

II

Электрические настенные часы показывали без пяти минут одиннадцать, а на календаре на письменном столе Гюнвальда Ларссона была пятница, второе июня 1967 года.

Мартин Бек заскочил сюда по пути, и то, что он оказался здесь именно в этот момент, было случайностью. Он только что вошел, поставил чемодан у двери, поздоровался и положил шляпу возле графина с водой на низкий металлический шкафчик. Потом взял с подноса стакан, налил в него воды, облокотился на шкафчик и собрался напиться. Мужчина за письменным столом кисло посмотрел на него и сказал:

— Тебя уже тоже прислали сюда? Чем мы провинились?

Мартин Бек напился и сказал:

— Ничем, насколько мне известно. Тебе не стоит волноваться. Я всего лишь пришел к Меландеру. Я кое о чем просил его. Где он?

— В туалете, как обычно.

Разговоры о странной способности Меландера непрерывно находиться в туалете были уже довольно затасканной остротой, однако несмотря на это — хотя в них была доля правды — Мартина Бека она раздражала.

Как обычно, свое раздражение он оставил при себе. Он спокойно и испытующе смотрел на мужчину за письменным столом, а потом сказал:

— Чем ты сейчас занимаешься?

— А чем, по-твоему? Естественно, этими грабежами. Вчера вечером в парке Ванадислунден произошел еще один.

— Я слышал.

— Ограбили пенсионера, который выгуливал собаку. Его ударили сзади. Сто сорок крон в кошельке. Сотрясение мозга. Он лежит в саббатсбергской больнице, ничего не видел и ничего не слышал.

Мартин Бек молчал.

— Уже восьмой случай за четырнадцать дней. В конце концов этот тип кого-нибудь убьет.

Мартин Бек допил воду и поставил стакан на шкафчик.

— Если его кто-нибудь очень быстро не схватит… — продолжил Гюнвальд Ларссон.

— Кто?

— Черт возьми, полиция, кто же еще. Мы. Наплевать, кто именно. Патрульные в штатском из девятого округа были там за четверть часа до того, как это произошло.

— А где они были, когда это произошло?

— Тогда они уже сидели в участке и пили кофе. И так каждый раз. Когда за каждым кустом в парке Ванадислунден сидит по полицейскому, это происходит в Ваза-парке, а когда по одному полицейскому сидит за каждым кустом и там, тогда это происходит у Совиного источника в лесу Лиль-Янскоген.

— А если и там за каждым кустом будет сидеть полицейский?

— Тогда демонстранты разгромят нам американский торговый центр и подожгут американское посольство. Это вовсе не повод для шуток, — отрезал Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек сказал, по-прежнему внимательно глядя на него:

— Я не шучу. Я всего лишь спрашиваю.

— Этот тип свое дело знает. Можно подумать, что у него в голове радар. Когда он идет на дело, вокруг и в помине нет ни одного полицейского.

Мартин Бек тер большим и указательным пальцем основание носа.

— Ты мог бы послать… — сказал он, но сидящий за столом сразу перебил его:

— Кого бы ты хотел, чтобы я послал? Полицейских собак? Чтобы эти бестии сожрали патруль, ведущий негласное наблюдение? Тот, кого там вчера вечером ограбили, в конце концов сам был с собакой и она вовсе не помогла ему.

— Что это была за собака?

— Откуда мне знать? Я что, должен допрашивать собаку? Должен приказать привести ее и загнать в туалет, чтобы Меландер мог ее допросить? — сказал Гюнвальд Ларссон совершенно серьезным тоном. Он хлопнул по столу ладонью и, делая ударение на каждом слове, заявил: — У нас здесь по парку бегает сумасшедший и нападает на людей, а ты мне начинаешь говорить о собаках.

— Но я ведь не…

Гюнвальд Ларссон мгновенно перебил его:

Кроме того, я уже один раз сказал тебе, что этот тип свое дело знает. Он нападает только на беззащитных людей, старичков, старушек и детей. И всегда сзади. На прошлой неделе кто-то сказал… погоди-ка, как же это было? Ах да, что он подкрался из-за куста, как пантера.

— Есть только один выход, — спокойно сказал Мартин Бек.

— Какой?

— Ты должен отправиться туда сам. Переодевшись беззащитным.

Мужчина за письменным столом повернул голову и окинул его яростным взглядом.

Гюнвальд Ларссон имел рост один метр девяносто два сантиметра и весил девяносто восемь килограммов. У него были плечи, как у штангиста-профессионала, и огромные руки, заросшие жесткими светлыми волосами. У него были светлые зачесанные назад волосы и светло-синие недовольные глаза.

Колльберг обычно дополнял это описание и говорил, что вид у него такой, словно он едет на мопеде.

В настоящую минуту светло-синие глаза устремляли на Мартина Бека невероятно критический взгляд.

Мартин Бек пожал плечами и сказал:

— Честно говоря…

Гюнвальд Ларссон мгновенно перебил его:

— Честно говоря, я действительно не понимаю, что в этом смешного. Я здесь по уши влез в отвратительнейшую серию ограблений, с какой никогда не сталкивался, а ты начинаешь мне излагать шуточки о собаках и Бог знает еще о чем.

Мартин Бек понял, что мужчина за столом в данную минуту — очевидно, вовсе не нарочно — уже почти достиг того, что мало кому удавалось, другими словами, разозлил его, Мартина Бека, до такой степени, что он вот-вот перестанет владеть собой. И хотя вся ситуация была совершенно понятна, он не смог удержаться, чтобы не поднять руку и не сказать:

— Ну, наверное, уже довольно!

К счастью именно в этот момент через боковую дверь, ведущую в соседний кабинет, вошел Меландер. У него были закатаны рукава, в зубах он сжимал трубку, а в руке держал открытый телефонный справочник.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — откликнулся Мартин Бек.

— Я вспомнил это имя, как только ты положил телефонную трубку, — сказал Меландер. — Арвин Ларссон. Я также нашел его в телефонном справочнике. Однако звонить смысла нет. Дело в том, что в апреле он умер. Апоплексический удар. Но бизнесом он занимался до самой последней минуты. У него был магазин по торговле подержанными вещами в Сёдермальме. Теперь магазин уже закрыт.

Мартин Бек взял телефонный справочник, заглянул в него и кивнул. Меландер вытащил из кармана спички и начал ритуал раскуривания трубки. Мартин Бек сделал два шага к столу и положил на него телефонный справочник. Потом снова отступил к низкому металлическому шкафчику.

— Что это у вас за дела? — подозрительно спросил Гюнвальд Ларссон.

— Ничего особенного, — сказал Меландер. — Мартин забыл, как звали одного перекупщика, которого двенадцать лет назад мы пытались засадить в тюрьму.

— И вам это удалось?

— Нет, — сказал Меландер.

— И тем не менее ты помнишь об этом?

— Да.

Гюнвальд Ларссон придвинул к себе телефонный справочник, полистал его и сказал:

— Не пойму, хоть убей, как кто-то может помнить двенадцать лет человека по фамилии Ларссон.

— Это вовсе не трудно, — с важным видом сказал Меландер.

Зазвонил телефон.

— Первый отдел слушает. Простите? Не понял… Что?.. Детектив ли я? Это старший криминальный ассистент Ларссон, первый отдел. Простите? Будьте добры, назовите фамилию еще раз.

Гюнвальд Ларссон вытащил из нагрудного кармана шариковую авторучку и нацарапал одно слово. Ручку он продолжал держать наготове.

— И что же вам угодно?.. Простите? Не понял… Что? Что?.. Какой морж?.. Морж на балконе?.. Ах, мужчина?.. Так значит, у вас на балконе какой-то мужчина?

Гюнвальд Ларссон отодвинул в сторону телефонный справочник и придвинул к себе блокнот. Написал несколько слов на бумаге.

— Да, да, я вас слушаю. Как он выглядит? Да, слышу. Редкие волосы, зачесанные назад. Большой нос. Понятно. Белая рубашка. Среднего роста, да. Коричневые брюки. Расстегнуто что? Ага, рубашка. Светло-синие глаза.

— Момент, фру, подождите секундочку. Кое-что не совсем понятно. Так значит, он стоит на своем собственном балконе?

Гюнвальд Ларссон посмотрел на Меландера, перевел взгляд на Мартина Бека и пожал плечами. Он принялся ковырять в ухе шариковой ручкой и при этом продолжал слушать другим ухом.

— Не сердитесь, фру, но ведь этот человек стоит на своем собственном балконе. И он вас каким-то образом беспокоит? — Ага. Не беспокоит. Простите? На противоположной стороне улицы? На своем собственном балконе?

— А как вы можете знать, что у него светло-синие глаза? Это, должно быть, какая-то очень узкая улица. Что? Что вы говорите?.. Момент, милая фру, подумайте сами. Этот мужчина всего лишь позволил себе стоять на своем собственном балконе. А что он еще делает? Смотрит вниз на улицу? А что происходит внизу на улице?.. Ничего? Что вы говорите? Автомобили? Там играют дети?.. И ночью? Дети там играют и ночью?.. Нет, не играют. Ага, он стоит на этом балконе и ночью. И что, по-вашему, я должен делать? Напустить на него полицейских собак?.. Послушайте, фру, у нас нет закона, который запрещал бы людям стоять на собственном балконе… Хотите заявить о подглядывании? Господи, милая фру, если бы нам каждый раз заявляли о таком подглядывании, нам пришлось бы приставить к каждому гражданину трех полицейских. Благодарен? Мы должны быть благодарны?..

— Грубый? Я грубый? Но послушайте, это уже…

Гюнвальд Ларссон замолчал и остался сидеть, держа трубку в десяти сантиметрах от уха.

— Она бросила трубку, — изумленно сказал он.

Спустя три секунды он сам швырнул трубку и сказал:

— Да пошла ты к черту, глупая баба!

Он вырвал из блокнота лист, на котором делал пометки и тщательно вытер ушную серу с шариковой ручки.

— Люди — сумасшедшие, — заявил он. — Что удивительного в том, что человек ничего не делает? Не понимаю, почему такой телефонный разговор не разъединяют на центральном пульте. Нам следовало бы завести себе какую-нибудь прямую линию с сумасшедшим домом.

— К таким вещам тебе следует привыкнуть, — сказал Меландер.

Он невозмутимо взял свой телефонный справочник, закрыл его и вернулся к себе в соседний кабинет.

Гюнвальд Ларссон закончил вытирать авторучку, смял лист бумаги и выбросил его в корзину. Кисло посмотрел на чемодан у двери и сказал:

— Всё в разъездах, всё в разъездах?

— Я всего лишь еду на несколько дней в Муталу, — сказал Мартин Бек. — Мне нужно выяснить там одно дело.

— Гм.

— Я буду отсутствовать максимум неделю. Но Колльберг сегодня уже возвращается. Он завтра приступит к работе. Так что можешь быть совершенно спокоен.

— Я и так совершенно спокоен.

— Если же говорить об этих грабежах…

— Ну?

— Да так, ничего.

— Если он сделает это еще дважды, мы его схватим, — заявил Меландер из соседнего кабинета.

— Несомненно, — сказал Мартин Бек. — Ну, пока.

— Пока, — сказал Гюнвальд Ларссон.

III

Мартин Бек приехал на Центральный вокзал за девятнадцать минут до отправления поезда и оставшееся время использовал для того, чтобы дважды позвонить.

Вначале домой.

— Ты еще не уехал? — спросила его жена. Он пропустил мимо ушей этот риторический вопрос и сказал:

— Я остановлюсь в гостинице «Палас». Говорю тебе, чтобы ты об этом знала.

— Надолго уезжаешь?

— На неделю.

— Откуда ты можешь знать это с такой точностью?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Что ж, она вовсе не глупа, подумал Мартин Бек и сказал:

— Передай привет детям.

Он немного подумал и потом добавил:

— И будь осторожна.

— Спасибо, — холодно ответила она.

Он повесил трубку и вытащил из кармана брюк еще одну монетку. У телефонных кабин была очередь, и люди у него за спиной устремили на него ненавидящие и подозрительные взгляды, когда он опустил в автомат монету и набрал номер управления полиции в Сёдермальме. Прошло несколько минут, прежде чем нашли Колльберга и позвали к телефону.

— Привет, я только хотел удостовериться, действительно ли ты уже вернулся.

— Трогательная забота, — сказал Колльберг. — Ты еще не уехал?

— Как там дела у Гюн?

— Хорошо. Разве что выглядит, как телефонная будка.

Гюн была жена Колльберга, и в конце августа или начале сентября она ждала ребенка.

— Через неделю я вернусь.

— Это я уже понял. Кроме того, я уже не буду работать здесь, когда ты приедешь.

Наступила короткая пауза, потом Колльберг сказал:

— Какие, собственно, дела у тебя в Мутале?

— Я еду из-за этого старика…

— Какого старика?

— Который торговал макулатурой и металлоломом. Вчера ночью он сгорел, ты еще не…

— Знаю, я прочел об этом в газетах. Ну, и зачем же тебе туда ехать?

— Ну, поеду посмотрю, что и как.

— У них что же, такие пустые головы, что они самостоятельно не могут разобраться даже с простым пожаром?

— Этого я не знаю, они просто попросили…

— Послушай, — оборвал его Колльберг. — Рассказывай об этом своей жене, может, она и клюнет на эту удочку, но я — нет. Я случайно слишком хорошо знаю, о чем попросили и кого попросили. Кто теперь шеф криминальной полиции в Мутале, а?

— Ольберг, но…

— Вот именно. И кроме того, мне случайно известно, что на следующей неделе ты берешь пять дней отпуска. Значит, ты едешь в Муталу, чтобы иметь возможность посидеть с Ольбергом в городской гостинице и выпить. Что скажешь?

— Это тоже, но…

— В таком случае, хорошо развлекайся, — любезно сказал Колльберг. — И будь осторожен.

— Спасибо.

Мартин Бек повесил трубку, и мужчина, стоящий за ним, полез в кабину, грубо толкнув его. Он пожал плечами и пошел в зал ожидания.

Колльберг отчасти был прав, что в принципе не играло никакой роли, но, тем не менее, Мартин Бек разозлился, что тот так быстро и легко раскусил его. Он и Колльберг познакомились с Ольбергом при расследовании одного убийства три года назад. Это было трудное дело, оно тянулось очень долго, и за это время они крепко подружились. Но вообще-то Ольберг нехотя обращался за помощью в главное управление, и, кроме того, ему никогда не пришло бы в голову уделять такому делу больше половины одного рабочего дня.

Судя по вокзальным часам, оба телефонных разговора длились ровно четыре минуты, так что до отъезда оставалось еще четверть часа. В зале ожидания, как всегда, было полным-полно народу, множество самых разных людей.

Он стоял там с чемоданом в руке, высокий мужчина с худощавым лицом, высоким лбом и упрямым подбородком, и ему было во всех отношениях неприятно. Бóльшая часть людей, которые на него смотрели, думали, что это какой-то неотесанный провинциал, которого только что захватил водоворот жизни столичного города.

— Ну так как, приятель? — услышал он хрипловатый голос.

Мартин Бек обернулся и посмотрел на человека, который к нему обратился. Это была девочка лет четырнадцати с растрепанными светлыми волосами, в коротеньком батистовом платьице. Она была босая и очень грязная, примерно такого же возраста, как его собственная дочь, и такая же развитая. В правой руке она держала полоску из четырех фотографий, которую сунула ему под самый нос.

Нетрудно было догадаться, откуда взялись эти фотографии. Девочка зашла в автомат для паспортных фотографий в подземном переходе вокзала, встала на колени на стульчик, задрала платье до подмышек и опустила в автомат четыре кроны мелочью.

Затворы фотоавтоматов располагались приблизительно на высоте колен, но в данном случае это явно не соответствовало действительности. Он смотрел на фотографии, и ему пришла в голову мысль, что теперь дети, очевидно, созревают быстрее. Кроме того, они не морочат себе голову нижним бельем. С технической точки зрения результат, впрочем, был неплохой.

— Двадцать пять крон, — сказал ребенок.

Мартин Бек раздраженно огляделся по сторонам и в противоположном конце зала увидел двух полицейских в униформе. Он подошел к ним. Один из них узнал его и отдал ему честь.

— Вы что, не в состоянии присмотреть здесь даже за детьми? — в бешенстве произнес Мартин Бек.

— Мы делаем все, что в наших силах, герр комиссар.

Ему ответил тот полицейский, который до этого отдал ему честь, совсем молодой мужчина с синими глазами и тщательно ухоженными светлыми усами и бородой.

Мартин Бек ничего не сказал, повернулся и пошел к застекленной двери на перрон. Девочка в батистовом платье стояла в сторонке и украдкой поглядывала на фотографию, словно опасалась, все ли в порядке у нее с анатомией.

Раньше или позже наверняка найдется какой-нибудь балбес, который купит у нее эти фотографии. Девочка отправится на Марияторгет или Хёторгет и на вырученные деньги купит таблетки прелюдина или марихуану. Или ЛСД.

Полицейский, узнавший его, был с усами и бородой. Двадцать четыре года назад, когда он сам начинал простым патрульным, полицейские не ходили с усами и бородой. И почему другой полицейский, без усов, не отдал ему честь? Потому что не узнал его? Двадцать четыре года назад полицейский отдавал честь любому, кто к нему обращался, даже если это и не был комиссар криминальной полиции. А может, его подводит память?

Тогда четырнадцатилетние девочки не фотографировались голые в автоматах и не пытались продать эти фотографии комиссарам криминальной полиции, чтобы заработать деньги на наркотики.

Кроме того, ему не нравилось новое звание, которое он получил к Новому году. Ему также не нравился его новый кабинет в управлении на Вестберга-Алле в шумном промышленном районе. А еще ему не нравилась его подозрительная жена и то, что такой человек, как Гюнвальд Ларссон, вообще смог стать старшим ассистентом криминальной полиции.

Мартин Бек сидел у окна в купе первого класса, и все эти мысли мелькали у него в голове.

Поезд выехал с вокзала, миновал ратушу и, до того как он нырнул в туннель в южном направлении, Мартин Бек успел еще заметить пароход «Мариефред», одно из последних судов этого типа в Швеции, и здание издательства Норстедта. Когда они вынырнули из темноты, он увидел перед собой свежую зелень парка Тантолунден, который для него скоро должен был превратиться в кошмар, и спустя минуту колеса вагона уже грохотали по железнодорожному мосту.

Когда они остановились в Сёдертелье, у него уже улучшилось настроение и у разносчика с металлической тележкой, которые в большинстве скорых поездов заменили нормальные вагоны-рестораны, он купил бутылку минеральной воды и черствый бутерброд с сыром.

IV

— Ну, — сказал Ольберг, — приблизительно так это и было. Ночь была довольно холодная, и он поставил у кровати старомодный электрический камин. Потом старик раскрылся, одеяло упало на камин и загорелось.

Мартин Бек кивнул.

— Это выглядит вполне правдоподобно, — продолжил Ольберг. — Заключение экспертов было готово сегодня утром. Я пытался тебе позвонить, но ты уже уехал.

Они стояли на пожарище в Буренсхульте. Между деревьев кое-где проглядывало озеро и шлюз, у которого три года назад они нашли в воде мертвую женщину. От сгоревшего дома остались, в принципе, только фундамент и труба. Пожарникам удалось спасти только маленький сарайчик неподалеку.

— Он хранил там какой-то краденый товар, — сказал Ольберг. — Старый Ларссон все же был перекупщиком. Он уже однажды сидел, так что меня это не удивляет. Мы собираемся разослать список обнаруженных здесь вещей.

Мартин Бек снова кивнул. Через минуту он произнес:

— Я проверил, как там было дело с его стокгольмским братом. Он умер в прошлом году весной. Тоже был перекупщиком.

— Наверное, это у них семейное, — заметил Ольберг.

— Тот, стокгольмский, никогда не сидел, но Меландер его запомнил.

— Меландер, ну как же, — сказал Ольберг. — Это тот, у которого феноменальная память, да? Но вы ведь уже не работаете вместе.

— Только иногда. Он теперь работает в управлении на Кунгсхольмсгатан. Кстати, Колльберг тоже, с сегодняшнего дня. Нас всех рассортировали.

Они повернулись к пожарищу спиной и молча пошли к автомобилю.

Спустя четверть часа Ольберг затормозил перед управлением полиции. Это было низкое желтое кирпичное здание на углу Престгатан и Кунгсгатан, прямо на центральной площади со статуей Балтазара фон Платена.[1]

Ольберг покосился на Мартина Бека и сказал:

— Раз уж ты приехал и у тебя есть несколько свободных дней, ты ведь мог бы остаться здесь на денек-другой, разве не так?

Мартин Бек кивнул.

— Мы можем покататься на катере, — предложил Ольберг.

Они поужинали в городской гостинице исключительным лососем из озера Веттерн. И немного выпили.

В субботу покатались на катере. В воскресенье тоже. В понедельник Мартин Бек одолжил катер. Во вторник снова. В среду он поехал в Вадстену посмотреть на замок.

В Мутале Мартин Бек жил в современной и комфортабельной гостинице. Ему было хорошо с Ольбергом. Он прочел роман Курта Саломонссона «Обман». Чувствовал он себя превосходно.

Он заслужил отдых. Зимой он все время торопился, о весне даже и говорить не стоит. По крайней мере, у него еще оставалась надежда на спокойное лето.

V

Против плохой погоды грабитель ничего не имел. Дождь начался сразу после обеда, сначала моросил, потом стал сильнее, а около семи прекратился. Однако облака нависали низко, небо оставалось свинцово-серым и было видно, что через минуту дождь начнется снова. Было девять часов, и под кронами деревьев тихо расползались сумерки. Оставалось еще немного времени до того, как на улицах зажгутся фонари.

Грабитель снял пластиковый дождевик и положил его возле себя на скамейку. На нем были теннисные туфли, брюки цвета хаки и красивый серый дралоновый[2] свитер с монограммой на кармашке. На шее небрежно повязан большой красный платок. Уже больше часа грабитель находился в парке или в непосредственной близости от него. За это время он видел в парке около десяти человек и всех их внимательно осмотрел и оценил. В двух случаях он изучал их с особенным интересом, и в обоих случаях это были пары, а не один человек. Первой парой были юноша и девушка. Оба были младше него, девушка в босоножках и коротеньком летнем платье с черно-белым узором, на юноше был элегантный синий блейзер и светло-серые брюки. Они уединились на самой темной дорожке в наиболее удаленной части парка. Там они остановились и начали обниматься, девушка прислонилась спиной к дереву. Через несколько секунд юноша засунул руку ей под юбку. Она мгновенно сказала: «О Боже, а если кто-нибудь сейчас придет?» Она сказала это совершенно автоматически, потому что тут же снова закрыла глаза и ногтями левой руки царапала аккуратно подстриженный затылок гоноши. Что было дальше, грабитель не видел, хотя стоял так близко от них, что заметил даже белые кружевные трусики.

Он прошел по траве вслед за парочкой неслышными шагами, а потом скорчился за кустом не далее чем в десяти метрах от них. Тщательно взвешивал все «за» и «против». Нападение на них вполне соответствовало его чувству юмора, однако, с другой стороны, у девушки не было даже сумочки и ему вряд ли удалось бы помешать ей закричать, что, несомненно, значительно усложнило бы его задачу. А парень оказался более высоким и широкоплечим, чем ему показалось вначале, и, кроме того, неизвестно, есть ли у этого парня вообще что-нибудь в бумажнике. Аргументы против нападения пересилили, и он ушел так же тихо, как и пришел. Подглядывать грабитель не стал: ему предстояли дела поважнее, а, кроме того, там не так уж и много было видно. Через несколько минут он увидел, как они оба уходят из парка, теперь уже на надлежащей дистанции друг от друга. Они пересекли улицу и вошли в жилой дом, фасад которого свидетельствовал о солидной буржуазной добродетели и строгой морали. В дверях девушка поправила трусики и бюстгальтер и, облизнув палец, провела им по бровям. Юноша причесался.

Была половина девятого, когда внимание грабителя привлекала еще одна пара. Перед скобяной лавкой на углу остановился красный «вольво». Впереди сидели двое мужчин. Один вышел из автомобиля и скрылся в парке. Он был без головного убора, в бежевом плаще. Через несколько минут вышел и другой и направился в парк по другой дорожке. На нем был твидовый пиджак, на голове кепка, плаща у него не было. Через четверть часа оба с разницей в несколько минут, каждый с другой стороны, вернулись к автомобилю. Грабитель стоял, повернувшись к ним спиной, и внимательно смотрел в витрину скобяной лавки, так что отчетливо слышал каждое слово.

— Ну?

— Ничего.

— И что теперь?

— Лес Лиль-Янскоген?

— В такую погоду?

— Да.

— Ну, хорошо. А потом сделаем перерыв.

— Хорошо.

Они захлопнули дверцы и уехали.

Время приближалось к девяти, он сидел на скамейке и ждал.

Он заметил ее, едва она вошла в парк, и мгновенно понял, куда она пойдет. Это была толстая женщина среднего возраста, в плаще, с зонтиком и большой сумкой. Она выглядела многообещающе. Наверное, продавщица из какого-нибудь киоска. Он встал, надел плащ, пересек газон и присел на корточки за кустом. Она медленно и спокойно приближалась по дорожке, уже была почти перед ним — в пяти, возможно, десяти секундах ходьбы. Левой рукой он натянул платок на лицо до самых глаз и одновременно надел кастет на пальцы правой руки. Он находился уже менее чем в четырех метрах от нее. По мокрой траве он передвигался быстро и почти неслышно.

Уже скоро. Грабитель находился приблизительно в метре от нее, когда она обернулась, обнаружила его, открыла рот и хотела закричать. Он, не раздумывая, изо всех сил ударил ее в губы. Женщина уронила зонтик и опустилась на колени, но двумя руками по-прежнему сжимала сумку, словно это был грудной ребенок, которого она хочет защитить.

Он ударил ее еще раз, на этот раз в нос. Она упала на спину, поджав под себя ноги. Не раздалось ни единого звука. Из нее обильно текла кровь, и, казалось, она без сознания, однако, несмотря на это, мужчина взял с дорожки горсть песка и сыпанул ей в глаза. В тот момент, когда он вырвал у нее сумку, ее голова упала набок, нижняя челюсть отвисла и у женщины началась рвота.

Кошелек, портмоне для мелочи, наручные часы. Он выбрал ее не зря.

Грабитель вышел из парка. Словно она держала грудного ребенка, подумал он. Каким прекрасным, порядочным и чистым это могло быть. Чертова баба.

Через четверть часа он уже был дома. Была половина десятого вечера, девятое июня, пятница. Через двадцать минут начался дождь.

VI

Дождь шел всю ночь, но в субботу утром снова появилось солнце и лишь время от времени пряталось за пушистыми белыми облачками, которые медленно плыли по ясному голубому небу. Было десятое июня, начинались время летних отпусков, и уже в пятницу вечером из города выезжали длинные вереницы автомобилей, направляющиеся в загородные домики, купальни и кемпинги. В городе, однако, оставалось еще много людей, и они в эти субботу и воскресенье, когда поначалу погода казалась очень неустойчивой, должны будут примириться с суррогатом природы, который предлагают городские парки и плавательные бассейны.

Была четверть десятого, и у кассы Ванадисского плавательного бассейна уже стояла очередь. Со Свеавеген к холму, где находился бассейн, валили толпы стокгольмцев, жаждущих солнца и стремящихся к воде.

Фрсйгатан переходили на красный свет две довольно дряхлые мужские фигуры. На одном из мужчин были джинсы и свитер, на другом — черные брюки и коричневый пиджачок, подозрительно вздувшийся на левой стороне груди. Они шли медленно и покрасневшими глазами щурились на солнце. Мужчина с объемистым предметом в нагрудном кармане споткнулся и едва не врезался в велосипедиста, моложавого джентльмена лет шестидесяти, в светло-сером спортивном костюме, с мокрыми плавками на багажнике. Велосипедист зашатался, и ему пришлось в конце концов остановиться и поставить ногу на землю.

— Дурак! — крикнул он и снова нажал на педали.

— Лысый старикашка! — сказал мужчина в пиджачке. — Спесивый интеллигентишка. Он ведь мог меня переехать. Мог сбить меня, и я бы, не дай Бог, раскокал бутылку.

Он с оскорбленным видом остановился на тротуаре и при одной лишь мысли о том, как близок он был к ужасной катастрофе, вздрогнул и полез в нагрудный карман.

— Думаешь, он заплатил бы нам за эту бутылку? — продолжил он. — Куда там, ни за что. Наверняка лопает ветчину в роскошной вилле, а в подвале у него штабеля шампанского, но заплатить за одну несчастную бутылку, которую он раскокал бедному человеку, ну уж нет, такому мерзавцу это даже и в голову не придет. Капиталистическая свинья!

— Так он ведь не разбил бутылку, — спокойно возразил другой.

Этот, другой, собутыльник был намного моложе. Он взял своего негодующего приятеля за руку и осторожно направил его в сторону парка. Они медленно подошли к подножию холма, однако не направились к плавательному бассейну, как все остальные, а прошли мимо входа и свернули на узкую дорожку, ведущую от кирхи Святого Стефана на вершину холма. Они с трудом, пыхтя, карабкались по крутому склону, и приблизительно на полпути младший сказал:

— Иногда в траве за водонапорной башней я нахожу деньги. Наверное, иногда там кто-то играет в покер по вечерам. Может, нам удастся насобирать еще на одну бутылку до того, как закроются магазины…

Была суббота, а государственные магазины, торгующие спиртным, закрываются в субботу в час дня.

— Ага, еще чего. Вчера шел дождь.

— Ага, — вздохнул младший.

Дорожка вела вдоль ограды бассейна, и с другой стороны толпились раздетые люди. Одни загорели дочерна, другие казались настоящими неграми, но большинство было цвета сыра после долгой зимы, во время которой они не провели даже одной-единственной недели на Канарских островах.

— Эй, погоди, — сказал младший. — Давай поглядим на девиц.

Старший продолжил идти дальше и бросил через плечо:

— На фиг они тебе сдались. Идем, у меня жажда, как у верблюда.

Они потащились дальше — к водонапорной башне в самом высоком месте парка, а когда обошли это мрачное строение, то с облегчением вздохнули, увидев, что пространство за башней принадлежит им и только им. Старший опустился на траву, вытащил бутылку из кармана и начал отвинчивать пробку. Младший прошел немного дальше к склону и красному забору перед ними. Он сказал:

— Эй, Йоке, давай лучше сядем здесь. На тот случай, если кто-нибудь придет.

Йоке засопел, с трудом встал и с бутылкой в руке потащился за младшим; тот уже тем временем спускался но склону.

— Здесь классно, — сказал он, — возле этих кустов…

Внезапно он замолчал и наклонился.

— Боже мой! — хрипло прошептал он.

Йоке заглянул ему через плечо, увидел девочку на земле, отвернулся и начал блевать.

Она лежала под кустом, ветки наполовину закрывали нижнюю часть тела, а вытянутые ноги лежали на мокром песке. Лицо посиневшее, повернуто в сторону, рот открыт. Согнутую правую руку она закинула за голову, а левую руку вытянула вдоль туловища и повернула ладонью вверх.

Не очень длинные светлые волосы закрывали ей лицо. Она была босиком, в юбочке и хлопчатобумажной блузочке в поперечную полоску, которая выбилась из юбочки, так что был виден животик.

Ей было лет девять.

И не оставалось ни малейших сомнений в том, что она мертва.

Без пяти минут десять Йоке и его приятель вошли в управление полиции девятого округа на Сурбрунгатан. Несвязно и испуганно они выдавливали из себя то, что видели в Ванадислундене, а дежурный, старший полицейский ассистент Гранлунд, терпеливо слушал. Спустя десять минут Гранлунд с четырьмя полицейскими уже был на месте.

Не более двенадцати часов назад двое из четырех полицейских были недалеко отсюда, в месте, где произошел очередной грабеж из серии нераскрытых преступлений. Поскольку между нападением и тем моментом, когда об этом заявили в полицию, прошел почти целый час, все исходили из того, что грабитель давно успел укрыться в безопасном месте. Как следствие, не произвели подробный осмотр окрестностей и теперь не могли с уверенностью сказать, лежал ли уже там в это время трупик ребенка или нет.

Все пятеро полицейских констатировали, что девочка мертва и, очевидно, — насколько они как неспециалисты сумели определить — она умерла в результате удушения; следовательно, вероятнее всего, девочка была убита. Больше ничего в этот момент они сказать не могли.

Теперь они ждали людей из криминальной полиции и экспертов, и их главная забота состояла в том, чтобы отгонять любопытных и зевак.

Гранлунд осмотрел место преступления и подумал, что криминалистам будет нелегко. После того, как труп оказался здесь, шел долгий и сильный дождь. Но зато он догадывался, кто эта девочка, и оттого, что знает это, не испытывал ни малейшей радости.

Дело в том, что вчера вечером в одиннадцать часов в управление полиции обратилась испуганная мать и потребовала, чтобы полиция нашла ее дочь. Девочке восемь с половиной лет. Около семи она ушла на улицу играть, и с тех пор ее никто не видел. Из девятого округа немедленно сообщили в криминальную полицию, и все патрули получили подробное описание девочки. Полиция проверила отделения скорой помощи во всех больницах города.

К сожалению, описание совпадало даже чересчур.

Насколько Гранлунд знал, пропавшую девочку никто не нашел. Кроме того, она жила на Свеавеген недалеко от Ванадислундена. Так что никаких сомнений не было.

Он думал о родителях девочки, представлял себе, как они сидят дома и тревожно ждут, и тихонько молил Бога, чтобы тем, кому придется сообщить им правду, был не он.

Когда наконец приехали люди из криминальной полиции, Гранлунду казалось, что он уже целую вечность стоит на солнцепеке возле мертвого детского тельца.

Как только эксперты начали работать, он ушел. Вернулся в управление девятого округа. Мертвая девочка по-прежнему была у него перед глазами.

VII

Когда Колльберг и Рённ приехали на место преступления в Ванадислундене, все пространство вокруг водонапорной башни уже было наглухо перекрыто. Фотограф закончил работу, а врач как раз проводил первый беглый осмотр трупа.

Земля была все еще влажной, единственные видимые следы возле трупа были свежими и, очевидно, принадлежали тем мужчинам, которые его обнаружили. Деревянные башмачки девочки валялись на склоне неподалеку, возле красного деревянного забора.

Когда врач закончил осмотр, Колльберг подошел к нему и сказал:

— Ну?

— Задушена, — ответил врач. — Нельзя исключить и другую форму насилия. Он пожал плечами.

— Когда?

— Очевидно, вчера вечером. Надо выяснить, когда она ела последний раз и что…

— Да, я знаю. Как ты думаешь, это произошло здесь?

— Не вижу ничего, что бы этому противоречило, — ответил врач.

— Да, — кивнул Колльберг. — Черт возьми, тогда, должно быть, лило как из ведра.

— Гм, — произнес врач и пошел к своему автомобилю.

Колльберг оставался там еще около получаса, а потом поехал на патрульной машине девятого округа в управление на Сурбрунгатан.

Комиссар сидел за письменным столом и изучал какое-то дело, когда к нему вошел Колльберг. Он поздоровался, отложил бумаги в сторону и показал на стул. Колльберг сел и сказал:

— Мерзкое дело.

— Да, — сказал комиссар. — Нашли что-нибудь?

— Насколько мне известно, пока ничего. Все смыл этот дождь.

— Когда, по-твоему, это произошло? Вчера вечером там было ограбление. Я как раз читал рапорт о нем.

Ну, этого я не знаю, — сказал Колльберг. — Очевидно, время смерти мы установим, когда сможем ее увезти.

— Думаешь, это мог сделать один и тот же человек? Может, девочка случайно что-то увидела или нечто в таком роде?

— Если она изнасилована, то это вряд ли сделал тот же самый человек. Грабитель, да еще к тому же сексуальный маньяк-убийца, это уже чересчур для одного человека, — неуверенно сказал Колльберг.

— Изнасилована? Это тебе сказал врач?

— Он не исключил такой возможности.

Колльберг вздохнул и потер подбородок.

— Те парни, которые везли меня сюда, сказали, что вы знаете, кто она, — пробормотал он.

— Да, — подтвердил комиссар, — похоже на то. Минуту назад здесь был Гранлунд, он опознал ее по фотографии, которую нам вчера принесла сюда ее мать.

Комиссар открыл папку и протянул Колльбергу любительский снимок. На фотографии стояла девочка, которая теперь лежала мертвая в Ванадислундене, она прислонилась к дереву и смеялась, щурясь на солнышко. Колльберг кивнул и возвратил снимок.

— Ее родители знают, что…

— Нет, — сказал комиссар.

Он вырвал из блокнота на столе верхний лист и протянул его Колльбергу.

— Фру Карин Карлсон, Свеавеген, 83, — вслух прочел Колльберг.

— Ее звали Ева, — сказал комиссар. — Лучше всего, если туда кто-нибудь… если ты туда зайдешь. Прямо сейчас. До того, как они узнают это из других источников, что было бы еще хуже.

— И без того уже достаточно плохо, — вздохнул Колльберг.

Комиссар серьезно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Вообще-то я думал, что это твой округ, — сказал Колльберг, но тут же встал и добавил: — Ну, хорошо, хорошо, я уже иду. Кто-то ведь должен это сделать.

В дверях он обернулся и сказал:

— Меня вовсе не удивляет, что у нас в полиции не хватает людей. Надо быть чокнутым, чтобы решить поступить на службу в полицию.

Автомобиль он оставил возле кирхи Святого Стефана, поэтому решил пойти пешком на Свеавеген. Кроме того, ему все-таки нужно было время, чтобы собраться с силами, прежде чем встретиться с ее родителями.

Светило солнце, и после ночного дождя не осталось никаких следов. Колльбергу стало нехорошо при мысли о, мягко говоря, удручающем задании, которое ему предстояло выполнить. Ему не впервые приходилось выполнять подобную миссию, но когда дело касалось ребенка, он страдал еще больше чем всегда. Если бы здесь был Мартин, думал он, у Мартина такие вещи получаются намного лучше, чем у меня. Однако потом он вспомнил, как подавленно выглядит Мартин в ситуациях такого рода, и подумал: что ж, это для каждого одинаково тяжело.

Дом, в котором жила девочка, стоял чуть наискосок от Ванадислундена в квартале между Сурбрунгатан и Фрейгатан. Лифт не работал, и ему пришлось подниматься на пятый этаж пешком. Прежде чем позвонить, он минуту постоял, чтобы отдышаться.

Женщина открыла почти мгновенно. На ней было коричневое хлопчатобумажное платье-халат и босоножки. Светлые волосы растрепаны и взъерошены, словно она непрерывно

теребила их руками. Когда она увидела Колльберга, на ее лице замелькали разочарование, надежда и страх.

Колльберг предъявил ей служебное удостоверение, и женщина посмотрела на него полным отчаяния вопросительным взглядом.

— Вы позволите войти?

Женщина придержала дверь и отступила в сторону.

— Вы не нашли ее? — спросила она.

Колльберг не ответил и прошел в квартиру. Квартира, очевидно, была двухкомнатная. В одной комнате стояла кровать, книжный шкаф, телевизор, комод и два кресла у низкого столика из темного дерева. Кровать была застелена. Очевидно, ночью на ней никто не спал. На синем покрывале лежал открытый чемодан, а возле него — приготовленные стопки аккуратно сложенного белья и одежды. На крышке чемодана висело несколько свежевыглаженных платьиц. Дверь в другую комнату была открыта, и он заметил там темный книжный шкаф с книгами и игрушками. На книжном шкафу восседал белый медвежонок.

— Может быть, мы присядем? — предложил Колльберг и сел в кресло.

Женщина осталась стоять и спросила:

— Что случилось? Вы нашли ее?

Колльберг увидел ужас в ее глазах и попытался вести себя абсолютно спокойно.

— Да, — сказал он. — Фру Карлсон, пожалуйста, сядьте. Где ваш муж?

Она села в кресло напротив Колльберга и ответила:

— У меня нет мужа. Мы в разводе. Где Ева? Что случилось?

— Фру Карлсон, — произнес Колльберг, — мне ужасно жаль, что я должен вам это сказать, но ваша дочь мертва.

Женщина пристально смотрела на него.

— Нет, — почти беззвучно сказала она. — Нет.

Колльберг встал и подошел к ней.

— У вас есть кто-нибудь, кто смог бы здесь побыть с вами… может, родители?

Женщина покачала головой.

— Это неправда, — сказала она.

Колльберг положил руку ей на плечо.

— Мне ужасно жаль, фру Карлсон, — пробормотал он.

— Но как это могло произойти, — сказала она, — ведь мы собирались ехать в деревню…

— Этого мы еще не знаем точно, — сказал Колльберг. — Мы предполагаем, что… что она, наверное, кого-то встретила.

— Ее кто-то убил? Ее убили?

Колльберг кивнул.

Женщина закрыла глаза и сидела совершенно неподвижно. Потом она открыла глаза и покачала головой.

— Это не Ева, — сказала она. — Это не Ева. Вы… вы не ошибаетесь?

— Нет, — ответил Колльберг, — мне очень неприятно, но, к сожалению, нет, фру Карлсон. Не мог бы я кому-нибудь позвонить, чтобы он сюда пришел? Вашим родителям или кому-нибудь другому?

— Нет, только не им. Мне никто здесь не нужен.

— В таком случае, может быть, вашему бывшему мужу?

— Он живет в Мальмё, по крайней мере, я так думаю.

Она была мертвенно бледна и смотрела ничего не выражающим взглядом. Колльберг знал, что она еще не полностью поняла, что, собственно, произошло, что внутри у нее вырос защитный барьер, который теперь не позволяет правде проникнуть туда. Он уже наблюдал такую реакцию раньше и знал, что как только ее покинут силы и она перестанет оказывать сопротивление, у нее начнется истерика.

— Фру Карлсон, как зовут вашего врача? — спросил Колльберг.

— Доктор Стрём. В среду мы были у него. У Евы несколько дней болел живот, а мы собирались ехать в деревню, и я подумала, что будет лучше…

Она осеклась и посмотрела на открытую дверь в соседнюю комнату.

— Вообще-то Ева никогда не болеет, — сказала она. — Это у нее тоже быстро прошло. Доктор сказал, что это, наверное, была какая-то инфекция. Кишечное воспаление.

Она минуту сидела молча и потом сказала таким тихим голосом, что Колльберг не разобрал почти ни одного слова:

— Но теперь ей уже снова хорошо.

Колльберг смотрел на нее, и ему казалось, что он ведет себя как самый последний болван. Он не знал, что должен делать или говорить. Она по-прежнему сидела неподвижно и смотрела на открытую дверь в детскую. Он лихорадочно пытался сообразить, что бы можно было сказать, но тут женщина встала, высоким звонким голосом выкрикнула имя девочки и побежала в другую комнату. Колльберг пошел за ней.

Комната была светлая и приятно обставленная. В углу был красный деревянный ящик, полный игрушек, а в ногах узкой кроватки стояла старомодная игрушечная комнатка для кукол. На письменном столе была куча учебников и тетрадей.

Женщина сидела на спинке кроватки, поставив локти на колени и закрыв руками лицо. Она раскачивалась взад-вперед, и Колльберг не слышал, плачет она или нет.

Он несколько секунд внимательно смотрел на нее, потом пошел в прихожую, где еще раньше заметил телефон. Возле телефона лежал список с домашними номерами, и в нем он быстро нашел номер доктора Стрёма.

Колльберг объяснил ему, что случилось, и доктор обещал приехать в течение пяти минут.

Колльберг вернулся к женщине, сидящей в той же позе. Она по-прежнему молчала. Колльберг сел рядом с ней и принялся ждать. Сначала он не знал, нужно ли прикоснуться к ней, но потом осторожно обнял ее за плечи. Казалось, она совершенно не замечает его присутствия.

Так они тихо сидели, пока не позвонил врач и не нарушил эту тишину.

VIII

На обратном пути в Ванадислунден Колльберг страшно потел, но не из-за быстрой ходьбы, влажной жары или его склонности к полноте. По крайней мере, не только поэтому.

Как и большинство тех, кому предстояло заниматься этим делом, он почувствовал себя уставшим сразу же после начала расследования. Он думал о том, какое это отвратительное преступление, и о людях, ставших жертвами его слепой бессмысленности. Он уже сталкивался с такими вещами, хотя не смог бы вот так с ходу сказать, сколько раз, и точно знал, как неприятно это может быть. И как тяжело.

Он размышлял также о том, как в обществе растет преступность, и думал, что ведь это общество, несмотря ни на что, создает он сам и другие люди, которые в нем живут и вносят свою долю в его зарождение. Он думал о том, как быстро выросла полиция за последний год, и с технической стороны, и количественно, и тем не менее, создается впечатление, что преступник по-прежнему имеет преимущество. Он думал о новых методах расследования и электронно-вычислительных машинах, благодаря которым человека, совершившего именно

это преступление, они, возможно, задержат в течение нескольких часов, но он думал также и о том, какое маленькое утешение доставят эти фантастические технические достижения, например, женщине, от которой он только что ушел. Или ему. Или тем серьезным мужчинам, которые сейчас собрались вокруг мертвого тела в кустах между красным деревянным забором и вершиной холма.

Он видел труп лишь несколько мгновений и причем издалека, а во второй раз уже взглянуть не захотел, если можно было этого избежать. Однако он знал, что все напрасно. Образ ребенка в красной юбочке и блузочке в поперечную полоску врезался ему в подсознание и должен был остаться там навсегда, вместе со всеми другими образами, от которых он уже никогда не сможет избавиться. Он думал о деревянных башмачках на склоне неподалеку и о своем собственном, еще не родившемся, ребенке. Он думал о том, как будет выглядеть этот ребенок через девять лет, а также об ужасе и отвращении, которые вызывает такое преступление, и о том, как будут выглядеть первые страницы вечерних газет.

Все пространство вокруг мрачной, похожей на дот, водонапорной башни было перекрыто, включая крутой склон до самого подножья холма и лестницы на Ингемаргатан. Он прошел мимо автомобиля, остановился у ограды и посмотрел на пустую детскую площадку с песочницей, качелями и каруселью.

Он знал, что подобное уже происходило раньше и произойдет снова, и осознание этого давило на него, как невыносимо тяжелый груз. После того, как произошел последний случай, им дали электронно-вычислительные машины, а также больше людей и автомобилей. С тех пор как произошел последний случай, в парках улучшили освещение и убрали множество кустов. Когда произойдет следующий случай, у них будет еще больше автомобилей и электронно-вычислительных машин, а в парках останется еще меньше кустов. Все эти мысли мелькали в голове Колльберга, когда он вытирал лоб платком, который вполне можно было выжимать.

Журналисты и фотографы уже были на месте, но, к счастью, за это время сюда не проникло слишком много зевак. Журналисты и фотографы, как ни удивительно, с годами стали лучше, по меньшей мере, хоть это полиция должна считать благом. Зеваки никогда не станут лучше.

Несмотря на довольно большое количество людей в перекрытом пространстве, вокруг водонапорной башни парила странная тишина. Издалека доносились радостные выкрики и детский смех, очевидно, из плавательного бассейна или с детской площадки возле Свеавеген.

Колльберг остался стоять у ограждения. Он ничего не говорил, и к нему тоже никто не обращался.

Он знал, что в государственной комиссии по расследованию убийств и в отделе по расследованию преступлений, связанных с насилием, объявили тревогу, что расследование дела быстро стабилизируется, что на месте преступления работают эксперты-криминалисты, что к делу подключили полицию нравов, что будет организован центр по контактам с общественностью, что идут приготовления для того, чтобы обследовать один дом за другим, что объявлена тревога всем радиопатрулям и что никому не дадут передышки, в том числе и ему.

И все же, несмотря на это, он позволил себе на минутку остановиться и поразмышлять. Сейчас лето. Люди купаются. По городу бродят туристы со схемой города в руках. А в кустах между вершиной холма и красным деревянным забором лежит мертвый ребенок. Это было отвратительно. Но хуже всего было то, что это могло быть еще хуже.

На холм от кирхи Святого Стефана, рыча мотором, поднимался еще один автомобиль, наверное, уже девятый или десятый. Он выехал на вершину холма и остановился. Колльберг

даже не повернул головы, но он видел, как из автомобиля выходит Гюнвальд Ларссон и приближается к нему.

— Что-нибудь выяснили?

— Не знаю.

— Чертов дождь. Лило всю ночь. Вероятно, это… — сказал Гюнвальд Ларссон и на этот раз оборвал сам себя. Через минуту он продолжил: — Если тут обнаружат какие-нибудь следы, то они, вероятно, окажутся моими. Вчера вечером я был здесь. Сразу после десяти.

— Гм.

— Из-за этого ограбления. Он напал на женщину не далее чем в пятидесяти шагах отсюда.

— Я слышал.

— Она только что закрыла свою фруктовую лавку и шла домой. Несла с собой всю выручку.

— Гм.

— Всю выручку. У людей с головой не в порядке, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он снова ненадолго замолчал. Потом кивнул головой в направлении вершины холма, красного деревянного забора и кустов и сказал:

— Тогда она там уже должна была лежать.

— Вероятно.

— Когда мы приехали, снова шел дождь. А патрульные в штатском из девятого округа были здесь за сорок пять минут до этого. Они тоже ничего не видели. А ведь тогда она уже должна была лежать здесь.

— Они искали грабителя, — сказал Колльберг.

— Да. А когда он орудовал здесь, они уже были в Лиль-Янскогене у Совиного источника. Это было после девяти.

— А как дела у той женщины?

— Машина скорой помощи отвезла ее прямиком в больницу. Шок, фрактура челюсти, выбито четыре зуба, сломан нос. Единственное, что она видела, было то, что это мужчина и что у него на лице красный платок. Потрясающее описание.

Гюнвальд Ларссон снова минутку помолчал и потом сказал:

— Если бы у меня были собаки…

— И что же?

— На прошлой неделе к нам зашел твой знаменитый коллега Мартин Бек и посоветовал, чтобы я пустил туда собак. Возможно, собака нашла бы…

Он снова кивнул в направлении вершины холма, словно не хотел говорить вслух то, о чем думал.

Колльберг недолюбливал Гюнвальда Ларссона, но сейчас понимал его.

— Гм, это возможно, — сказал он.

Гюнвальд Ларссон нерешительным голосом спросил:

— Это секс?

— Похоже на то.

— В таком случае, вряд ли это с тем будет иметь что-то общее.

— Вероятно.

Из-за веревочного ограждения к ним вышел Рённ, и Гюнвальд Ларссон мгновенно спросил:

— Это секс?

— Да, — ответил Рённ. — Похоже на то. Наверняка.

— В таком случае, вряд ли это с тем будет иметь что-то общее.

— С чем?

— С ограблением.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Колльберг.

— Почти ничего, — сказал Рённ. — Все следы смыл дождь. Она вся промокла.

— Тьфу, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Тьфу, это отвратительно. Два сумасшедших и словно сорвались с цепи на одном и том же месте. Причем один хуже другого.

Он быстро повернулся и пошел к автомобилю. Последнее, что они услышали от него, было:

— Черт возьми, ну и работенка.

Рённ несколько секунд смотрел ему вслед и потом тихо сказал:

— Может, ты подойдешь к нам туда на минутку?

Колльберг тяжело вздохнул и перешагнул через веревочное ограждение.

Мартин Бек вернулся в Стокгольм только в субботу к вечеру, за день до того, как должен был снова приступить к работе. Ольберг проводил его на вокзал.

В Халсберге у него была пересадка, и он купили там вечерние газеты. Засунул их в карман пиджака и вытащил только тогда, когда удобно сидел в гётеборгском экспрессе.

Он посмотрел на первую страницу и вздрогнул. Кошмар начался.

Для него на несколько часов позже, чем для всех остальных. Но только и всего.

IX

Есть минуты и ситуации, которых человек любой ценой хочет избежать, однако ему все же это не удается. Очевидно, полицейские попадают в такие ситуации чаще чем остальные люди и, вне всякого сомнения, с некоторыми полицейскими это происходит чаще чем с другими их коллегами.

Такой ситуацией являлся допрос женщины по имени Карин Карлсон, спустя менее двадцати четырех часов после того, как она узнала, что ее восьмилетнюю дочь задушил убийца-извращенец. Одинокую женщину, которая, несмотря на уколы и таблетки, совершенно не успела прийти в себя после потрясения и которая свою абсолютную апатию проявляла в том, что по-прежнему ходила в том же коричневом хлопчатобумажном платье-халате и тех же босоножках, которые были на ней, когда за сутки перед тем к ней в дверь позвонил толстый полицейский, которого она никогда раньше не видела и уже, наверное, никогда не увидит.

Этот человек — криминальный комиссар государственной комиссии по расследованию убийств, и он знает, что разговор нельзя отложить, и тем более он не может избежать этого разговора, потому что кроме этой единственной свидетельницы не существует ни единой зацепки, ни единой улики. Хотя протокол вскрытия еще не готов, но этот человек знает в общих чертах, что в нем будет написано.

Двадцать четыре часа назад Мартин Бек сидел на корме катера и вытаскивал сети, которые они с Ольбергом поставили рано утром. А теперь он стоял в кабинете управления полиции на Кунгсхольмсгатан, правым локтем опирался на металлический шкафчик и так скверно себя чувствовал, что ему даже не хотелось сесть.

Они договорились, что будет уместнее всего, если допрос проведет женщина, старший криминальный ассистент из отдела полиции нравов. Ей было лет сорок пять, звали ее Сильвия Гранберг, и для выполнения этой задачи она, в определенном смысле, очень хорошо подходила. Сидя напротив женщины в коричневом платье, она выглядела так же безучастно и невозмутимо, как и магнитофон, который она только что включила.

Когда она выключила магнитофон спустя сорок пять минут, в ней не было заметно никаких видимых изменений, а ее голос за все это время ни разу не дрогнул. Мартину Беку представилась возможность убедиться в этом еще раз, когда через несколько минут он с Колльбергом и несколькими другими сотрудниками прослушивал ленту.

ГРАНБЕРГ: Фру Карлсон, я знаю, что для вас это очень тяжело, но к сожалению, мы вынуждены задать вам несколько вопросов.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Да.

Г.: Вас зовут Карин Элизабет Карлсон.

С.: Да.

Г.: Когда вы родились?

С.: Седьмо… девять…

Г.: Пожалуйста, поворачивайте голову к микрофону, когда говорите. Хорошо?

С.: Седьмого апреля одна тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

Г.: Гражданское состояние?

С.: Что… я…

Г.: Я имею в виду, вы незамужняя, замужем или в разводе.

С.: Я в разводе.

Г.: Как давно вы развелись?

С.: Шесть лет… почти семь.

Г.: Как зовут вашего бывшего мужа?

С.: Сигвард Эрик Бертил Карлсон.

Г.: Где он живет?

С.: В Мальмё… то есть я хочу сказать, он туда приписан… по крайней мере, я так думаю.

Г.: Думаете? Вы точно не знаете?

МАРТИН БЕК: Он моряк, плавает. Пока что нам не удалось его найти.

Г.: Ваш бывший муж платил алименты на свою дочь?

М. Б.: Естественно, но оказалось, что уже несколько лет он ничего не платил.

С.: Он не очень любил Еву.

Г.: Вашу дочь звали Ева Карлсон. Еще одного имени у нее не было?

С.: Нет.

Г.: Она родилась пятого февраля одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года?

С.: Да.

Г.: Пожалуйста, попытайтесь рассказать нам как можно точнее, что произошло в пятницу вечером.

С.: Что произошло… ничего не произошло. Ева… пошла на улицу.

Г.: В котором часу?

С.: Было чуть позже семи. Она смотрела телевизор, а потом мы ужинали…

Г.: В котором часу вы ужинали?

С.: В шесть. Мы всегда ели в шесть часов, когда я приходила домой. Я работаю на фабрике, где изготовляют абажуры… и захожу за Евой в группу продленного дня, когда иду домой. Она сама ходит туда после школы… а по дороге домой мы вместе делаем покупки.

Г.: Что она ела за ужином?

С.: Котлеты… можно, я выпью немного воды?

Г.: Конечно, пожалуйста.

С.: Спасибо. Котлеты и картофельное пюре. А потом мы ели мороженое.

Г.: А что она пила?

С.: Молоко.

Г.: Что вы делали потом?

С.: Мы немножко смотрели телевизор… показывали детскую программу.

Г.: И приблизительно в семь часов или в начале восьмого она вышла на улицу?

С.: Да, дождь тогда уже прекратился. По телевизору были новости. А новости ее не очень интересуют.

Г.: Она пошла на улицу одна?

С.: Да. Понимаете, ведь было совсем светло и именно в этот день начались каникулы. Я разрешила ей оставаться на улице и играть до восьми часов. Вы считаете, что это… что это с моей стороны было легкомысленно?

Г.: Нет, что вы… вовсе нет. И после этого вы, значит, ее уже не видели?

С.: Нет… только при… нет, я не могу…

Г.: При опознании? Об этом вы можете не говорить. Когда вы начали беспокоиться?

С.: Не знаю. Я постоянно волновалась. Я всегда волновалась, когда ее не было дома. Ведь у меня есть только она…

Г.: Когда вы пошли ее искать?

С.: Около половины девятого. Она иногда забывает о времени. Может остаться у какой-нибудь подружки и забывает посмотреть на часы. Сами знаете… дети играют…

Г.: Конечно, еще бы мне это не знать. Когда вы начали ее искать?

С.: Приблизительно без четверти девять. Я знала, что у нее есть две подружки такого же возраста, как и она, и она с ними часто играет. Я позвонила родителям одной из них, но там никто не подходил к телефону.

М. Б.: Семья уехала. Они отправились на субботу и воскресенье в летний домик.

С.: Я этого не знала. Думаю, Ева тоже этого не знала.

Г.: Что вы делали потом?

С.: У родителей другой девочки нет телефона, и я туда сходила.

Г.: В котором часу это было?

С.: Наверняка я пришла туда уже после девяти, потому что входная дверь была заперта, и мне удалось попасть в дом только через несколько минут. Мне пришлось подождать, пока кто-нибудь не выйдет или не войдет. Ева была у них сразу после семи часов, но родители не пустили ее подружку на улицу. Ее отец сказал, что, по его мнению, уже слишком поздно, чтобы маленькие девочки играли на улице.

(Пауза.)

С.: Боже мой, если бы я знала… но ведь было светло и везде много людей. Если бы я знала…

Г.: А оттуда ваша дочь ушла сразу же?

С.: Да, она якобы сказала, что хочет пойти на детскую площадку.

Г.: О какой именно площадке она говорила, как по-вашему?

С.: Той, что в Ванадислундене, со стороны Свеавеген. Она всегда ходила только туда.

Г.: Может, она имела в виду другую детскую площадку, наверху, у водонапорной башни?

С.: Думаю, что нет. Она никогда туда не ходила. По крайней мере, не одна.

Г.: Как вы думаете, она могла пойти к каким-нибудь другим друзьям или подружкам?

С.: Насколько мне известно, нет. Она всегда играла только с этими двумя.

Г.: Что вы делали после того, как не нашли ее у подружки?

С.: Я… я пошла на детскую площадку возле Свеавеген. Там никого не было.

Г.: А потом?

С.: Потом я уже не знала, что должна делать. Я пошла домой и принялась ждать. Стояла у окна и высматривала ее на улице.

Г.: Когда вы позвонили в полицию?

С.: Это было уже позднее. В пять или десять минут одиннадцатого я увидела, как возле парка остановился полицейский автомобиль, а потом приехала машина скорой помощи. Тогда уже начался дождь. Я надела плащ и побежала туда. Я… я говорила там с каким-то полицейским, но он сказал мне, что там ранена какая-то взрослая женщина.

Г.: И вы пошли домой?

С.: Да… и я увидела, что в квартире горит свет. Я так обрадовалась, думала, что она уже дома. Но я просто забыла выключить свет.

Г.: Когда вы позвонили в полицию?

С.: После половины одиннадцатого, я уже больше не могла выдержать. Я позвонила одной моей подруге, мы вместе работаем на фабрике. Она живет в Хёкаренгене. И она мне сказала, чтобы я немедленно позвонила в полицию.

Г.: По нашим данным вы позвонили без десяти одиннадцать.

С.: Да. А потом я пошла в управление полиции. То, которое на Сурбрунгатан. Они были очень любезны со мной, я должна была описать им, как Ева выглядит… как она выглядела, во что была одета. Я взяла с собой фотографию, чтобы они знали, как она выглядит. Они были очень доброжелательны. Тот полицейский, который все записал, сказал, что не проходит и минуты, чтобы какой-нибудь ребенок не заблудился или не остался на ночь у знакомых, но всегда через несколько часов это обязательно выясняется. И…

Г.: Да?

С.: Он сказал, что если бы что-то случилось, возможно, какое-нибудь несчастье, то им об этом уже наверняка бы доложили.

Г.: Когда вы вернулись домой?

С.: После полуночи. Я сидела и ждала… всю ночь. Ждала, что кто-нибудь позвонит. Полиция. Я оставила им свой номер. Но никто не позвонил. Я на всякий случай позвонила туда еще раз. Но тот господин, с которым я разговаривала, сказал, что у них есть мой номер и что они немедленно позвонили бы мне, если бы…

(Пауза.)

С.: Но никто не позвонил. И утром тоже. А потом пришел полицейский в штатском и… сказал… что…

Г.: Думаю, можно не продолжать.

С.: Да. Нет.

М. Б.: К вашей дочери уже пару раз приставал один… ненормальный человек, не так ли?

С.: Да, прошлой осенью. Дважды. Она говорила, что якобы знает его. Он живет в том же квартале, что и Эйвор, это та девочка, у которой нет телефона.

М. Б.: Он живет на Хагагатан, да?

С.: Да. Я заявила об этом в полицию. Мы были там с Евой, и все это мне пришлось рассказать какой-то женщине. Ей также показали множество фотографий в альбомах.

Г.: У нас имеется рапорт об этом. Материал мы уже нашли.

М. Б.: Я знаю. Но я бы хотел вас спросить, не приставал ли этот человек к вашей Еве еще раз. Я имею в виду, после того, как вы заявили об этом в полицию.

С.: Нет… насколько мне известно, нет. Она ничего не говорила… а ведь она всегда обо всем рассказывала.

Г.: Спасибо, фрау Карлсон, это все.

С.: Уже все?

М. Б.: Не сердитесь, что я спрашиваю, но куда вы собираетесь сейчас идти?

С.: Не знаю. Только не домой, там…

Г.: Я провожу вас вниз, и мы по дороге все это обсудим. Думаю, мы что-нибудь придумаем.

С.: Спасибо. Вы очень добры ко мне.

Колльберг выключил магнитофон, хмуро посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Тот мерзавец, который приставал к ней осенью…

— Да?

— Его сейчас внизу допрашивает Рённ. Мы взяли его сразу же, вчера днем.

— Ну и..?

— Пока что это лишь большая победа современной вычислительной техники. Он ухмыляется и говорит, что это был не он.

— Это что-то доказывает?

— Конечно же, нет. У него вообще нет никакого алиби. Утверждает, что был дома и спал. У него однокомнатная квартира на Хагагатан. Говорит, что ничего не помнит.

— Он был насквозь пропитан алкоголем, — сказал Колльберг. — Мы знаем, что он сидел в ресторане «Красная вершина» и хлестал до шести часов, а потом его выставили. Думаю, его дела неважные.

— Что у него в прошлом?

— Насколько я могу судить, он обыкновенный эксгибиционист. Лента с записью рассказа этой девочки у меня здесь. Еще одна победа современной техники.

Открылась дверь, и вошел Рённ.

— Ну как? — спросил Колльберг.

— Пока никак. Ему нужно минутку отдохнуть. Похоже, он вообще не в состоянии что-либо соображать и невероятно устал.

— Мы тоже, — сказал Колльберг.

Он был прав. Рённ был неестественно бледен, веки у него опухли, а глаза покраснели.

— А как, по-твоему? — спросил Мартин Бек.

— Никак, — ответил Рённ. — Я просто-напросто не знаю. Думаю, что я заболею.

— Когда-нибудь в другой раз, — сказал Колльберг, — но только не сейчас. Прослушаем эту ленту?

Мартин Бек кивнул. Магнитофонная катушка снова начала вращаться. Приятный женский голос сказал:

— Допрос школьницы Евы Карлсон, родившейся пятого февраля одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Допрос проводит криминальный ассистент Соня Хансон.

Мартин Бек и Колльберг наморщили лбы и последующие несколько фраз прошли мимо их внимания. Они слишком хорошо знали этот голос и это имя. Соня Хансон была той девушкой, которую два с половиной года назад едва не убили, когда они использовали ее как приманку в полицейской ловушке.

— Просто чудо, что она осталась на службе, — заявил Колльберг.

— Да, действительно, — сказал Мартин Бек.

— Т-с-с, я ничего не слышу, — шикнул на них Рённ. Он не участвовал в расследовании того дела.

— …и потом этот мужчина подошел к тебе?

— Да. Мы с Эйвор ждали автобус на остановке.

— Что он делал?

— От него ужасно воняло, и он очень странно шел и потом сказал… что-то странное.

— Ты помнишь, что он сказал?

— Да. Он сказал: «Привет, девочки, вы не хотите сделать мне рентген бура?»

— Ты поняла, что он имел в виду, Ева?

— Нет, это-то и было странно, мы ведь знаем, что такое делать рентген. Как у герра доктора. Но мы ведь это не можем. Вот так, без того прибора или как он там называется.

— И что вы сделали, когда он вам это сказал?

— Ну, он это несколько раз повторил. А потом пошел дальше, а мы крались за ним.

— Крались?

— Ну, мы следили за ним. Как в кино или по телевизору.

— Значит, вы не испугались?

— Нет, вовсе нет, ведь ничего не случилось.

— Видишь ли, таких мужчин вы должны опасаться.

— Да, но этого мы вовсе не испугались.

— Вы узнали, куда он идет?

— Да, мы узнали. Он пошел в тот же дом, где живет Эйвор, и когда поднялся на второй этаж, достал ключ из кармана, открыл дверь и вошел внутрь.

— А вы пошли домой?

— Нет. Мы прокрались наверх и посмотрели на дверь. Там ведь было написано, как его зовут.

— Ага. И что же там было написано?

— По-моему, Эриксон. Мы еще подслушали у щели для писем на двери. Мы услышали, как он там ходит и все время что-то бормочет.

— Ты рассказала об этом маме?

— Зачем, ведь ничего не случилось, хотя это и было чуточку странно.

— Но о том, что произошло вчера, ты все же рассказала маме, ведь так?

— Да, я рассказала про коровок.

— И это снова был тот же самый мужчина?

— Да.

— Точно?

— Ну, мне так кажется.

— Как по-твоему, сколько лет этому мужчине?

— Ну, лет двадцать, не меньше.

— А сколько, по-твоему, мне лет?

— Ну, наверное, лет сорок. Или пятьдесят.

— Как ты думаешь, этот мужчина старше меня или младше?

— Ой, намного старше. Намного-намного. А сколько тебе лет?

— Двадцать восемь. Так, а теперь, пожалуйста, расскажи мне, что произошло вчера.

— Ну, мы с Эйвор играли возле дома в классики, а он подошел к нам и сказал: «Девочки, пойдемте со мной наверх, я покажу вам, как я дою своих коровок».

— Ага. И что он сделал потом?

— Разве у него в квартире могут быть коровы? Настоящие?

— Ну, и что же ты сказала? И Эйвор?

— Ну, мы ничего не сказали, но Эйвор потом говорила мне, что ей было неприятно, потому что у нее развязалась ленточка в волосах, и что она не смогла бы никуда ни с кем пойти.

— И тогда этот мужчина ушел?

— Нет, он сказал, что должен будет подоить коровку здесь. А потом…

Звонкий детский голосок замолчал посреди фразы, словно кто-то оборвал его, потому что Колльберг протянул руку и выключил магнитофон. Мартин Бек смотрел на него и суставами пальцев тер основание носа.

— Самое смешное то, что… — начал Рённ.

— Черт возьми, что ты болтаешь! — заорал на него Колльберг.

— Ну, так он ведь теперь признается в этом. Раньше он все отрицал, а девочки чем дальше, тем менее были уверены, что это он, так это ничем и не кончилось. Но теперь он во всем признается. Говорит, что был пьян и в первый раз, и во второй, иначе якобы никогда бы этого не сделал.

— Ага, так значит, он теперь признается, — сказал Колльберг.

— Да.

Мартин Бек вопросительно посмотрел на Колльберга. Потом повернулся к Рённу и сказал:

— Ты ночью не спал, да?

— Не спал.

— Думаю, тебе нужно сейчас пойти домой и поспать.

— А этого субъекта мы выпустим?

— Нет, — заявил Колльберг. — Этого субъекта мы не выпустим.

X

Оказалось, что его фамилия действительно была Эриксон, он был складским рабочим, и тот, кто видел его, не обязательно должен был разбираться в пьяницах, чтобы сразу понять, что это хронический алкоголик. Ему было шестьдесят лет, почти совершенно лысый, долговязый, одна кожа да кости. Его всего трясло.

Колльберг и Мартин Бек допрашивали его два часа, которые были для всех одинаково невыносимыми.

Мужчина снова и снова признавался во всех отвратительных подробностях. Иногда он начинал плакать и клялся, что в пятницу вечером прямо из ресторана пошел домой, говорил, что больше ничего не помнит.

Через два часа он признался, что в июле 1964 года украл двести крон, а когда ему было восемнадцать — велосипед, а потом уже только хныкал. Это была человеческая развалина, отчаянно одинокая и отвергнутая сомнительным обществом, которое ее окружало.

Колльберг и Мартин Бек хмуро смотрели на него, потом отправили обратно в камеру.

Одновременно другие сотрудники отдела и персонал пятого округа пытались найти в доме на Хагагатан кого-нибудь, кто мог бы подтвердить или опровергнуть его алиби. Им не удалось ни того, ни другого.

Протокол вскрытия поступил в их распоряжение около четырех часов дня и все еще был предварительным. В нем говорилось об удушении, следах пальцев на горле и изнасиловании.

Кроме того, протокол давал ряд отрицательных ответов. Ничто не свидетельствовало о том, что девочка имела возможность каким-то образом защищаться. Не обнаружили никаких кусочков кожи под ногтями и никаких синяков на руках и предплечьях. Внизу живота синяки все же имелись и выглядели, как следы от ударов кулаком.

Эксперты из технического отдела обследовали также ее одежду, однако не обнаружили ничего необычного. Однако трусики отсутствовали. Их нигде не могли найти. Это были обычные белые хлопчатобумажные трусики тридцать шестого размера.

В течение вечера полицейские, которые обходили один дом за другим, раздали пятьсот отпечатанных на ротаторе формуляров и получили один-единственный положительный ответ. Восемнадцатилетняя девушка по имени Майкен Янсон, проживающая по адресу Свеавеген, 103, дочь заместителя директора по торговле какой-то фирмы, показала, что вместе со своим другом такого же возраста была в Ванадислундене в течение приблизительно двадцати минут между восемью и девятью часами. Уточнить время она не смогла. Они совершенно ничего не видели и не слышали.

На вопрос, с какой целью она была со своим другом в Ванадислундене, она ответила, что они на несколько минут удалились с семейной вечеринки, чтобы немножко подышать свежим воздухом.

— Чтобы немножко подышать свежим воздухом, — задумчиво сказал Меландер.

Один час медленно тянулся за другим, как улитка. Машина расследования была запущена на полные обороты. Все напрасно. Мартин Бек попал домой в Багармуссен только в час ночи в понедельник. Все спали. Он достал из холодильника бутылку пива и намазал ломтик хлеба печеночным паштетом. Потом выпил пиво, а хлеб выбросил в мусорное ведро.

Забравшись в постель, он несколько минут лежал с открытыми глазами и думал о трясущемся складском рабочем по фамилии Эриксон, который три года назад украл у одного своего коллеги из пиджака двести крон.

Колльберг вообще не спал. Он лежал в темноте и смотрел в потолок. Он тоже думал о мужчине по фамилии Эриксон, который числился у них в картотеке отдела полиции нравов. Одновременно он размышлял над тем, что если того, кто совершил убийство в Ванадислундене, нет в картотеке, то современные вычислительные машины помогут им примерно так же, как американской полиции, когда она пыталась схватить бостонского душителя. Другими словами, никак не помогут. Бостонский душитель убил в течение двух лет тринадцать человек, он убивал только одиноких женщин и не оставлял после себя никаких следов.

Время от времени он посматривал на свою жену. Она спала, но вздрагивала каждый раз, когда ребенок в ее теле толкался ножками.

XI

Было утро понедельника, и прошло уже два дня и шесть часов с тех пор, как нашли мертвую девочку в парке Ванадислунден.

Полиция обратилась к общественности через прессу, радио и телевидение и получила уже триста ответов. Каждый ответ регистрировался и направлялся непосредственно в группу, ведущую расследование, а результаты изучали с чрезмерным вниманием.

Полиция нравов проверила всю картотеку, лаборатория исследовала скудный материал с места преступления, вычислительный центр работал на полную мощность, сотрудники отдела расследования убийств ходили от дома к дому в окрестностях места преступления вместе с патрульными в штатском из девятого округа, допрашивали возможных подозреваемых и свидетелей, однако вся эта деятельность не привела к чему-нибудь, что можно было бы назвать прогрессом. Убийца был неизвестен и по-прежнему оставался на свободе.

У Мартина Бека на столе высились горы документов. С раннего утра его завалила нескончаемая лавина сообщений, рапортов и протоколов. Телефон звонил почти непрерывно, и Мартин Бек попросил Колльберга в течение часа отвечать на телефонные звонки, чтобы иметь возможность хотя бы немного передохнуть. Гюнвальда Ларссона и Меландера избавили от необходимости подходить к телефону. Оба сидели за закрытыми дверями и просматривали письменные материалы.

Мартин Бек спал ночью только пару часов и не уходил на обеденный перерыв, чтобы успеть на пресс-конференцию, с которой журналисты вынесли не очень много.

Он зевнул и взглянул на часы. Его поразило, что уже четверть четвертого. Он взял кипу документов, которые принадлежали отделу Меландера, постучал и вошел к Меландеру и Гюнвальду Ларссону.

Меландер даже не поднял головы. Они работали вместе так долго, что он узнавал Мартина Бека по стуку. Гюнвальд Ларссон бросил ненавидящий взгляд на документы, которые принес им Мартин Бек, и проворчал:

— Черт возьми, зачем ты принес их сюда? Не видишь разве, что у нас здесь полно этого добра?

Мартин Бек пожал плечами и молча положил бумаги у локтя Меландера.

— Я бы выпил кофе, — сообщил он. — Присоединитесь?

Меландер покачал головой, не глядя на него.

— Не ехидничай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек вышел, закрыл за собой дверь и столкнулся с Колльбергом, который спешил к нему. Увидев злое выражение на кругловатом лице Колльберга, он спросил:

— Что с тобой?

Колльберг схватил его за руку и выпалил так, что слова сливались:

— Мартин, это снова произошло! Он сделал это снова! В парке Тантолунден!

Они ехали через Вестерброн, сирены завывали, и по рации они слышали, что все свободные автомобили направляются к парку Тантолунден, чтобы как можно быстрее перекрыть весь район. Единственное, о чем узнали Мартин Бек и Колльберг перед тем как выехать, было то, что неподалеку от летнего театра нашли мертвую девочку, что обстоятельства напоминают убийство в парке Ванадислунден и что мертвое тело обнаружили так быстро, что убийца, возможно, еще не успел уйти далеко от места преступления.

Проезжая мимо стадиона «Цинкенсдамм», они видели, как на Вольмар-Юкскульсгатан сворачивают несколько черно-белых автомобилей. На Рингвеген и в парке уже стояло несколько машин.

Они остановились перед рядом низких деревянных домиков на Шёльдгатан. Вход в парк загораживал поставленный поперек ворот автомобиль с антенной. На узкой пешеходной дорожке полицейский в униформе заворачивал обратно каких-то детей, которые хотели пойти наверх в парк.

Мартин Бек широким шагом подошел к полицейскому, оставив Колльберга где-то позади. Он поздоровался с полицейским, тот махнул в направлении парка, и Мартин Бек быстро пошел дальше. Местность в парке была очень пересеченная, и только обойдя театр и поднявшись по склону холма, он увидел группку людей, стоящих полукругом спиной к нему. Они стояли в небольшой ложбинке приблизительно в десяти метрах от дороги. Чуть дальше дорога раздваивалась, и на развилке стоял полицейский и следил, чтобы сюда не проникли любопытные.

Когда он спускался с холма, его догнал Колльберг. Они слышали, как полицейские внизу разговаривают, но когда подошли ближе, все замолчали, поздоровались и расступились. Мартин Бек слышал, как Колльберг переводит дыхание.

Девочка лежала на спине в траве, и руки у нее были закинуты за голову. Левая нога согнута, и колено поднято так высоко, что бедро составляло с туловищем почти прямой угол. Правая нога вытянута. Лицо повернуто вверх, глаза наполовину закрыты, а рот открыт. Из носа у нее текла кровь. Вокруг шеи несколько раз обмотана прозрачная пластиковая скакалка. На девочке был желтый хлопчатобумажный сарафан. Три последних пуговицы оторваны. Трусиков на ней не было. На ногах белые носочки и красные босоножки. Выглядела она лет на десять. Она была мертва.

Все это Мартин Бек увидел за те несколько секунд, которые был в состоянии на нее смотреть. Потом оттянулся и посмотрел на дорожку. Сверху сбегали два человека из технического отдела. Они были в серых комбинезонах, и один из них нес большой серый алюминиевый ящик. Второй держал в одной руке моток веревки, и в другой — красную сумку. Когда они подбежали ближе, один из них, с веревкой в руке, закричал:

— Пусть тот дуралей, который поставил машину внизу поперек ворот, уберет ее, чтобы мы могли подъехать сюда на автомобиле!

Он быстро посмотрел на мертвую, потом побежал на развилку и начал ограждать веревкой место происшествия.

Па обочине дороги стоял патрульный автомобиль. Полицейский в кожаной куртке говорил по рации. Рядом с ним стоял мужчина в штатском и напряженно прислушивался. Мартин Бек узнал его. Фамилия этого мужчины была Маннинг, он работал в отделе негласного наблюдения второго округа.

Маннинг увидел Мартина Бека и Колльберга, сказал патрульным несколько слов и направился к ним.

— Похоже, весь район уже перекрыт, — сказал он. — Если, конечно, его вообще можно перекрыть.

— Как давно вы ее нашли? — спросил Мартин Бек.

Маннинг взглянул на часы.

— Первый автомобиль приехал сюда двадцать минут назад, — ответил он.

— Описания преступника нет?

— К сожалению.

— Кто ее нашел?

— Два маленьких мальчика. Потом они остановили патрульный автомобиль на Рингвеген. Когда мы сюда приехали, она еще была теплая. Так что вряд ли это произошло давно.

Мартин Бек огляделся по сторонам. С холма медленно съезжал автомобиль технического отдела, а за ним автомобиль с врачом.

Из ложбинки, где лежал мертвый ребенок, не был виден жилой массив, который начинался за пригорком в каких-нибудь пятидесяти метрах отсюда. Над кронами деревьев виднелись верхние этажи домов на Тантогатан, однако железная дорога, отделяющая улицу от парка, скрывалась в зелени деревьев и кустов.

— Лучшего места он не мог выбрать в целом городе, — сказал Мартин Бек.

— Ты хотел сказать, худшего, — заметил Колльберг.

Он был прав. Даже если человек, у которого была на совести смерть этой девочки, все еще оставался где-то неподалеку, он вполне мог надеяться, что ему удастся исчезнуть. Парк Тантолунден — самый большой в центральной части города. Вдоль парка тянется жилой массив, а между ним и берегом залива находится множество маленьких доков, складов, мастерских, свалок и огромное количество старых лачуг.

Между Вольмар-Юкскульсгатан, которая пересекает этот район от Рингвеген до берега залива, и Хорнсгатан находится Хёгалидская лечебница для алкоголиков, которая представляет собой ряд больших домов, разбросанных на довольно большом расстоянии друг от друга. Вокруг имеются еще разные склады и деревянные сараи. Между лечебницей и стадионом «Цинкенсдамм» располагается еще один жилой массив. Эстакада над железной дорогой связывает южную часть парка с Тантогатан, где на берегу залива на высоком холме тянутся вверх пять многоэтажных жилых домов. Чуть дальше, на пересечении Тантогатан и Рингвеген находится «Танто» — ночлежка для бездомных, несколько длинных, низких деревянных бараков.

Мартин Бек оценил ситуацию и решил, что она довольно безнадежная. У него были большие сомнения насчет того, что им удастся схватить убийцу в этом месте и именно сейчас. Во-первых, у них не было его описания, во-вторых, он наверняка уже за холмами и, в-третьих, в лечебнице для алкоголиков и ночлежке имеется такое множество самых разообразных, индивидуумов, что полиции понадобилось бы несколько дней, прежде чем вообще удалось бы всех их допросить.

Последующий час подтвердил его сомнения. Когда врач закончил предварительный беглый осмотр, он мог лишь констатировать, что девочку задушили и, очевидно, изнасиловали, и что смерть наступила недавно. Патруль с полицейскими собаками прибыл вскоре после Мартина Бека и Колльберга, но единственный след, который взяли собаки, вел кратчайшим путем на Вольмар-Юкскульсгатан. Полицейские в штатском из патрулей отдела негласного наблюдения допрашивали самых разных свидетелей, пока что без какого-либо результата. В парке и жилых массивах в это время было много людей, но никто не видел и не слышал ничего, что могло бы иметь какое-нибудь отношение к убийству.

Было без десяти пять, на тротуаре на Рингвеген стояла кучка людей и с любопытством наблюдала за внешне хаотичной деятельностью полиции. Там толпились репортеры и фотографы, но некоторые из них уже вернулись в свои редакции, чтобы дать читателям точное описание второго за последние три дня убийства маленькой девочки в Стокгольме. Они не забыли упомянуть, что убийство совершил опасный сумасшедший, который до сих пор находится на свободе.

Мартин Бек увидел круглый зад Колльберга в двери патрульного автомобиля на покрытой гравием стоянке возле Рингвеген. Он продрался сквозь толпу журналистов и подошел к Колльбергу, который склонился над рацией и что-то говорил в микрофон. Он

подождал, пока Колльберг договорит, и потом легонько шлепнул его по заду. Колльберг попятился из автомобиля и выпрямился.

— А, это ты, — сказал он. — Я подумал, что это какая-то из собак.

— Не знаешь, кто-нибудь уже разговаривал с родителями этой девочки? — спросил Мартин Бек.

— Да, — ответил Колльберг. — По крайней мере, этого нам удастся избежать.

— Я схожу поговорю с теми мальчишками, которые нашли ее. Насколько мне известно, они сейчас дома на Тантогатан.

— Хорошо, — сказал Колльберг. — Я останусь здесь.

— Хорошо. Ну, пока.

Мальчики жили в одном из больших дугообразных жилых домов на Тантогатан, и Мартин Бек застал их обоих дома у одного из них. Оба еще не пришли в себя после того ужасного потрясения, которое им пришлось испытать, однако, вместе с тем, не могли скрыть, что все это им кажется очень захватывающим.

Они сказали Мартину Беку, что нашли девочку, когда играли в парке. Они сразу ее узнали, потому что она жила в том же доме, что и они. До этого они видели ее на детской площадке за домом, в котором жили, и она играла с двумя подружками ее возраста. Одна из них училась с мальчиками в одном классе, они сразу выложили Мартину Беку, что ее зовут Лена Оскарсон, что ей десять лет и что она живет в соседнем доме.

Соседний дом выглядел точно так же, как и тот, в котором жили оба мальчика. Он поднялся на седьмой этаж в скоростном лифте и позвонил. Через минуту дверь приоткрылась и тут же закрылась. В щель он никого не увидел. Он позвонил еще раз. Дверь мгновенно открылась, и Мартин Бек понял, почему до этого никого не увидел. Мальчик за дверью выглядел года на три, и его светленький чубчик белел на высоте приблизительно одного метра.

Малыш отпустил дверную ручку и сказал звонким ясным голоском:

— Привет.

Потом он убежал в квартиру, и Мартин Бек слышал, как он кричит:

— Мама! Мама! Дядя!

Через минуту пришла мама. Она серьезно и вопросительно посмотрела на Мартина Бека. Он быстро вытащил из кармана служебное удостоверение.

— Я бы хотел поговорить с вашей дочерью, если она дома, — сказал он. — Она знает, что произошло?

— Что произошло с Анникой? Да, соседи сказали нам это минуту назад. Это ужасно. Как может что-то подобное произойти вот так, средь бела дня? Входите, я сейчас приведу Лену.

Мартин Бек вошел вслед за фру Оскарсон в гостиную. Вплоть до мебели комната выглядела точно так же, как та, из которой он вышел минуту назад. Светловолосый малыш стоял в центре комнаты и с любопытством смотрел на него глазами, полными ожидания. В руке он держал маленькую детскую гитару.

— Буссе, иди играть к себе в комнату, — сказала его мама.

Буссе не послушался, и, казалось, мать вовсе не ожидала, что он послушается. Она подошла к длинному дивану у окна на балкон и отодвинула в сторону какие-то игрушки.

— У нас тут немножко не убрано, — сказала она. — Да вы садитесь, я уже иду за Леной.

Она вышла, и Мартин Бек улыбнулся малышу. Его собственным детям уже исполнилось двенадцать и пятнадцать, так что он совершенно забыл, как нужно разговаривать с трехлетками.

— Ты умеешь играть на этой гитаре? — спросил он.

— Нет, — категорически заявил малыш. — А ты умеешь.

— Куда там, я тоже не умею, — сказал Мартин Бек.

— Умеешь, — уперся Буссе. — Умеешь, только не хочешь.

Вошла фру Оскарсон, взяла малыша с гитарой на руки и решительно унесла его из комнаты. Он ревел и размахивал руками, и мама успела еще сказать через плечо:

— Я сейчас приду, а вы тем временем можете поговорить с Леной.

Мальчики сказали ему, что Лене десять лет. Для своего возраста она была высокая и, несмотря на чуточку кислый вид, красивенькая. На ней были синие джинсы и хлопчатобумажная блузочка. Она застенчиво остановилась.

— Садись, — сказал Мартин Бек, — так нам будет удобнее разговаривать.

Она присела на краешек стула и сдвинула колени.

— Тебя зовут Лена, — сказал он.

— Да.

— А меня Мартин. Ты уже знаешь, что произошло?

— Да, — сказала девочка и уставилась в пол. — Я слышала… мне мама сказала.

— Я понимаю, что ты, наверное, боишься, но должен спросить тебя кое о чем.

— Да.

— Я слышал, что сегодня ты была на улице вместе с Анникой?

— Да, мы играли вместе. Улла, Анника и я.

— Где вы играли?

Она кивнула в направлении окна.

— Сначала там внизу, во дворе. Потом Улле пришлось уйти домой на обед, а мы с Анникой пошли к нам. Потом за нами зашла Улла, и мы снова пошли на улицу.

— Куда вы пошли?

— В парк Тантолунден. Мне пришлось взять с собой Буссе, там есть качели, на которых он любит качаться.

— Ты знаешь, когда приблизительно это было?

— Наверное, в половине второго, в два, мама должна это знать.

— Так значит, вы пошли в парк Тантолунден. Ты не видела, Анника там, возможно, встретила кого-нибудь? Может, она с кем-то разговаривала, с каким-нибудь мужчиной?

— Нет, я не видела, чтобы она с кем-нибудь разговаривала.

— Что вы делали в парке?

Девочка несколько секунд смотрела в окно. Наверное, размышляла.

— Ну, — сказала она, — мы играли. Сначала пошли на качели, ради Буссе. Потом прыгали через скакалку. Потом пошли к киоску с мороженым.

— В парке были еще какие-нибудь дети?

— Нет, когда мы там были. Вернее, в песочнице было два малыша. Буссе начал драться с ними, но потом их увела мама.

— А что вы делали потом, после того как купили мороженое? — спросил Мартин Бек.

Откуда-то из глубины квартиры до него донесся голос фру Оскарсон и яростный рев малыша.

— Мы просто бродили. Потом Анника разозлилась.

— Она разозлилась? Почему?

— Ну, просто разозлилась. Мы с Уллой хотели играть в классики, а она не хотела. Она хотела играть в жмурки, но в жмурки нельзя играть, когда с нами Буссе. Он всегда бегает вокруг, подглядывает и каждому говорит, кто где прячется. В общем, она разозлилась и ушла.

— А куда она пошла? Она сказала, куда идет?

— Нет, она ничего не сказала. Просто ушла, а мы с Уллой как раз чертили классики и не видели, куда она пошла.

— Так значит, вы даже не видели, в какую сторону она пошла?

— Нет, мы об этом не думали. Мы играли в классики и тут увидели, что Буссе исчез и что она тоже исчезла.

— И вы пошли искать Буссе?

Девочка смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и прошла минута, прежде чем она ответила.

— Нет. Я подумала, что он где-то с Анникой. Он вечно за ней бегает. У нее нет… то есть, не было, ни брата, ни сестры, и она всегда была очень ласкова с Буссе.

— А что было дальше? Буссе вернулся?

— Да, он вскоре пришел. Наверное, он был где-то близко, но мы его не видели.

Мартин Бек кивнул. Ему хотелось закурить, но он не видел нигде в комнате пепельницу и отбросил эту мысль.

— А куда, по-вашему, ушла Анника? Буссе не сказал, где он был?

Девочка замотала головой, и длинные светлые волосы упали ей на лоб.

— Мы подумали, что она пошла домой. Буссе мы ни о чем не спрашивали, а сам он ничего не говорил. Потом так закапризничал, что мы решили пойти к нам домой.

— Ты знаешь, сколько было времени, когда Анника ушла с детской площадки?

— Не знаю. У меня не было часов. Но когда мы пришли сюда, домой, было три часа. А мы долго не играли. Примерно, полчаса, не больше.

— Вы видели в парке еще каких-нибудь людей?

Лена откинула назад волосы и наморщила лоб.

— Мы на это не обратили внимания. По крайней мере, я. Думаю, там некоторое время была какая-то женщина с собакой. С таксой. Буссе хотел поиграть с ней; мне пришлось подойти и увести его.

Она с серьезным видом посмотрела на Мартина Бека.

— Он не должен играть с собаками, — объяснила она. — Это опасно.

— И больше никого ты в парке не заметила? Подумай, может, кого-нибудь вспомнишь?

Она покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Мы играли, и мне приходилось присматривать за Буссе, так что я не видела, есть ли там кто-нибудь еще. Может, кто-нибудь проходил мимо, но я этого не знаю.

В соседней комнате стало тихо, и фру Оскарсон вернулась в гостиную. Мартин Бек встал.

— Не могла бы ты мне сказать, как фамилия Уллы и где она живет? — спросил он девочку. — Мне пора идти, но, возможно, я еще зайду к тебе. Если ты о чем-нибудь вспомнишь — о том, что случилось или что ты видела еще, скажи маме, и она позвонит мне.

Он повернулся к матери девочки.

— Это может быть какая-нибудь, на первый взгляд, совершенно незначительная подробность, — сказал он. — Но я бы хотел, чтобы вы позвонили мне, если что-нибудь вспомните.

Он дал фру Оскарсон свою визитную карточку и получил листок бумаги с фамилией, адресом и телефоном третьей девочки.

Потом он вернулся в парк Тантолунден.

У специалистов из технического отдела было еще полно работы в ложбинке у летнего театра. Солнце стояло низко и отбрасывало на газон длинные тени. Мартин Бек оставался там до тех пор, пока не увезли мертвое тельце. Потом он вернулся на Кунгсхольмен.

— Трусики он снова унес, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Белые. Тридцать шестого размера.

— Гнусная свинья, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он ковырялся карандашом в ухе и бормотал:

— А что на это говорят наши четвероногие друзья?

Мартин Бек бросил на него критический взгляд.

— Как поступим с Эриксоном? — спросил Рённ.

— Отпусти его, — сказал Мартин Бек.

Через несколько секунд он добавил:

— Но не спускай с него глаз.

XII

Утреннее совещание во вторник, тринадцатого июня, было коротким и вовсе не многообещающим. То же самое относилось и к заявлению для прессы. Места, где были совершены убийства, полиция разрешила фотографировать с вертолета. Общественность оказала помощь тысячами сообщений, и полиция все эти сообщения честно обработала.

Полиция контролировала всех известных ей эксгибиционистов, эротоманов и других лиц с сексуальными отклонениями. Одного человека задержали и допросили, чтобы выяснить, что он делал в то время, когда произошло первое преступление. Теперь этого человека выпустили.

Все были невыспавшиеся и усталые, даже журналисты и фотографы.

После совещания Колльберг сказал Мартину Беку:

— Есть два свидетеля.

Мартин Бек кивнул. Они пошли к Гюнвальду Ларссону и Меландеру.

— Есть два свидетеля, — сказал Мартин Бек.

Меландер даже не поднял головы от своих бумаг, ни Гюнвальд Ларссон сказал:

— Ну ты даешь. И кто же?

— Во-первых, ребенок в парке Тантолунден.

— Трехлетний малыш.

— Вот именно.

— Девушки из полиции нравов уже пытались с ним поговорить, тебе это известно так же хорошо, как и мне. Он даже еще не умеет как следует разговаривать. Это почти такая же мудрость, как тогда, когда ты советовал мне допросить собаку.

Мартин Бек проигнорировал как это замечание, так и изумленный взгляд, который бросил на него Колльберг.

— А второй? — спросил Меландер, по-прежнему погруженный с головой в бумаги.

— Грабитель.

— Грабителем занимаюсь я, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно. Так найди его.

Гюнвальд Ларссон откинулся назад, так что вращающееся кресло затрещало. Он пристально посмотрел на Мартина Бека, потом на Колльберга и наконец сказал:

— Ну-ка. И что же, по-вашему, я делаю последние три недели? Я и ребята из отдела негласного наблюдения в пятом и девятом округах? Очевидно, вы полагаете, что мы играем в картишки? Или, может, ты станешь утверждать, что мы не сделали все, что было в наших силах?

— Вы сделали все, что было в ваших силах. Но теперь все изменилось. Теперь вы просто обязаны его найти.

— Но как, черт возьми? И прямо сейчас, немедленно?

— Этот грабитель — специалист, он свое дело знает, — сказал Мартин Бек. — Он сам это доказал. Хотя бы раз он напал на кого-нибудь, у кого не было при себе денег?

— Нет.

— Хотя бы раз он напал на того, кто сумел бы себя защитить? — спросил Колльберг.

— Нет.

— Ребята из патрулей в штатском были хотя бы раз где-нибудь поблизости? — спросил Мартин Бек.

— Нет.

— И что же из всего этого следует? — спросил Колльберг.

Гюнвальд Ларссон не ответил сразу. Он долго ковырял карандашом в ухе и наконец сказал:

— Он специалист.

— Ну вот, сам видишь, — сказал Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон снова погрузился в раздумья. Наконец он спросил:

— Когда ты был здесь десять дней назад, ты хотел что-то сказать, но не сказал. Почему?

— Потому что ты меня перебил.

— А что ты хотел сказать?

— То, что мы должны изучить временной график этих ограблений, — сказал Меландер, глядя в свои бумаги. — Систематическая работа. Мы уже это сделали.

— И еще одно, — сказал Мартин Бек. — Леннарт уже минуту назад намекнул на это. Твой грабитель специалист, ты сам это говоришь. Он такой специалист, который наверняка знает всех людей из отделов негласного наблюдения так же хорошо, как свои собственные ботинки. И из отдела расследования убийств тоже. Возможно, даже знает и автомобили.

— Ну хорошо, и что же я должен делать? — сказал Гюнвальд Ларссон. — Я что же, должен из-за этого бандита набрать новых полицейских, а?

— Ты мог бы взять людей из других мест, — сказал Колльберг. — Самых разных людей… и женщин… и другие автомобили.

— Ну, теперь уже поздно, — через минуту произнес Гюнвальд Ларссон.

— Это верно, — подтвердил Мартин Бек. — Теперь уже поздно. Но с другой стороны, сейчас еще намного важнее, чтобы мы его схватили.

— Этот субъект даже не взглянет ни на один парк, пока по городу будет разгуливать убийца, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно. Когда произошло последнее ограбление?

— Между девятью и четвертью десятого.

— А убийство?

— Между семью и восемью. Послушай, что ты мне здесь рассказываешь о вещах, о которых все мы знаем?

— Не сердись. Может быть, для того, чтобы убедить самого себя.

— В чем? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— В том, что этот твой грабитель видел девочку, — сказал Колльберг. — И того, кто ее убил. Этот грабитель не делает ничего на авось. Ему приходится каждый раз часами бродить по парку, пока не представится стопроцентная возможность. Либо ему должно невероятно везти.

— Так везти не может никому, — возразил Меландер. — Не девять раз подряд. Пять, может быть. Или шесть.

— Найди его.

— Может, мне апеллировать к его чувству справедливости, а? Чтобы он объявился сам?

— Это не исключено.

Зазвонил телефон.

— Да, — произнес Меландер, взяв трубку. Он около минуты слушал, а потом сказал: — Отправьте туда радиопатруль.

— Что-нибудь случилось? — спросил Колльберг.

— Нет, — ответил Меландер.

— Чувство справедливости! — повторил Гюнвальд Ларссон и покачал головой. — Ваши понятия о мире бандитов в самом деле… ну, у меня просто нет слов.

— Черт возьми, мне сейчас совершенно безразлично, чего у тебя нет, — накинулся на него Мартин Бек с нотками ярости в голосе. — Найди его.

— Развяжи язык своим осведомителям, — сказал Колльберг.

— Ты думаешь, что я… — начал Гюнвальд Ларссон, но тут его тоже перебили.

— Где бы он ни был, — сказал Мартин Бек, — на Канарских островах или в какой-нибудь старой лачуге в Сёдермальме. Привлеки всех осведомителей и чем скорее, тем лучше. Используй каждый контакт с преступным миром, используй газеты, радио, телевидение. Угрожай, давай взятки, уговаривай… делай что хочешь, лишь бы только схватить этого субъекта.

— Вы что, считаете, будто у меня такая слабая голова, чтобы я сам не мог до этого додуматься?

— Ты очень хорошо знаешь, какого я мнения о твоем уме, — с серьезным видом сказал Колльберг.

— Да, знаю, — добродушно ответил Гюнвальд Ларссон. — Ну ладно, свистать всех наверх.

Он протянул руку к телефону. Мартин Бек и Колльберг вышли из кабинета.

— Возможно, что-нибудь и получится, — сказал Марши Бек.

— Возможно, — словно эхо, повторил Колльберг.

— Гюнвальд не так глуп, как кажется.

— В самом деле?

— Послушай, Леннарт.

— Да?

— Что с тобой, собственно, происходит?

— То же самое, что и с тобой.

— Что же?

— Я боюсь.

На это Мартин Бек ничего не ответил. Отчасти потому, что Колльберг был прав, отчасти потому, что они были знакомы уже так давно и так хорошо знали друг друга, что в большинстве случаев понимали друг друга без слов.

Подгоняемые одной и той же мыслью, они спустились по лестнице и вышли на улицу. Там стоял красный «сааб» с иностранными номерами, который, несмотря на это, принадлежал государственной полиции.

— Этот малыш, как бишь его зовут… — задумчиво сказал Мартин Бек.

— Бу Оскарсон, — сказал Колльберг. — Они зовут его Буссе.

— Да, я с ним общался, но только пару минут. Кто с ним разговаривал?

— Думаю, Сильвия. Или Соня.

Стояла невыносимая жара, и на улицах было безлюдно. Они переехали через Вестерброн, свернули к Полсундет-каналу и продолжили путь по Бергсундстранд. Во время езды они слушали бесконечную болтовню на волне сорок метров.

— Сюда может влезть любой радиолюбитель на расстоянии до восьмидесяти километров, — раздраженно проворчал Колльберг. — Знаешь, сколько стоит изолировать частную радиостанцию?

Мартин Бек кивнул. Он где-то слышал, что это стоило бы каких-нибудь сто пятьдесят тысяч. Которых, естественно, у них не было.

В действительности же он думал о другом. Когда в последний раз они разыскивали убийцу с привлечением всех средств и напряжением всех сил, им понадобилось сорок дней и ночей, чтобы схватить его. Когда в последний раз у них был случай, похожий на этот, им понадобилось десять дней. Теперь убийца нанес удар дважды с промежутком меньше четырех дней. Меландер сказал, что грабителю в парке может повезти пять или шесть раз подряд, что, кстати говоря, вполне соответствовало действительности. Но если бы это оказалось справедливым для того дела, которое они сейчас расследовали, то это уже была бы не математика, а кошмар.

Они проехали по Лильехольмсброн, продолжили путь но Хорнстульстранд, переехали через железную дорогу и выскочили на холм к высотным домам, в места, где раньше стоял городской сахарный завод. В скверике перед домом играли дети, но их было мало.

Они поставили машину и поднялись лифтом на седьмой этаж. Позвонили, но им никто не открыл. Они немного подождали, а потом Мартин Бек позвонил в соседнюю квартиру. Дверь приоткрылась, и выглянула какая-то женщина. У нее за спиной стояла девочка лет пяти-шести.

— Полиция, — сказал Колльберг успокаивающим тоном и показал служебное удостоверение.

— Ах, — перевела дух женщина.

— Вы не знаете, Оскарсоны дома? — спросил Мартин Бек.

— Нет, сегодня утром они уехали. К каким-то родственникам в деревню. Фру Оскарсон с детьми.

— Не сердитесь…

— Сами понимаете, все уехать не могут, — продолжила женщина. — Даже если бы захотели.

— Вы не знаете, куда они уехали? — спросил Колльберг.

— Нет, но в пятницу утром они вернутся. Ну, а потом снова куда-нибудь поедут.

Она посмотрела на него и объяснила:

— У них ведь начинается отпуск.

— Значит, герр Оскарсон дома?

— Ну, он будет дома вечером. Вы можете ему позвонить.

— Мы так и сделаем, — сказал Мартин Бек.

Девочка начала сердиться и тащила маму за юбку.

— С детьми прямо сладу никакого нет, — пожаловалась женщина. — Потому что мы боимся выпускать их на улицу, чтобы они там играли.

— Наверное, их лучше не выпускать.

— Но ведь надо что-то делать, — продолжала тараторить она, — а дети иногда капризничают и не слушаются.

— К сожалению, да.

Они молча спустились в лифте и молча ехали по городу, осознавая, насколько они бессильны и какие противоречивые чувства испытывают к обществу, которое призваны защищать.

Они свернули к Ванадислундену, где их остановил полицейский, не узнавший ни их, ни служебный автомобиль. В парке никого не было видно, кроме нескольких детей, играющих там, несмотря на случившееся. И, конечно же, неутомимых зевак.

На пересечении Оденгатан и Свеавеген Колльберг заявил:

— Я хочу пить.

Мартин Бек кивнул. Они остановились, вошли в ресторан «Метрополь» и заказали по бокалу сока.

Кроме них, в баре сидели еще двое мужчин. Пиджаки они положили на соседние стулья, и это нарушение хорошего тона доказывало, что на улице действительно небывалая жара. Мужчины пили шотландское виски и разговаривали.

— Все это из-за того, что сегодня не наказывают как следует, — утверждал более молодой из них. — Следовало бы публично линчевать.

— Это ясно, — заявил старший.

— Грустно, что приходится такое говорить, но это единственное, что остается делать.

Колльберг открыл рот и собрался что-то сказать, но тут же передумал и залпом выпил целый бокал сока.

Мартин Бек услышал это же мнение в тот день еще раз. В табачной лавке, куда он зашел купить пачку «Флориды». Покупатель, стоящий перед ним, говорил:

— …знаете, что они должны сделать, когда схватят этого негодяя? Его следовало бы публично казнить, причем показать все по телевизору и не делать этого за один раз. Нет, постепенно разрубить его на кусочки и делать это в течение нескольких дней.

Когда он ушел, Мартин Бек спросил продавца:

— Кто это был?

— Его фамилия Ског, — ответил продавец. — У него неподалеку мастерская по ремонту радиоаппаратуры. Очень достойный господин.

Возвращаясь в управление, Мартин Бек думал о том, что в конце концов не так уж и давно были времена, когда ворам отрубали руки. Но ведь все равно воровали. И еще как.

Вечером он позвонил отцу Бу Оскарсона.

— Ингрид с детьми? Я отправил их к ее родственникам в Эланд. Нет, туда нельзя позвонить.

— Когда они вернутся?

— В пятницу утром. А вечером мы сядем в автомобиль и уедем за границу. Черт возьми, не стану же я оставлять их здесь. Здесь страшно.

— Да, — устало сказал Мартин Бек.

Все это произошло во вторник, тринадцатого июня.

В среду не произошло ничего. Жара усилилась.

XIII

В четверг, сразу после одиннадцати, кое-что произошло. Мартин Бек стоял в позе, к которой он привык в последнее время, и опирался правым локтем на металлический шкафчик. Он услышал, как звонит телефон (как минимум уже в семидесятый раз за этот день) и Гюнвальд Ларссон ответил:

— Да, Ларссон слушает. Что? Да, уже бегу вниз:

Он встал и сказал Мартину Беку:

— Это дежурный. Внизу какая-то девушка, она утверждает, что якобы что-то знает.

— О чем?

Гюнвальд Ларссон уже стоял в двери.

— Об этом грабителе.

Через минуту фрёкен сидела у стола. Ей было не больше двадцати лет, но выглядела она старше. На ней были фиолетовые узорчатые чулки, туфельки на высоких каблуках и нечто такое, что этим летом называли миниюбкой. Ее декольте заслуживало внимания, то же самое относилось к пепельным обесцвеченным волосам, огромным накладным ресницам и не слишком скромному слою косметики вокруг глаз. Ротик у нее был маленький и капризный, а грудь смело приподнята бюстгальтером.

— Так что же вы знаете? — немедленно набросился на нее Гюнвальд Ларссон.

— Кажется, вы хотели что-нибудь узнать об этом субъекте из Ваза-парка и Ванадислундена, не так ли? — высокомерно произнесла она. — По крайней мере, я что-то такое слышала.

— Если это не так, зачем же вы пришли сюда?

— Эй, послушайте, не злите меня.

— Ну, так что же вы знаете? — заорал Гюнвальд Ларссон.

— Вы неприятный человек, — заявила фрёкен, — Не понимаю, почему все легавые должны быть такими грубиянами.

— Если вы думаете, что получите вознаграждение, то вы ошибаетесь, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Чихать я хотела на ваши деньги, — заявила фрёкен.

— Зачем же вы пришли к нам? — как можно тише спросил Мартин Бек.

— У меня хватает денег, — добавила она.

Было ясно, зачем она пришла сюда, по крайней мере отчасти, — устраивать сцены, и в этом намерении ее вряд ли сможет что-то поколебать. Мартин Бек видел, как на лбу у Гюнвальда Ларссона вздуваются вены. Фрёкен сказала:

— Я зарабатываю больше вас всех, вместе взятых.

— Да, в полиц… — начал Гюнвальд Ларссон, но вовремя остановился и сказал: — О том, как вы зарабатываете себе на жизнь, нам лучше не говорить вслух.

— Если вы еще раз скажете что-то подобное, я встану и уйду.

— Вы никуда не уйдете, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Разве мы не живем в свободной стране? Я думала, у нас демократия или как она там называется.

— Зачем вы пришли к нам? — уже не так тихо, как перед этим, спросил Мартин Бек.

— А вы бы хотели это знать, да? Вижу, что вы насторожили уши. Я бы с удовольствием встала и ушла, не сказав вам ни словечка.

Лед сломал наконец Меландер. Он поднял голову, вынул изо рта трубку, впервые посмотрел на девушку и спокойно сказал:

— Ну так скажите нам об этом, фрёкен.

— О том, из Ваза-парка и Ванадислундена и…

— Да, если вы действительно о нем что-то знаете, — сказал Меландер.

— А потом я сразу смогу уйти?

— Несомненно.

— Честное слово?

— Честное слово, — заверил ее Меландер.

— И вы не скажете ему, что…

Она пожала плечами, очевидно, подумав о чем-то своем.

— Он все равно сам это вычислит, — сказала она.

— Как его зовут? — спросил Меландер.

— Роффе.

— А фамилия?

— Лундгрен. Рольф Лундгрен.

— Где он живет? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Вапенгатан, пятьдесят семь.

— А где он сейчас?

— Там, — сказала она.

— Откуда вы с такой уверенностью знаете, что это он? — спросил Мартин Бек.

Он заметил, как у нее что-то блеснуло в уголках глаз, и с изумлением понял, что это не что иное, как слезы.

— Еще бы мне не знать, — почти неразборчиво пробормотала она.

— Вы, фрёкен, наверное, сожительствуете с этим субъектом? — сказал Гюнвальд Ларссон.

Она внимательно посмотрела на него и не ответила.

— Какая фамилия на двери? — спросил Меландер.

— Симонссон.

— Чья это квартира? — спросил Мартин Бек.

— Его. Роффе. По крайней мере, я так думаю.

— Ну так все же? — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ну, тот, другой, наверное, сдал ему квартиру. Вы что же, думаете, он такой дурак, чтобы на двери красовалась его собственная фамилия?

— Он в розыске?

— Не знаю.

— Сбежал откуда-то?

— Не знаю.

— Но вы ведь наверняка это знаете, — сказал Мартин Бек. — Может, он сбежал из тюрьмы?

— Нет, не сбежал. Роффе никогда не сидел.

— На этот раз он сядет, — сказал Гюнвальд Ларссон. Она с ненавистью смотрела на него блестящими глазами. Гюнвальд Ларссон быстро засыпал ее вопросами.

— Так значит, Вапенгатан, пятьдесят семь?

— Да. Разве я это не сказала?

— Со двора или с улицы?

— Со двора.

— Этаж?

— Второй.

— Квартира большая?

— Однокомнатная.

— Кухня?

— Нет, только одна комната.

— Сколько окон?

— Два.

— Окна выходят во двор?

— Нет, на солнечный пляж.

Гюнвальд Ларссон прикусил губу. На лбу у него снова начали вздуваться вены.

— Ну-ну, — успокоил его Меландер. — Так значит, у него одна комната на втором этаже и два окна во двор. И вы точно знаете, что в эту минуту он дома?

— Да, — сказала она. — Знаю.

— У вас есть ключи от этой квартиры? — дружеским тоном сказал Меландер.

— Откуда? Ключ только один.

— И дверь, очевидно, заперта?

— Еще бы.

— Она открывается внутрь или наружу? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Она ненадолго задумалась. Потом сказала:

— Внутрь.

— Точно?

— Да.

— Сколько квартир в тыльной части дома, со двора? — спросил Мартин Бек.

— Ну, наверное, квартиры четыре.

— А что находится на первом этаже?

— Какая-то мастерская.

— Из окна виден парадный вход в дом с улицы? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Нет, оттуда виден фьорд, — ответила фрёкен. — И королевский дворец. И часть ратуши.

— Достаточно! — заорал Гюнвальд Ларссон. — Уведите ее!

Девушка вздрогнула.

— Секундочку, — сказал Меландер.

В кабинете стало тихо. Гюнвальд Ларссон с любопытством посмотрел на Меландера.

— Мне нельзя уйти? — спросила девушка. — Вы ведь обещали мне, что…

— Конечно же, — сказал Меландер, — понятно, что вы можете уйти. Но вначале мы должны проверить, сказали ли вы нам правду. Это для вашей же пользы. И еще кое-что.

— Что?

— Он в этой комнате, наверное, будет не один, да?

— Да, — тихо сказала она.

— Послушайте, а как вас, собственно, зовут? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Это вас не касается.

— Уведите ее, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Меландер встал, открыл дверь в соседний кабинет и сказал:

— Рённ, у нас тут есть одна фрёкен. Она может у тебя немного посидеть?

Рённ появился в дверях. У него были покрасневшие глаза и красный нос. Он окинул взглядом всех по очереди.

— Да, — сказал он.

— Высморкайся, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Я должен предложить ей кофе?

— Думаю, что должен, — сказал Меландер.

Он придержал ей дверь и церемонно произнес:

— Соблаговолите, фрёкен. В дверях она остановилась и окинула ледяным взглядом Гюнвальда Ларссона и Мартина Бека. Очевидно, им не удалось вызвать у нее особой симпатии. Не понимаю, как нас учили здесь психологии, подумал Мартин Бек.

Потом она посмотрела на Меландера и неуверенно сказала:

— Кто будет его брать?

— Сами знаете, мы, — приветливо сказал Меландер. — На то и существует полиция.

Она стояла и смотрела на Меландера. Наконец сказала:

— Он опасен.

— Очень?

— Очень. Будет стрелять. И меня тоже застрелит.

Сейчас это ему вряд ли удастся, — заметил Гюнвальд Ларссон.

Она проигнорировала его.

— У него в квартире есть два автомата. Заряженных. И один пистолет. Он сказал, что…

Мартин Бек молчал и ждал, что скажет Меландер, и одновременно надеялся, что Гюнвальд Ларссон будет держать язык за зубами.

— Что он сказал? — спросил Меландер.

— Что живым его никто не возьмет. И я знаю, что он сказал это на полном серьезе.

Она оставалась в дверях еще несколько секунд.

— Я просто хочу, чтобы вы об этом знали, — сказала она.

— Спасибо, — произнес Меландер и закрыл за ней дверь.

— Ну, — произнес Гюнвальд Ларссон.

— Получи санкцию прокурора, — сказал Мартин Бек, едва за ней закрылась дверь. — Быстро, план города.

План лежал на столе еще до того, как Меландер закончил короткий телефонный разговор, в результате которого получил официальное разрешение на то, что они намеревались предпринять.

— Могут возникнуть осложнения, — сказал Мартин Бек.

— Это точно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон.

Он выдвинул ящик письменного стола, вытащил оттуда служебный пистолет и взвесил его в руке. Мартин Бек, как и большинство шведских полицейских в штатском, носил

пистолет в кобуре под мышкой, конечно, в тех случаях, когда ему требовалось оружие. У Гюнвальда Ларссона же было особое приспособление, с помощью которого пистолет прикреплялся к брючному ремню. Он повесил пистолет на правый бок и сказал:

— Ну, ладно. Я возьму его сам. Хочешь пойти со мной?

Мартин Бек задумчиво смотрел на Гюнвальда Ларссона. Его коллега был, как минимум, на полголовы выше, а когда выпрямлялся в полный рост, выглядел настоящим великаном.

— Иначе ничего не получится, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Как ты себе это представляешь? Подумай, как бы это выглядело, если бы туда во двор ворвалась целая рота с автоматами, гранатами со слезоточивым газом, в бронежилетах и понеслась через двор, а этот субъект спокойно стрелял бы себе из окна. Или, может, ты думаешь, что ты, или комиссар, или шеф полиции, или сам король должен орать в мегафон: «Вы окружены. Любое сопротивление бесполезно!»?

— Слезоточивый газ в замочную скважину, — предложил Меландер.

— Ну, это еще куда ни шло, — сказал Гюнвальд Ларссон, — но мне это не нравится. Наверняка изнутри торчит ключ в замке. Нет, двое в штатском на улице, а двое будут его брать. Идешь со мной?

— Естественно, — сказал Мартин Бек.

Он предпочел бы взять с собой Колльберга, но грабитель, вне всякого сомнения, принадлежал Гюнвальду Ларссону.

Вапенгатан находится в стокгольмском районе Нормальм. Это длинная узкая улица, застроенная, в основном, домами-ветеранами. Она тянется от Брунсгатан на юге до Оденгатан на севере. Фасады домов заняты процветающими мастерскими, в тыльной части — множество бедных квартир.

Не прошло и десяти минут, как они уже были там.

XIV

— Жаль, что у тебя нет с собой вычислительной машины, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Ты мог бы ею разнести дверь.

— Это точно, — произнес Мартин Бек.

Они оставили машину на Родмансгатан, свернули за угол и на тротуаре перед пятьдесят седьмым номером увидели своих коллег.

Приезд полиции, очевидно, не привлек к себе ни малейшего внимания.

— Значит, так, пойдем… — начал Гюнвальд Ларссон и осекся.

Возможно, он сообразил, что звание у него ниже, потому что взглянул на часы и сказал:

— Предлагаю войти в дом с интервалом в тридцать секунд.

Мартин Бек кивнул, перешел на противоположную сторону улицы, остановился перед часовым магазином Густава Бломдина и подождал, пока красивые старые часы с маятником отсчитают тридцать секунд. Потом повернулся, медленным фланирующим шагом пересек проезжую часть и вошел в подворотню дома номер пятьдесят семь.

Он, опустив глаза, прошел по двору, подошел к лестнице, а затем быстро и тихо взбежал на второй этаж. Из мастерской на первом этаже доносился мерный стук машин.

На облупившейся двери действительно была табличка с фамилией Симонссон. Изнутри не доносилось никаких звуков, от Гюнвальда Ларссона — тоже. Гюнвальд Ларссон, выпрямившись во весь рост и неподвижно стоя справа от двери, осторожно провел пальцем по покрытой трещинами деревянной филенке.

Он вопросительно посмотрел на Мартина Бека.

Мартин Бек несколько секунд смотрел на дверь, потом кивнул и встал слева от нее, спиной к стене, готовый действовать.

Несмотря на свой рост и вес, Гюнвальд Ларссон в сандалетах на резиновой подошве передвигался очень быстро и тихо. Он прислонился правым плечом к стене напротив двери и стоял так несколько секунд. Очевидно, он уже убедился в том, что ключ действительно торчит в замке изнутри, и было ясно, что личной жизни Рольфа Лундгрена уже недолго осталось быть личной. Мартин Бек еще успел обо всем этом подумать, когда Гюнвальд Ларссон бросился всеми своими девяноста восемью килограммами на дверь, слегка согнувшись и выставив левое плечо вперед.

Раздался звук удара, дверь сорвало с петель, вырвало с мясом замок, и Гюнвальд Ларссон, в фонтане щепок, влетел в комнату. Мартин Бек был в полуметре за ним; он шел быстрыми скользящими шагами, держа служебный пистолет в вытянутой руке.

Грабитель лежал на спине в постели, а женщина положила голову ему на правое плечо, однако он сумел быстро выдернуть правую руку, перекатился, бросился на пол и засунул руку под кровать. Когда Гюнвальд Ларссон ударил его, он уже стоял на коленях и держал правую руку на прикладе автомата, хотя сам автомат все еще лежал на полу.

Гюнвальд Ларссон ударил его только один раз, наотмашь и не очень сильно, но этого хватило, чтобы грабитель выпустил оружие и отлетел к стенке, где остался сидеть на полу, прикрывая левым локтем лицо.

— Не бейте меня, — сказал он.

Грабитель был голый. На женщине, вскочившей с постели через секунду после него, были часики с широким матерчатым ремешком из шотландки. Она стояла неподвижно, вытаращив глаза, прижимаясь спиной к стене напротив постели и попеременно переводя взгляд с автомата на полу на огромного светловолосого мужчину в твидовом пиджаке. Она не делала ни малейших попыток хотя бы как-то прикрыться. Это была очень красивая, коротко подстриженная девушка с длинными стройными ногами. Бедра, руки и грудь у нее уже покрывались гусиной кожей.

Через разнесенную дверь внутрь изумленно заглядывал какой-то мужчина из мастерской на первом этаже.

До Мартина Бека дошла абсурдность всей этой ситуации, и впервые за долгое время он почувствовал, как у него слабо подергиваются уголки рта. Он стоял в центре светлой комнаты и направлял пистолет «Вальтер» калибра 7,65 на двух голых людей, а в разбитую в щепки дверь на все это глазел мужчина в спецовке столяра и с желтым складным метром в руке.

Он засунул пистолет в карман. За дверью появился полицейский и прогнал любопытного.

— Что… — начала девушка.

Гюнвальд Ларссон бросил на нее полный отвращения взгляд и сказал:

— Вы бы надели на себя что-нибудь.

И через секунду добавил:

— Если, конечно, у вас есть какая-нибудь одежда.

Правой ногой он все еще стоял на автомате. Посмотрел на грабителя и сказал:

— Вы тоже. Оденьтесь.

Грабитель был мускулистым и статным молодым человеком, хорошо загоревшим, кроме узкой полоски внизу живота, а на ногах и руках у него росли длинные светлые волосы. Он медленно поднялся, прикрывая правой рукой пах и непрерывно повторяя:

— Проклятая свинья.

В комнату вошел еще один полицейский и огляделся по сторонам. Девушка по-прежнему стояла неподвижно и прижимала к стене ладони с растопыренными пальцами, однако взгляд ее карих глаз свидетельствовал о том, что она уже начинает постепенно приходить в себя.

Мартин Бек огляделся по комнате и увидел синее хлопчатобумажное летнее платье, переброшенное через спинку стула. На стуле лежали трусики, бюстгальтер и нейлоновая сетка. На полу под стулом стояли босоножки. Он взял платье, протянул ей и сказал:

— Кто вы такая?

Девушка вытянула вперед правую руку, взяла платье но не надела его. Она посмотрела на Мартина Бека ясными карими глазами и сказала:

— Меня зовут Элизабет Хедвиг Мария Карлстрём. А вы кто такой?

— Полиция.

— Я студентка, изучаю филологию в стокгольмском университете и уже сдала два государственных экзамена по английскому языку.

— Вот, значит, каким вещам вас учат в университете, — заметил Гюнвальд Ларссон, не поворачивая головы.

— Я уже год, как совершеннолетняя, и у меня есть противозачаточное средство.

— Как давно вы знаете этого человека? — спросил Мартин Бек.

Девушка по-прежнему, очевидно, вовсе не собиралась одеваться. Вместо этого она взглянула на часы и сказала:

— Ровно два часа и двадцать пять минут. Я познакомилась с ним в Ванадисском плавательном бассейне.

В другом конце комнаты грабитель неловко пытался натянуть на себя трусы и брюки.

— Для девушки это не слишком долго, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— Вы хам, — сказала девушка.

— Неужели?

Разговаривая с ней, Гюнвальд Ларссон не спускал глаз с грабителя.

На девушку он посмотрел только один раз. Он по-отечески и одобрительно говорил:

— Так, а теперь рубашечку, отлично. И носочки. И ботиночки. Хороший мальчик. Так, ребята, берите его.

В комнату вошли два одетых в униформу полицейских из радиопатруля. Они минуту глазели на любопытное зрелище, потом взяли грабителя под руки и ушли.

— Вы бы уже понемногу одевались, — сказал Мартин Бек.

Она наконец надела платье через голову, подошла к стулу, натянула трусики, сунула ноги в босоножки, смотала бюстгальтер и засунула его в сетку.

— Что он сделал? — спросила она.

— Это убийца-эротоман, — произнес Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек увидел, как она побледнела и судорожно сглотнула. Она вопросительно посмотрела на него. Он покачал головой. Она снова судорожно сглотнула и неуверенно сказала:

— Я должна…

— Нет, не должна. Оставьте только патрульному в коридоре ваше имя и адрес. До свидания.

Девушка ушла.

— Ты позволил ей уйти, — изумленно сказал Гюнвальд Ларссон.

— Да, — сказал Мартин Бек.

Через несколько секунд он пожал плечами и добавил

Ну так как, квартиру будем осматривать?

XV

Спустя пять часов была половина шестого, а Рольф Эверт Лундгрен по-прежнему еще не признался ни в чем, кроме того, что его зовут Рольф Эверт Лундгрен.

Они стояли вокруг него, ходили вокруг него, он курил их сигареты, магнитофонная катушка все крутилась и крутилась, а о нем по-прежнему было известно лишь то, что его зовут Рольф Эверт Лундгрен, что, впрочем, было написано также в водительском удостоверении.

Они спрашивали, спрашивали и снова спрашивали, Мартин Бек, и Меландер, и Гюнвальд Ларссон, и Колльберг, и Рённ; даже Хаммар, который уже был инспектором, пришел посмотреть на него и произнести несколько тщательно подобранных слов. Его по-прежнему звали Рольф Эверт Лундгрен, что, впрочем, было написано также в водительском удостоверении, и ему, очевидно, действовало на нервы только то, что Рённ чихал, не прикрывая лицо платком.

Самым абсурдным было то, что если бы речь шла только о нем, он преспокойно мог бы молчать на всех полицейских допросах и во всех мыслимых судебных инстанциях, и даже весь срок наказания, потому что в комнате на втором этаже флигеля на Вапенгатан, пятьдесят семь, а также в шкафу в этой комнате нашли не только два автомата и один «смит-энд-вессон-38-спэшл», но и самые разные предметы, которые четко доказывали связь с четырьмя грабежами, а кроме того еще красный платок, теннисные туфли, дралоновый свитер с монограммой на кармашке, две тысячи таблеток прелюдина, кастет и несколько краденых фотоаппаратов.

В шесть часов Рольф Эверт Лундгрен сидел за столом и пил кофе с криминальным комиссаром государственной комиссии по расследованию убийств Мартином Беком и старшим криминальным ассистентом отдела по расследованию преступлений, связанных с насилием, стокгольмской городской полиции Фредриком Меландером. Все трое подсластили кофе двумя кусочками сахара и все трое отхлебывали его из бумажных стаканчиков одинаково хмуро и устало.

— Понимаете, абсурд состоит в том, что если бы речь шла только о вас, мы могли бы спокойно закончить на сегодня и уйти домой, — сказал Мартин Бек.

— Вы говорите так, что я вас совсем не понимаю.

— Не сердитесь, я хотел сказать, насколько это бессмысленно, когда…

— Перестаньте на меня ворчать.

Мартин Бек ничего не сказал, он сидел тихо, как мышка, и лишь смотрел на задержанного. Меландер тоже ничего не говорил.

В четверть седьмого Мартин Бек допил тепловатый кофе, смял бумажный стаканчик и бросил его в корзину.

Они пытались уговорить его, ласково, строго, логично, с моментом неожиданности; старались убедить его, чтобы он потребовал адвоката и по меньшей мере десять раз спрашивали, не хочет ли он чего-нибудь поесть. Они перепробовали все, кроме побоев. Мартин Бек прекрасно видел, что Гюнвальд Ларссон уже несколько раз едва не прибег к этому решительно запрещенному методу. Однако Гюнвальд Ларссон всякий раз вспоминал, что не слишком разумно начинать бить подозреваемого, когда в кабинете находятся комиссар и инспектор. В конце концов это вывело Гюнвальда Ларссона из себя до такой степени, что он счел за благо уйти.

В половине седьмого ушел домой Меландер. Пришел Рённ, сел, и Рольф Эверт Лундгрен сказал:

— Идите к черту с вашим сопливым платком. Вы заразите меня.

Рённ был полицейским со средними способностями, средним воображением и средним юмором, и он немного поразмышлял, не будет ли он первым полицейским в истории криминалистики, который добьется от подозреваемого признания при помощи чихания, но потом отбросил эту мысль.

В нормальных обстоятельствах, подумал Мартин Бек, они бы оставили его в покое, дав ему выспаться. Но разве сейчас было время для того, чтобы он мог отсыпаться? Впрочем, мужчина в зеленой рубашке навыпуск и брюках цвета хаки не выглядел сонным и ни разу не упомянул о сне. Но все равно, раньше или позже им придется дать ему немного отдохнуть.

— Та фрёкен, которая обратилась к нам утром… — начал Рённ и чихнул.

— Чертова свинья, — сказал задержанный и погрузился в раздраженное молчание.

Через минуту он добавил:

— Утверждает, что якобы любит меня. Что она мне нужна.

Мартин Бек кивнул. Прошло несколько минут, прежде чем последовало продолжение:

— Я ее больше не люблю. Она нужна мне, как перхоть.

Теперь только молчать, подумал Мартин Бек. Только ничего не говорить.

— Мне нужна порядочная женщина, — сказал задержанный. — Больше всего мне бы хотелось познакомиться хоть с одной порядочной женщиной. А теперь придется оказаться в тюряге из-за одной ревнивой свиньи.

Тишина.

— Свинья эдакая, — сказал Лундгрен тихо, словно про себя.

Тишина.

— Эта тоже умеет только одно.

Ну, все, он готов, подумал Мартин Бек и на этот раз не ошибся. Через тридцать секунд мужчина в зеленой рубашке произнес:

— Ну ладно.

— Поговорим? — сказал Мартин Бек.

— Ага. Но одно выясним с самого начала. Эта свинья должна подтвердить мое алиби на прошлый понедельник. Насчет парка Тантолунд. Потому что я был с ней.

— Это мы уже знаем, — сказал Рённ.

— А, черт возьми. Ну ладно, хоть это она сказала.

— Ага, — произнес Рённ. Он тоже был деревенский.

Ага. Мартин Бек изумленно смотрел на Рённа. Ведь тому даже в голову не пришло сообщить об этом факте всем остальным. Это задело Мартина Бека, и он сказал:

— Ну-ну, любопытно, это означает, что сидящий здесь Лундгрен, собственно, не входит в круг подозреваемых.

— Ага, — спокойно произнес Рённ.

— Ну так как, поговорим? — спросил Мартин Бек.

Лундгрен смерил его взглядом.

— Мы с вами разговаривать не будем, — заявил он.

— Что вы имеете в виду?

— Только не с вами. С вами я разговаривать не буду, — уточнил задержанный.

— А с кем вы будете разговаривать? — ласково спросил Мартин Бек.

— С тем, который меня брал. С тем длинным.

— Где Гюнвальд? — спросил Мартин Бек.

— Ушел домой, — ответил Рённ и вздохнул.

— Позвони ему.

Рённ опять вздохнул. Мартин Бек знал почему. Гюнвальд Ларссон жил в Булморе, далеко от центра.

— Он устал, — сказал Рённ. — У него был напряженный день. Взять такого супергангстера — это вам не просто так.

— Заткнись, — сказал Лундгрен.

Рённ чихнул и придвинул к себе телефон.

Мартин Бек вышел в соседний кабинет и позвонил Хаммару. Тот мгновенно сказал:

— Значит, Лундгрен чист? В убийстве его нельзя подозревать?

— Рённ сегодня допросил его любовницу, и та подтвердила его алиби, если говорить об убийстве в парке Тантолунден. Что же касается Ванадислундена и прошлой пятницы, то тут пока неясно.

— Нет, мне здесь все ясно, — сказал Хаммар. — А как по-твоему?

Мартин Бек несколько секунд колебался и потом сказал:

— Думаю, это был не он.

— Думаешь, это сделал не он?

— Нет. Непохоже, чтобы он это сделал. Нет ни малейших доказательств. Даже если не принимать во внимание его алиби на понедельник. Он человек совсем другого типа. Да и в половой жизни он выглядит абсолютно нормально.

— Гм.

Даже Хаммар был, очевидно, слегка раздражен. Мартин Бек вернулся к Рённу и Лундгрену. Оба молча и неподвижно сидели на своих местах.

— Вы в самом деле не хотите поесть? — спросил Мартин Бек.

— Нет, — ответил грабитель. — Когда придет этот парень?

Рённ вздохнул и высморкался.

XVI

Гюнвальд Ларссон вошел в кабинет. Прошло ровно тридцать семь минут с тех пор как ему позвонили, и он еще держал в руке квитанцию, взятую у таксиста. Он успел побриться и надел чистую рубашку. Гюнвальд Ларссон сел за стол напротив грабителя, сложил квитанцию и положил ее в верхний правый ящик. Теперь он был готов отработать несколько из общей суммы в приблизительно два миллиона четыреста тысяч сверхурочных часов, которые вынуждены ежегодно отрабатывать шведские полицейские. С учетом должности, которую он занимал, было в высшей степени сомнительно, что ему за его работу в последующие часы вообще когда-нибудь заплатят.

Прошло довольно много времени, прежде чем Гюнвальд Ларссон открыл рот. Он подготавливал магнитофон, блокнот, авторучку, карандаш. Очевидно, он делает это с какой-то психологической целью, думал Мартин Бек, наблюдая за своими двумя коллегами. Гюнвальда Ларссона он здорово недолюбливал, а о Рённе просто был не очень высокого мнения. Впрочем, о себе он тоже был не очень высокого мнения. Если говорить о Колльберге, то тот заявил, что боится, а Хаммар, вне всякого сомнения, был раздражен. Все устали, а Рённ к тому же еще подхватил насморк. Множество полицейских в униформе, пеших патрульных и автопатрульных в штатском, тоже работали сверхурочно и все точно так же устали и выбились из сил. Кое-кто из них боялся, да и Рённ наверняка был не единственным, кто подхватил простуду.

В Стокгольме же и его пригородах в это время было около миллиона человек, и все они испытывали страх.

А охота должна была через минуту вступить в седьмой безуспешный день.

И именно они представляют собой стену против преступности и защищают общество.

Хорошенькая стена, ничего не скажешь.

Рённ высморкался.

— Мм…да, — произнес Гюнвальд Ларссон и положил огромную волосатую ручищу на магнитофон.

— Значит, это вы меня брали, — сказал Лундгрен тоном, выражающим невольное изумление.

— Ага, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — Верно. И не особенно этим горжусь. Это моя работа. Таких бедняг, как вы, я задерживаю ежедневно. Через неделю я уже даже и не вспомню о вас.

Вообще-то это была правда, но до определенной степени, однако столь высокопарное предисловие, как оказалось, сработало. Мужчина по имени Рольф Эверт Лундгрен явно сжался на стуле.

Гюнвальд Ларссон включил магнитофон.

— Как вас зовут?

— Рольф Эверт Лундгрен.

— Родились?

— Ага.

— Так, не наглейте.

— Пятого января тысяча девятьсот сорок четвертого.

— Где?

— Гётеборг.

— Район?

— Лундбю.

— Как зовут родителей?

Не трать на это время, Гюнвальд, мысленно умолял его Мартин Бек. Для этого у тебя еще будет много недель. Нас ведь интересует только одно.

— Уже были когда-нибудь судимы?

— Нет.

— Были в детском приюте?

— Нет.

— Нас всегда интересуют кое-какие подробности, — вмешался в разговор Мартин Бек.

— Черт возьми, разве я не сказал ясно, что буду разговаривать только с ним? — Рольф Эверт Лундгрен показал кивком головы на Гюнвальда Ларссона.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на Мартина Бека ничего не выражающим взглядом и сказал:

— Занятие?

— Занятие?

— Ну, чем-то вы ведь занимаетесь, так?

— Ну…

— Как вы сказали?

— Коммерсант.

— И какой же коммерцией вы занимаетесь?

Мартин Бек и Рённ посмотрели друг на друга со смирением в глазах. Значит, это будет продолжаться и дальше в том же духе.

И это продолжалось.

Спустя один час и сорок пять минут Гюнвальд Ларссон сказал:

— Нас прежде всего интересуют кое-какие подробности.

— Это я уже понял.

— Вы признались, что вечером второго июня, то есть в пятницу, находились в парке Ванадислунден?

— Да.

— И что там же в двадцать один час пятнадцать минут совершили нападение с целью ограбления?

— Да.

— На владелицу фруктовой и овощной лавки Хилдур Магнуссон?

— Да.

— Когда вы пришли в парк? — спросил Рённ.

— Заткнись, — сказал Лундгрен.

— Только без хамства, — строго одернул его Гюнвальд Ларссон. — Когда вы пришли в парк?

— Около семи. Может, сразу после семи. Я вышел из дому, когда прекратился дождь.

— И в Ванадислундене вы оставались с девятнадцати часов вплоть до того момента, когда напали на вышеупомянутую Хилдур Магнуссон и ограбили ее?

— Ага. В парке и неподалеку. Осматривался.

— Вы видели в парке в это время еще каких-нибудь лиц?

— Да, люди там были.

— Сколько?

— Приблизительно десять-двенадцать. Скорее всего, десять.

— Полагаю, всех этих людей вы внимательно рассмотрели?

— Ага. Конечно.

— Для того, чтобы удостовериться, можно ли отважиться на них напасть?

— Скорее для того, чтобы удостовериться, стоит ли тратить на них время.

— Вы помните хоть некоторых из тех лиц, которых там видели?

— Некоторых помню.

— Кого?

— Я видел двух легавых.

— Двух полицейских?

— Ага.

— В униформе?

— Нет.

— Как же вы могли знать, что это полицейские?

— Потому что видел их уже по меньшей мере в двадцатый или тридцатый раз. Они из легавника на Сурбрунгатан и ездят в красном «вольво» или зеленом «саабе».

Ради Бога, только не говори сейчас: «Вы хотели сказать, из управления полиции?», мысленно умолял Гюнвальда Ларссона Мартин Бек.

— Вы хотели сказать, из управления полиции девятого полицейского округа? — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ага, если вы имеете в виду то, на Сурбрунгатан.

— Сколько было времени, когда вы увидели этих двух полицейских?

— Около девяти. Когда они приехали.

— И как долго они там были?

— Минут десять, возможно, пятнадцать. Потом они поехали в Лиль-Янскоген.

— Откуда вам это известно?

— Они говорили об этом.

— Говорили… это означает, что вы с ними разговаривали?

— Ага, точно! Я стоял возле них и слышал, что они говорят.

Гюнвальд Ларссон сделал задумчивую паузу. Нетрудно было представить себе, о чем он думает. Наконец он сказал:

— Ну, кого вы еще видели?

— Какую-то парочку. Довольно молодую. Так, около двадцати.

— Что они делали?

— Обжимались.

Гюнвальд Ларссон опять ненадолго замолчал и потом сдержанно сказал:

— Вам известно, что во время вашего присутствия в парке там произошло убийство?

Лундгрен провел рукой по лбу. Впервые за много часов показалось, что он начинает нервничать и что у него отнялся язык.

— Я читал об этом, — наконец сказал он.

— Ну?

— Я этого не делал. Клянусь. Я не такой.

— Вы читали об этой девочке. Ей было девять лет, и ее звали Ева Карлсон. На ней была красная юбочка, полосатая блузочка и…

Гюнвальд Ларссон обратился за помощью к своим записям.

…и черные деревянные башмачки. Вы видели ее?

Лундгрен не отвечал. Прошло полминуты, и Гюнвальд Ларссон повторил вопрос:

— Вы видели эту девочку?

Мужчина долго колебался и наконец неуверенно сказал:

— Думаю, что видел.

— Где вы ее видели?

— На детской площадке возле Свеавеген. Какой-то ребенок там точно был. Девочка.

— Что она делала?

— Качалась на качелях.

— С кем она там была?

— Ни с кем. Она была одна.

— Когда это было?

— Сразу после того… после того, как я пришел.

— А точнее?

— Приблизительно в семь десять. Или чуть позже.

— Вы точно знаете, что она была одна?

— Да.

— И на ней была красная юбка и полосатая блузочка, вы это точно знаете?

— Нет. Не знаю. Но…

— Но что?

— Думаю, что да.

— И больше никого вы не видели? Вы не видели, чтобы с ней кто-нибудь разговаривал?

— Погодите, — сказал Лундгрен. — Погодите, погодите. Ведь я прочел об этом в газете и, как сумасшедший, ломал себе над этим голову.

— Над чем вы ломали себе голову?

— Ну, если…

— Вы разговаривали с этой девочкой?

— Нет-нет, что вы!

— Так значит, она была совсем одна и качалась на качелях на детской площадке. Вы подошли к ней?

— Нет, нет…

— Не дави на него, Гюнвальд, пусть он сам скажет обо всем, — вмешался Мартин Бек. — Он наверняка много размышлял об этом.

Мужчина покорно посмотрел на Мартина Бека. Усталым и немного испуганным взглядом. Без каких-либо следов агрессивности.

Только ничего не говори теперь, Гюнвальд, мысленно заклинал Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон ничего не говорил.

Грабитель сидел молча, обхватив голову руками. Наконец он сказал:

— Я размышлял над этим. Каждый день, с тех пор как это произошло.

Тишина.

— Я пытался все это как следует обдумать. Я знаю, что видел эту девочку на площадке для игр, и что она была одна, и что это, вероятно, было сразу после того, как я туда пришел. Приблизительно в десять минут восьмого или в четверть восьмого. Поймите, я особенно не присматривался к ней. Во-первых, это была маленькая девочка, и, во-вторых, мне даже и в голову не пришло бы работать внизу, возле детской площадки. Это слишком близко от улицы. Поэтому я уже больше не думал о ней. Тогда, в тот раз. Если бы она была на детской площадке наверху, у водонапорной башни, тогда другое дело.

— Там вы ее тоже видели? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Нет, нет…

— Вы подошли к ней?

— Нет, нет, попытайтесь меня понять. Ведь она меня совершенно не интересовала, но…

— Но что?

— Но в парке в тот вечер было очень мало людей. Была отвратительная погода, в любую минуту дождь мог снова начаться. Я уже хотел все бросить и уйти домой, когда увидел эту баб… эту фру. Но…

— Но что?

— Ну, я хотел сказать, что видел тогда эту девочку. Это было приблизительно в четверть восьмого.

— Это вы уже говорили. С кем вы ее видели?

— Ни с кем. Она была одна… Но я хотел сказать, что за все то время, что я провел в парке, я видел примерно десять человек. Я… я всегда очень осторожен. Когда я работаю, мне не хочется, чтобы меня кто-нибудь поймал и чтобы я попал в тюрьму. Поэтому я всегда

как следует осматриваюсь. Я хотел сказать, что, возможно, кто-то из тех людей, которых я там видел…

— Да, хорошо. Так кого же вы видели?

— Я видел тех двух легавых…

— Полицейских.

— Ага, черт возьми. Один из них был рыжий, в дождевике, другой в кепке, пиджаке и брюках, которые не подходили к пиджаку. У него еще лицо такое вытянутое.

— Аксельсон и Линд, — пробормотал, словно про себя, Рённ.

— У вас талант наблюдателя, — заметил Мартин Бек.

— Ладно, — сказал Гюнвальд Ларссон, — выкладывайте все.

— Эти двое легавых… нет, черт возьми, не перебивайте меня каждый раз… вошли в парк с разных сторон и пробыли там не меньше пятнадцати минут. Но это уже было намного позднее. Часа через полтора после того, как я видел девочку.

— Ну?

— Ну, и потом эта парочка. Парень и девушка, которые обнимались. Это тоже было раньше. Я шел за ними и думал, что мог бы вмешаться…

— Вмешаться?

— Ну да… да нет, черт возьми, я думал не о сексе. На девушке было коротенькое платье, черно-белое, на парне блейзер. Они смахивали на довольно богатеньких, но у девушки не было сумочки.

Он замолчал. Гюнвальд Ларссон, Мартин Бек и Рённ ждали.

— На ней были белые сетчатые трусики.

— Как вы могли это разглядеть, если она вас не заметила?

— Она вообще ничего не видела, и этот ее парень тоже. Они бы и бегемота не заметили. Они даже друг друга не видели. Ну так вот, эта парочка явилась приблизительно… ну…

Он внезапно замолчал. Потом сказал:

— Когда пришли эти легавые?

— В половине девятого, — мгновенно ответил Мартин Бек.

Грабитель с почти победным видом заявил:

— Ага, в таком случае все сходится. Эта парочка уже ушла, минимум пятнадцать минут назад. А они были там не меньше получаса. Значит, они пришли без пятнадцати восемь и пробыли там до четверти девятого. Сначала я пошел за ними, но потом бросил это дело. Стоять там и глазеть на них, ну уж нет. Но когда они пришли, то этой маленькой девочки там уже не было. Когда они пришли, ее не было на детской площадке, и когда они уходили, тоже не было. Я бы увидел, если бы она там была, я бы ее заметил.

Теперь он уже действительно старался им помочь.

— Значит, она была на площадке в четверть восьмого, но без четверти восемь ее уже там не было, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ага, верно.

— А что в это время делали вы?

— Ну… я… осматривался, что и как. Все время держался неподалеку от угла Свеавеген и Фрейгатан. Чтобы видеть, кто там идет, с той стороны.

— Секундочку. Вы сказали, что видели там приблизительно десять человек?

— В парке? Ага, приблизительно.

— Двух полицейских, влюбленную парочку, женщину, на которую вы напали, маленькую девочку. Получается шесть.

— Потом я пошел за каким-то мужчиной с собакой. Я держался неподалеку от него, но он все время слонялся возле кирхи Святого Стефана, слишком близко от улицы. Наверное, ждал, пока собака сделает свое дело.

— С какой стороны он пришел? — спросил Мартин Бек.

— Со стороны Свеавеген… он прошел мимо киоска.

— Когда?

— Сразу после меня. Он был единственный, кто меня заинтересовал, до этой парочки. Он был… погодите, погодите, он прошел мимо киоска, и с ним была такая карликовая собачка. Тогда девочка еще была на площадке.

— Вы точно это знаете? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Ага, погодите, я держался все время неподалеку от него. Он пробыл там минут десять или пятнадцать. А когда он уходил, девочки там уже быть не могло.

— А еще кого вы видели?

— Кроме этих, там были одни алкаши.

— Алкаши?

— Ага. Они меня вообще не интересуют. Два или три. Бродили по парку.

— Черт возьми, постарайтесь их вспомнить, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Так я ведь и стараюсь. Я видел двоих. Они пришли вместе со стороны Свеавеген и направились наверх к водонапорной башне. Такие замурзанные… довольно пожилые.

— Вы точно помните, что они шли вместе?

— Почти точно. Я видел их там еще раньше. Теперь я припоминаю, что у меня создалось впечатление, будто бы у них с собой бутылка и они пошли наверх, чтобы ее распить. Но тогда там еще была эта парочка, девушка, на которой были сетчатые трусики, и ее парень. А…

— Да?

— А потом я увидел еще одного. Он пришел с другой стороны.

— Это тоже был алкаш, как вы выражаетесь?

— Ага, на него явно не стоило обращать внимание. По крайней мере, я не обратил на него внимания. Он спускался от водонапорной башни. Теперь я его отчетливо припоминаю, помню, я еще подумал, что он, должно быть, вошел в парк по лестнице со стороны Ингемаргатан, а это неплохая работенка, карабкаться по одному склону наверх только для того, чтобы по другому тут же сойти вниз.

— Сойти вниз?

— Ага, он вышел из парка на Свеавеген.

— А когда вы его видели?

— Сразу после того, как ушел мужчина с собакой.

В кабинете стало тихо. Постепенно до всех дошло, что этот человек только что сказал.

Рольф Эверт Лундгрен понял это позже всех. Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Гюнвальду Ларссону.

— Ага, черт возьми, это правда, — сказал он.

Мартин Бек чувствовал, как у него где-то внутри вибрирует какой-то нерв. А Гюнвальд Ларссон говорил:

— Так, попытаемся резюмировать. Между четвертью восьмого и половиной восьмого со Свеавеген в Ванадислунден вошел хорошо одетый пожилой мужчина с собакой. Он прошел

мимо киоска у детской площадки, когда там еще была эта девочка. Приблизительно десять минут, максимум четверть часа мужчина с собакой оставался в той части парка, которая находится между кирхой Святого Стефана и Фрейгатан. Вы все это время наблюдали за ним. Когда он уходил из парка, тем же путем, откуда пришел, другими словами, мимо киоска и детской площадки, девочки там уже не было. Спустя несколько минут от водонапорной башни на вершине холма спустился мужчина и вышел из парка на Свеавеген. Вы полагали, что он вошел в парк с Ингемаргатан, поднялся по лестнице за водонапорной башней и спустился по другому склону холма в направлении выхода на Свеавеген. Однако этот мужчина вполне мог войти в парк со Свеавеген на четверть часа раньше, то есть тогда, когда вы были полностью заняты тем, что наблюдали за мужчиной с собакой.

— Ага, — сказал задержанный и остался сидеть с широко раскрытым ртом.

— Он мог прийти на детскую площадку и выманить девочку наверх к водонапорной башне. Там он мог убить ее, и в ту минуту, когда вы его видели, мог как раз возвращаться оттуда.

— Ага, — сказал Рольф Эверт Лундгрен, глядя немигающими глазами на Гюнвальда Ларссона.

— Вы видели, в какую сторону он пошел? — спросил Мартин Бек.

— Нет, я только подумал, что он уже исчезает и что теперь мне будет спокойнее.

— Вы видели его вблизи?

— Ага, он ведь прошел мимо меня. Я стоял за киоском.

— Прекрасно, в таком случае опишите его нам, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Как он выглядел?

— Он был не очень высокий, но и не низенький. С довольно большим носом.

— Во что он был одет?

— На нем была светлая рубашка, кажется, белая, темные брюки, то ли серые, то ли коричневые. Он был без галстука.

— Волосы?

— По-моему, довольно редкие. Зачесаны назад.

— Пиджак у него был? — вмешался Рённ.

— Нет, ни пиджака, ни плаща.

— Цвет глаз? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Что?

— Вы заметили, какого цвета у него были глаза?

— По-моему, они были синие. Или серые. Ну, в общем, светлые.

— А сколько ему приблизительно могло быть лет?

— Ну, если приблизительно… между сорока и пятьюдесятью. Я бы сказал, ближе к сорока.

— А ботинки? — спросил Рённ.

— Этого я не знаю. Наверное, обыкновенные черные полуботинки со шнуровкой, которые, как правило, носят такие люди. Но это я уже предполагаю.

Гюнвальд Ларссон резюмировал:

— Мужчина среднего роста, чуть больше сорока, нормальная фигура, редкие зачесанные назад волосы и большой нос. Синие или серые глаза. Белая или светлая рубашка с открытым воротом. Коричневые или темно-серые брюки; вероятно, черные полуботинки.

У Мартина Бека в голове промелькнула какая-то мимолетная ассоциация, но тут же ускользнула. Гюнвальд Ларссон продолжил:

— Так значит, вероятно, черные полуботинки. Овальное лицо… хорошо. И наконец, последнее. Посмотрите на кое-какие фотографии. Пусть сюда принесут альбом из отдела полиции нравов.

Рольф Эверт Лундгрен листал один за другим альбомы из отдела полиции нравов. Он внимательно изучал каждую фотографию и над каждой всегда качал головой.

Он не нашел никого, кто бы походил на мужчину, которого он видел в Ванадислундене.

Он с полной уверенностью утверждал, что мужчины, которого он видел в парке, нет в этих альбомах.

Была уже полночь, когда Гюнвальд Ларссон сказал:

— Так, сейчас мы организуем вам что-нибудь поесть, а потом пойдете спать. Увидимся завтра. А пока что большое вам спасибо.

Казалось, у него приподнятое настроение.

Последнее, что сказал грабитель, прежде чем его увели, было:

— О Боже, подумать только, что я видел этого мерзавца…

Казалось, у него тоже приподнятое настроение.

А ведь он едва не убил несколько человек и всего лишь двенадцать часов назад с удовольствием убил бы на месте как Мартина Бека, так и Гюнвальда Ларссона, представься ему такая возможность.

Мартин Бек размышлял над этим.

Он размышлял также над тем, что теперь у них есть описание, очень скверное описание, которое подходит к тысячам мужчин, но ведь это уже кое-что.

И охота вступила в седьмой день.

Мартин Бек размышлял еще кое о чем, однако сам точно не знал о чем.

Перед тем как закончить, они с Рённом и Гюнвальдом Ларссоном выпили еще по стаканчику кофе. Обменялись несколькими последними фразами, прежде чем разойтись по домам. Гюнвальд Ларссон спросил:

— Вам показалось, что это длилось слишком долго?

— Да, — сказал Мартин Бек.

— Ага, честно говоря, показалось, — ответил Рённ.

— Ага, — назидательным тоном произнес Гюнвальд Ларссон. — Нужно вытягивать все, с самого начала. И кроме того, завязать отношения, основанные на доверии.

— Ага, — сказал Рённ.

— И все равно, мне показалось, что это продолжалось слишком долго, — сказал Мартин Бек.

Потом он поехал домой, выпил еще одну чашечку кофе и лег. Он лежал в темноте, не мог уснуть и размышлял.

Кое о чем.

XVII

Когда Мартин Бек проснулся в пятницу утром, у него совершенно не было ощущения, что он выспался. Напротив, он чувствовал себя более уставшим, чем накануне вечером, когда после чересчур большого количества выпитого кофе ему наконец удалось уснуть. Он спал беспокойно, его мучил один кошмар за другим, и он проснулся с болью в желудке.

Мартин Бек устал, злился сам на себя, и у него резало глаза, когда он ехал в метро к центру города, где пересел и отравился проверить, что новенького, к себе в кабинет на Вестберга-Алле.

Он поднялся лифтом на третий этаж, нажал на нужные кнопки на круглом циферблате у застекленной двери, кивнул дежурному и вошел в свой кабинет. Там в куче бумаг на столе он нашел документы, которые хотел взять с собой на Кунгсхольмсгатан.

Здесь лежала также яркая цветная открытка, на которой был изображен ослик в соломенной шляпе, пухленькая черноглазая девочка с корзинкой апельсинов и пальма. Открытка была с Мальорки, где самый младший в отделе, Оке Стенстрём, проводил отпуск, и адресована она была «Мартину Беку и его ребятам». Мартин Бек не сразу разобрал, что, собственно, написал им Стенстрём шариковой ручкой, из которой выдавливалось слишком много пасты.

«Если вы не можете понять, куда подевались все стокгольмские красотки, должен вас проинформировать, что до них дошли сведения о том, где я провожу отпуск. Как там у вас дела без меня? Конечно, скверно. Но вы держитесь, я к вам, может быть, еще вернусь! Оке».

Мартин Бек улыбнулся и сунул открытку в карман. Потом сел на стул, нашел номер Оскарсонов и придвинул к себе телефон.

Трубку взял отец семейства. Он сказал, что жена с детьми приехала и что, если Мартин Бек хочет с ними поговорить, пусть приходит поскорее, потому что им нужно уложить много вещей в поездку.

Мартин Бек вызвал такси и через десять минут уже стоял перед дверью, держа руку на кнопке звонка. Оскарсон открыл дверь, проводил его в гостиную и показал на диван. Детей нигде не было видно, но откуда-то из глубины квартиры доносились их голоса. Хозяйка стояла у окна и гладила. Когда Мартин Бек вошел, она сказала:

— Извините, я сейчас буду готова.

Она выдернула вилку шнура утюга из розетки и присела на подлокотник кресла, в котором расположился ее муж. Он обнял ее за талию.

— Я, собственно, пришел спросить, не рассказывал ли ваш сын что-нибудь такое, что могло бы иметь какое-то отношение к случившемуся с Анникой?

— Буссе?

— Да. Судя по тому, что говорила Лена, Буссе какое-то время отсутствовал. Ничто не свидетельствует против того, что он мог пойти за Анникой. Может, он даже видел того человека, который ее убил.

Он понимал, как глупо объясняет, и думал: я действительно говорю как в романе. Или, скорее, как пишут в полицейском протоколе. Господи, как вообще можно узнать что-либо разумное от трехлетнего ребенка?

Пара в кожаном кресле, однако, не реагировала, по-видимому, на его корявый стиль изложения. Очевидно, они считали само собой разумеющимся, что полицейские выражаются именно так.

— Но ведь здесь уже была какая-то женщина из полиции и разговаривала с ним, — сказала фру Оскарсон. — Может, не стоит. Он ведь еще совсем маленький ребенок.

— Да, я знаю, — сказал Мартин Бек. — Но тем не менее, хотел бы попросить вас об этом. Не исключено, что он, возможно, что-то заметил. Если бы он смог вспомнить именно этот день…

— Но ведь ему всего лишь три года, — перебила она его. — Он еще не умеет как следует говорить, путает некоторые звуки и так далее. То, что он говорит, понимаем только мы, но даже мы не понимаем всего, что он говорит.

— Ну, попытаться мы можем, — сказал муж. — Постараемся ему как-то помочь. Может, Лене удастся помочь ему вспомнить, что он делал.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек. — Я в самом деле был бы вам очень обязан.

Фру Оскарсон встала и вышла в детскую. Через минуту она вернулась с обоими детьми.

Буссе пробежал по комнате, встал рядом с папой и показал на Мартина Бека.

— Что это? — спросил он.

Он наклонил голову набок и разглядывал Мартина Бека. Личико у него было замурзанное, на щеке царапина, а на лбу, под светлыми волосиками, огромная синяя шишка. Глаза у него были сочного зеленого цвета.

— Папа, что это? — нетерпеливо повторил он.

— Это дядя, — объяснил ему папа и извиняющимся взглядом посмотрел на Мартина Бека.

— Привет, Буссе, — сказал Мартин Бек.

Буссе проигнорировал его приветствие.

— Как его зовут? — спросил он папу.

— Меня зовут Мартин, — сказал Мартин Бек. — А тебя как зовут?

— Буссе. А тебя как зовут?

— Мартин.

— Малтин. Его зовут Малтин, — сказал Буссе тоном, из которого явствовало, как его изумляет то, что кого-то вообще могут так звать.

— Да, — сказал Мартин Бек. — А тебя зовут Буссе.

— Папу зовут Куйт…

— Курт, — поправила его Лена.

— Папу зовут Курт, маму зовут… Как тебя зовут?

Он показал на маму, и она сказала:

— Ингрид. Ты ведь знаешь, да?

— Да.

Он подошел к дивану и положил пухленький грязный кулачок на плечо Мартину Беку.

— Ты был сегодня в парке? — спросил Мартин Бек.

Буссе замотал головой и заявил звонким голоском:

— Я не иглаю в палке. Я поеду в автомобиле.

— Да, — сказала мама успокаивающим тоном. — Скоро-скоро мы поедем в автомобиле.

— Скоро ты тоже поедешь в автомобиле, — сказал Буссе и посмотрел на Мартина Бека взглядом, выражающим страстную мечту.

— Да, возможно.

— Буссе умеет рулить, — довольно сказал малыш и залез на диван.

— Что ты делаешь, когда хорошо играешь в парке? — спросил Мартин Бек тоном, который показался ему неестественным и неискренним.

— Буссе не иглает в палке. Буссе поедет в автомобиле, — капризно заявил малыш.

— Да, да, конечно, — сказал Мартин Бек. — Ясно, что ты поедешь в автомобиле.

— Сегодня Буссе не будет играть в парке, — сказала сестра. — Дядя всего лишь спросил тебя, что ты делаешь, когда играешь в парке.

— Дядя дурак, — отчетливо произнес Буссе.

Он слез с дивана, и Мартин Бек подумал, что надо было принести ему кулечек карамелек или что-нибудь еще. Он не имел привычку давать взятки свидетелям для того, чтобы расположить их к себе, однако, с другой стороны, ему еще никогда не приходилось допрашивать свидетеля в возрасте трех лет. Плитка шоколада в эту минуту совершила бы чудо.

— Это он говорит обо всех, — сказала сестра Буссе. — Он еще глупыш.

Буссе ударил ее и обиженно заявил:

— Буссе не глупыш! Буссе холосый мальчик!

Мартин Бек шарил по карманам в поисках чего-нибудь, что бы могло заинтересовать малыша, но нашел только открытку от Стенстрёма.

— Иди ко мне, я тебе что-то покажу, — сказал он.

Буссе тут же подбежал и с любопытством посмотрел на открытку.

— Что это? — спросил он.

— Открытка, — ответил Мартин Бек. — Видишь, что здесь, на этой открытке?

— Лошадка. Цветочки. Андалинки.

— Что такое андалинки? — удивился Мартин Бек.

— Мандарины, — объяснила ему мама.

— Андалинки, — повторил Буссе, показывая на открытку. — Цветочки. Лошадка. Девочка. Как зовут девочку?

— Не знаю, — ответил Мартин Бек. — А как, по-твоему, ее зовут?

— Улла, — сказал Буссе. — Девочка Улла.

Фру Оскарсон подтолкнула дочь.

— Помнишь, как Улла, Анника, Буссе и Лена были в парке на качелях? — быстро спросила Лена.

— Да, — с энтузиазмом воскликнул Буссе. — Улла, Анника, Буссе, Лена. Качели. Мы купили молозеное. Да?

— Да, — сказала Лена. — Помнишь, как мы в парке встретили собачку?

— Да, Буссе встлетил собачку. С собачкой нельзя иглать. Собачка кусается, нельзя иглать. Да.

Родители посмотрели друг на друга, и мама кивнула. Мартин Бек понял, что малыш в самом деле вспомнил тот день, который был им нужен. Он не шевелился, сидел тихо и неподвижно и надеялся, что ничего не случится и малыш не потеряет нить.

— А помнишь, — продолжила сестра, — как Улла, Лена и Буссе играли в классики?

— Да, — сказал Буссе. — Улла, Лена, классики. Буссе тоже. Да? Буссе тоже.

Мальчуган с энтузиазмом мгновенно отвечал на вопросы, которые задавала ему сестра, и весь разговор шел по какой-то заранее заданной схеме. Мартин Бек наконец сообразил, что это, очевидно, какая-то игра в загадки, в которую часто играют брат и сестра.

— Да, я это помню, — сказала Лена. — Буссе, Улла и Лена играли в классики. Но Анника не играла.

— Анника не иглала. Анника злилась. На Лену и на Уллу злилась, — важно произнес Буссе.

— Ты помнишь, что Анника разозлилась? Разозлилась и ушла.

— Лена и Улла глупые девчонки.

— Анника сказала, что Улла и Лена глупые девчонки? Помнишь это?

— Анника сказала, что Улла и Лена глупые девчонки, — сказал Буссе и потом энергично добавил: — Буссе не глупый мальчик.

— А что делал Буссе с Анникой, когда Лена и Улла были глупыми девчонками?

— Буссе и Анника иглали в плятки.

Мартин Бек затаил дыхание, и вся надежда у него была на то, что девочка знает, о чем теперь нужно спросить.

— Ты помнишь, как Буссе с Анникой играли в прятки?

— Да, Улле и Лене нельзя иглать в плятки. Улла и Лена глупые девчонки. Анника холосая девочка. Буссе холосый мальчик.

Теперь все шло отлично.

— Дядя тоже холосый.

— Какой дядя?

— Дядя в палке очень холосый. Дядя дал Буссе цок-цок.

— Дядя в парке дал Буссе цок? Помнишь?

— Дядя дал Буссе цок-цок! Не цок!

— Щипчики?

— Нет. Цок-цок.

— Что сказал дядя? Дядя говорил с Буссе и Анникой? Буссе и Анника получили от дяди цок?

— Буссе получил цок-цок. Анника не получила цок-цок. Не цок.

Буссе внезапно повернулся и подбежал к Мартину Беку.

— Буссе от тебя сумочку для цок-цок. У тебя есть сумочка для цок-цок?

Мартин Бек покачал головой.

— Буссе хочет сумочку для цок-цок. Буссе хочет, иначе будет плакать.

— Нет, — сказал Мартин Бек. — Теперь нет. Может быть, потом. Ты получил от дяди в парке сумочку для цок-цок?

Буссе нетерпеливо колотил кулачком по дивану.

— Нет, Буссе получил цок-цок.

— И он был хороший? Хороший цок-цок?

Буссе начал колотить Мартина Бека по колену.

— Нехороший, — сказал он. — Цок-цок не ам-ам.

Мартин Бек посмотрел на маму Буссе.

— Что такое цок-цок? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Он каждую минуту говорит такие слова, и мы не знаем, что он, собственно, хочет сказать.

Мартин Бек наклонился к малышу и спросил:

— Что делали Буссе, Анника и дядя? Вы играли с дядей?

Буссе начинал терять интерес к этой игре.

— Буссе потерял Аннику. Анника глупая девчонка и иглала с дядей.

Мартин Бек хотел что-то сказать и открыл рот, но тут же закрыл его, потому что свидетель молниеносно исчез в соседней комнате.

— Не поймаешь меня! Не поймаешь меня! — радостно визжал малыш.

Сестра раздраженно посмотрела ему вслед и сказала:

— Он такой глупый, что его невозможно выдержать.

— Что, по-твоему, он имел в виду под этим цок-цок? — спросил ее отец.

— Не знаю. Наверное, какая-то вещь, но что именно, я не знаю.

— Похоже на то, что когда он был с Анникой, они с кем-то разговаривали, — сказал отец.

Но когда, подумал Мартин Бек. В пятницу или четырнадцать дней назад?

— Бр-р, это ужасно, — сказала мама. — Ведь это, наверное, был тот… который это сделал.

Она вздрогнула, и муж успокаивающе погладил ее по спине. Он озабоченно посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Он ведь еще очень маленький. У него такой маленький запас слов. Я не могу себе представить, чтобы он сумел как-то описать этого человека или что-нибудь сказать о нем.

Мать покачала головой

— Нет, он не сумеет, — сказала она. — Если, конечно, в этом мужчине не было чего-нибудь необычного. Если бы на нем была какая-нибудь униформа, то Буссе сказал бы, что это был солдатик. В противном случае, не знаю… понимаете, детей никогда ничто не выводит из себя. Если бы Буссе увидел, например, человека с зелеными волосами, розовыми глазами и тремя ногами, ему бы наверняка это не показалось странным.

Мартин Бек кивнул.

— Возможно, он был в униформе, — сказал он. — Или, возможно, Буссе вспомнит еще что-нибудь. Наверное, будет лучше, если вы сами поговорите с ним.

Фру Оскарсон встала и пожала плечами.

— Ну ладно, — сказала она. — Я попытаюсь.

Дверь она оставила полуоткрытой, чтобы Мартин Бек слышал, как она разговаривает с малышом. Она вернулась через двадцать минут. Ей не удалось узнать от него ничего такого, чем можно было бы дополнить то, что он уже сказал.

— А нам можно будет уехать? — озабоченно спросила она. — Я хочу сказать, Буссе не должен будет… Она осеклась и потом добавила:

— И Лена…

— Нет, нет. Естественно, вы можете со спокойной совестью уезжать, — сказал Мартин Бек и встал.

Он подал руку ей и мужу, поблагодарил их, но когда хотел уйти, примчался Буссе и обнял его за колени.

— Не уходи. Останься. Поговоли с папой. Поговоли с Буссе.

Он попытался стряхнуть с себя малыша, но Буссе держался крепко, а Мартину Беку не хотелось, чтобы малыш начал реветь. Он полез в карман и вытащил оттуда монетку в пятьдесят эре. Вопросительно посмотрел на маму. Она кивнула.

— Держи, Буссе, — сказал он и протянул малышу монетку.

Буссе мгновенно отпустил его, взял монетку и сказал:

— Буссе купит молозеное. Буссе будет богатым и купит молозеное.

Он побежал в прихожую и взял в руку плащик, который висел на крючке, низко прикрепленном к двери. Начал рыться в карманах.

— У Буссе много денег, — заявил он и предъявил грязный пятачок.

Мартин Бек открыл дверь в коридор, повернулся и протянул Буссе руку.

Малыш стоял, держа в руке плащик, и когда он вытащил руку из кармана, на пол упал маленький белый листок бумаги. Мартин Бек нагнулся, чтобы подать его малышу, и тот воскликнул:

— Цок-цок! Цок-цок от дяди!

Мартин Бек посмотрел на предмет, который держал руке.

Это был самый обыкновенный билет в метро.

XVIII

Утром, в пятницу шестнадцатого июня 1967 года, уже кое-что что произошло.

Полиция опубликовала описание, которое имело тот недостаток, что подходило к каким-нибудь десяти тысячам более или менее добропорядочных граждан. А может, и к еще большему количеству.

В руководстве полиции кое-кто по-прежнему упрямо настаивал на том, что у Лундгрена нет никакого алиби относительно убийства в Ванадислундене, и подвергал сомнению надежность его свидетельских показаний. Это привело к тому, что Гюнвальд Ларссон поставил одну женщину в весьма неприятное положение, а другая женщина поставила Колльберга в еще более неприятное положение.

Гюнвальд Ларссон набрал телефонный номер в районе Ваза. После чего состоялся следующий разговор.

— Янсон слушает.

— Добрый день. Криминальная полиция, у телефона старший криминальный ассистент Ларссон.

— Слушаю вас.

— Могу я поговорить с вашей дочерью Майкен Янсон?

— Да, пожалуйста. Секундочку. Мы как раз завтракаем. Майкен!

— Алло, Майкен Янсон слушает.

Голос был звонкий и воспитанный.

— Полиция, у телефона старший криминальный ассистент Ларссон.

— Да?

— Вы сообщили, что вечером девятого июня были в парке Ванадислунден, куда ходили немножко подышать свежим воздухом.

— Да.

— Что было на вас надето, когда вы ходили подышать?

— Что было… секундочку, да, на мне было черно-белое короткое платье.

— А еще что?

— Босоножки.

— Ага. А еще что?

— Ничего. Подожди, папа, он всего лишь спрашивает, что было…

— Ничего? Больше ничего на вас не было?

— Н-нет.

— Я имею в виду, у вас случайно не было чего-нибудь под платьем?

— Ну да, естественно. На мне, естественно, было нижнее белье.

— Ага. А какое нижнее белье?

— Какое нижнее белье?

— Да, именно об этом я вас и спрашиваю.

— Ну-у… на мне было, естественно, то, что… то, что обычно носят. Но папа, ведь это полиция!

— А что именно вы обычно носите?

— Ну, естественно, бюстгальтер, и… ну, как вы думаете?

— Я ни о чем не думаю. У меня нет никакого априорного мнения, я всего лишь спрашиваю.

— Ну, в таком случае, естественно, трусы.

— Ага. А какие трусы?

— Какие? Послушайте, я не понимаю, что вы имеете в виду. Самые обыкновенные трусы.

— Маленькие трусики, похожие на плавки?

— Да, но простите, я…

— А как выглядели эти трусики? Они были красные, черные, синие или, возможно, телесного цвета?

— Они были…

— Да?

— Это были белые сетчатые трусики. Да, папа, я сейчас его спрошу. Простите, вы не могли бы сказать, зачем расспрашиваете меня о таких вещах?

— Я проверяю свидетельские показания.

— Свидетельские показания?

— Совершенно верно. До свидания.

Колльберг приехал в Старый Город, припарковался возле собора, разыскал адрес и поднялся по каменной винтовой лестнице, порядком истертой. Звонка он не обнаружил и, поэтому, верный своей привычке, оглушительно заколотил в дверь.

— Входи, — крикнула женщина.

Колльберг вошел.

— О Боже! — воскликнула женщина. — Кто вы такой?

— Полиция, — строго сказал Колльберг.

— В таком случае вынуждена вам заявить, что полиция умеет чертовски неприятно…

— Вас зовут Элизабет Хедвиг Мария Карлстрём? — спросил Колльберг, демонстративно заглянув в бумажку, которую держал в руке.

— Да. Вы пришли из-за вчерашнего?

Колльберг кивнул и огляделся вокруг. В комнате царил милый беспорядок. Элизабет Хедвиг Мария Карлстрём была в синей полосатой пижамной куртке такой длины, что было видно, что под ней нет даже сетчатых трусиков. Очевидно, она только что встала и варила кофе, потому что стояла у газовой плиты и ждала, когда закипит вода.

— Я только что встала и варю кофе, — сказала она.

— Ага.

— Я подумала, что это девушка, живущая по соседству. Никто другой так не колотит в дверь. И к тому же в такое время. Вы тоже хотите?

— Простите?

— Кофе.

— Гм, да, — сказал Колльберг.

— Ну, тогда присаживайтесь куда-нибудь.

— Куда?

Она показала ложечкой на низкий кожаный пуфик возле спинки широкой расстеленной постели. Он нерешительно сел. Она поставила обе чашечки на маленький подносик, левым коленом подтолкнула столик и поставила на него поднос, а сама села на постель. Потом скрестила ноги, причем кое-что обнажилось. В ее анатомии не было каких-либо необычных особенностей.

— Угощайтесь, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Колльберг, глядя на пальцы ее ног.

Он легко возбуждался, и в эту минуту у него было какое-то странное ощущение. Она чем-то сильно напоминала ему кого-то, очевидно, его собственную жену.

Она озабоченно посмотрела на него и сказала:

— Вы не возражаете, если я немного оденусь?

— Думаю, это очень неплохая мысль, — прогудел Колльберг сдавленным голосом.

Она тут же встала, подошла к шкафу, достала оттуда коричневые вельветовые брюки и надела их. Потом расстегнула пижамную куртку и сняла ее. Минуту стояла обнаженная до пояса, повернувшись к Колльбергу спиной, однако это не очень помогало. Немного поколебалась, а потом натянула свитер через голову.

— Неудобство в том, что потом человеку становится ужасно жарко, — вздохнула она.

Он сделал глоток кофе.

— Вам нравится? — спросила она.

Он сделал еще один глоток.

— Кофе прекрасный, — ответил он.

— Дело в том, что я вообще ничего не знаю. Совершенно ничего. Это было просто ужасно, я имею в виду Симонссона.

— Его зовут Рольф Эверт Лундгрен, — сказал Колльберг.

— Вот видите, еще и это. Мне ясно, вы считаете, что я произвожу впечатление… что это не показывает меня в благоприятном свете, если можно так выразиться. Ну, теперь уж с этим ничего не поделаешь.

Она с несчастным видом посмотрела на него.

— Вы, наверное, хотите закурить, — сказала она. — Однако у меня, к сожалению, нет ни одной сигареты. Видите ли, дело в том, что я не курю.

— Я тоже, — сказал Колльберг.

— Ну, тогда все в порядке. Так вот, в благоприятном я предстаю свете или нет, но я могу только сказать, как было дело. В девять часов я познакомилась с ним в Ванадисском плавательном бассейне, а потом пошла с ним к нему домой. Больше я ничего не знаю.

— Однако вы должны знать одну вещь, которая нас интересует.

— Что же?

— Какой он был? Я имею в виду, в сексуальном отношении.

Она растерянно пожала плечами, взяла сухарик и начала его грызть. Наконец сказала:

— No comments.[3] Я не имею привычки…

— Какой привычки вы не имеете?

— Я не имею привычки обсуждать мужчин, с которыми встречаюсь. Если бы, например, мы с вами вместе легли в постель, я потом не ходила бы по улицам и не распространяла бы о вас разнообразные подробности.

Колльберг раздраженно заерзал. Он возбудился, и ему было жарко. Он с удовольствием снял бы пиджак. Собственно, не было исключено, что он мог бы полностью раздеться и лечь с этой женщиной в постель. Правда, такие вещи при исполнении служебных обязанностей он делал очень редко и, главным образом, до того, как женился, но что было, то было.

— Я бы хотел, чтобы вы ответили мне на этот вопрос, — сказал он. — Он был нормальным в сексуальном отношении?

Она не отвечала.

— Это важно, — сказал он.

Она перехватила его взгляд и спросила:

— Почему?

Колльберг задумчиво посмотрел на нее. Ему было нелегко решиться, и он знал, что ряд его коллег посчитали бы его ответ гораздо худшей вещью, чем если бы он разделся и лег с этой женщиной в постель.

— Лундгрен — профессиональный преступник, — наконец сказал он. — Он признался приблизительно в десяти серьезных преступлениях, связанных с насилием. Доказано, что в прошлую пятницу вечером он находился в Ванадислундене в то время, когда там была убита маленькая девочка.

Она посмотрела на него и судорожно сглотнула.

— Ах, — почти беззвучно выдохнула она. — Я этого не знала. Никогда бы не подумала.

Через минуту она снова посмотрела на него ясными карими глазами и сказала:

— Этим вы вполне ответили на тот вопрос, который я задала. Теперь я уже понимаю, что должна буду вам ответить.

— Я вас слушаю.

— Насколько я могу судить, он был совершенно нормальный. Даже слишком нормальный.

— Как вас понимать?

— Ну, я хочу сказать, что я сама тоже совершенно нормальная в сексуальном отношении, но… хотя я делаю это редко, хочется, если можно так выразиться, чего-нибудь… необычного.

— Понимаю, — сказал Колльберг и растерянно почесал за ухом.

Несколько секунд он размышлял. Девушка внимательно смотрела на него. Наконец он сказал:

— Там, в Ванадисском плавательном бассейне в контакт вступил он?

— Нет, скорее наоборот.

Она внезапно встала и подошла к окну, откуда открывался вид на собор. Посмотрела в окно и сказала:

— Вот именно. Скорее наоборот! Я пошла туда вчера с мыслью найти себе парня. Я сделала это обдуманно, если хотите, можно сказать, что я подготовилась к этому.

Она пожала плечами.

— Я просто так живу, — сказала она. — Живу так уже несколько лет и могу вам сказать, почему я так живу.

— Не нужно, — пробормотал Колльберг.

— Но я с удовольствием вам скажу, — продолжила она, водя пальцем по занавеске. — Я объясню вам…

— Не нужно, — повторил Колльберг.

— Как хотите, но я могу поручиться, что со мной он вел себя совершенно нормально. Сначала казалось, что… что это его не очень интересует. Но… в общем, я уж постаралась, чтобы он наконец проявил интерес.

Колльберг допил кофе.

— Ну, наверное, это все, — неуверенно пробормотал он.

Она сказала, по-прежнему глядя в окно:

— Я поплатилась за это не впервые, но в этот раз получилось хуже всего. Это было очень неприятно.

Колльберг ничего не говорил.

— Это ужасно, — пробормотала она, словно про себя, водя пальцем по занавеске. Потом повернулась и сказала:

— Уверяю вас, что инициатива исходила от меня. Это совершенно очевидно. Если хотите, я могу…

— Нет, не нужно.

— И я могу вас заверить, что он был совершенно нормальный.

Колльберг встал.

— Собственно, вы мне тоже очень нравитесь, — сказала она ни с того, ни с сего.

— Вы мне тоже, — произнес он.

Он подошел к двери и приоткрыл ее. И потом с изумлением услышал свой собственный голос:

— Я уже полтора года женат. Жена на девятом месяце.

Она кивнула.

— Что же касается того, как я живу…

Она не договорила.

— Это не очень хорошо, — сказал он. — Это может быть опасно.

— Я знаю.

— Ну что ж, до свидания, — сказал Колльберг.

— Ну что ж, до свидания, — сказала Элизабет Хедвиг Мария Карлстрём.

В штаб-квартире Гюнвальд Ларссон грубовато сказал:

— Так, с этим все ясно. Парень совершенно нормальный, и его свидетельские показания, вне всякого сомнении, заслуживают доверия. Чистая трата времени.

Колльберг немного поразмышлял об этой трате времени. Потом спросил:

— Где Мартин?

— Допрашивает грудного младенца, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— А еще что новенького?

— Ничего.

— Здесь кое-что имеется, — поднял голову Меландер над своими бумагами.

— Что?

— Заключение психологов. Их мнение об этом деле.

— Болтовня, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Несчастная любовь к тачке и так далее.

— М-м, — буркнул Меландер, — я бы не стал утверждать это с такой уверенностью.

— Вынь изо рта трубку, не слышно, что ты говоришь, — сказал Колльберг.

— Они сделали заключение, которое кажется очень правдоподобным и весьма тревожным.

— Да брось ты, — подал голос Гюнвальд Ларссон. — Тревожным? А до этого оно что, не было тревожным?

— Если говорить о том, что этого человека нет в нашей картотеке, — бесстрашно продолжил Меландер, — то они утверждают, что такой человек вполне мог никогда еще не сидеть в тюрьме. И что он даже мог спокойно жить много лет, а эти его наклонности вообще могли никак не проявляться. Удовлетворение извращенных сексуальных наклонностей, говорят они, как наркомания. Здесь они иллюстрируют это зарубежными примерами. Ненормальный в сексуальном отношении человек может долгие годы удовлетворять свои

наклонности, возможно, как эксгибиционист или эротоман. Однако если такой человек, предположим, под влиянием какого-либо случайного импульса совершит изнасилование или убийство на сексуальной почве, то потом он уже будет в состоянии удовлетворять свои наклонности только путем изнасилования или убийства.

— Это как в старой сказке о медведях, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Как однажды медведь убил корову и так далее.

— Так же как и наркоману, ему требуются чем дальше, тем более сильные средства, — продолжил Меландер и полистал заключение. — Если наркоман переходит с гашиша на героин, то он уже не может потом удовлетворять себя гашишем. При сексуальных извращениях дело обстоит точно так же.

— Это звучит довольно правдоподобно, — сказал Колльберг, — но вместе с тем довольно примитивно.

— Я бы сказал, что это звучит чертовски неприятно, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— Дальше будет еще неприятнее, — сказал Меландер. — Они пишут здесь, что такой человек способен долгие годы жить без каких-либо симптомов сексуального извращения. Он просто может в спокойной домашней обстановке всего лишь представлять себе разные сексуальные извращения, и причем даже не отдавать себе в этом отчет, пока однажды какой-нибудь случайный импульс не заставит его совершить насилие. Но зато потом он уже не сможет остановиться и будет повторять это снова и снова и чем дальше, тем с большей беспощадностью и постоянно растущей жестокостью.

— Почти как Джек Потрошитель, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— А что там говорится насчет импульса? — спросил Колльберг.

— Его может вызвать что угодно, самые разные причины, какая-нибудь случайность, упадок физических сил, болезнь, пьянство, наркотики. Если мы предположим, что это заключение подходит к данному случаю, то в прошлом преступника не находим ни одной ниточки, за которую могли бы ухватиться. Полицейские архивы и картотека бесполезны, то же самое относится и к медицинским картотекам. Этого человека просто-напросто нигде нет. И когда он однажды начинает насиловать и убивать, то уже не в состоянии остановиться. Он также неспособен сам признаться или вообще контролировать свои собственные поступки.

Меландер ненадолго замолчал. Потом похлопал по фотокопии заключения психологов и сказал:

— Кое-что здесь даже чересчур точно соответствует данному случаю.

— Послушай, я тебе придумаю кучу других возможностей, — раздраженно фыркнул Гюнвальд Ларссон. — Может, это сделал какой-нибудь иностранец, который был здесь проездом. Или, вполне вероятно, это сделали два преступника… в парке Тантолунден, возможно, совершено инспирированное убийство, вызванное шумом вокруг убийства, совершенного ранее.

— Этому многое противоречит, — спокойно сказал Меландер. — Знание обстановки, почти сомнамбулическая уверенность, с какой было совершено преступление, выбор времени и места, абсурдность того, что после двух убийств и семидневного розыска у нас нет ни одного серьезного подозреваемого. Кроме Эриксона. Идею об инспирированном убийстве опровергают исчезнувшие трусики. Ведь эта информация не попала в газеты.

— Все равно я не могу объяснить это как-то иначе, — упрямо стоял на своем Гюнвальд Ларссон.

— Опасность состоит в том, что в данном случае ты выдаешь желаемое за действительное, — заметил Меландер и принялся раскуривать трубку.

— Да, — сказал Колльберг и вздрогнул. — Возможно, это лишь благие пожелания, Гюнвальд, но я в самом деле надеюсь, что ты прав. В противном случае…

— В противном случае, — перебил его Меландер, — у нас просто-напросто ничего нет. И единственное, что может привести нас к убийце, так это то, что мы в следующий раз схватим его на месте преступления. Или…

Колльберг и Гюнвальд Ларссон додумали эту мысль и пришли к тому же неприятному заключению. Однако высказал его Меландер:

— Или он будет делать это снова и снова, с такой же сомнамбулической уверенностью, пока ему наконец не изменит удача и мы его не схватим.

— Бр-р, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Что еще там имеется в этих твоих бумагах? — спросил Колльберг.

— Больше ничего, — ответил Меландер. — Одни предположения, и все это противоречит друг другу. У него могут быть повышенные сексуальные потребности или минимальное половое желание. Это они вроде бы считают наиболее вероятным. Приводят разные примеры и того, и другого.

Он положил заключение на стол и сказал:

— А вам вообще приходило в голову, что даже если бы он стоял здесь перед нами, у нас не было бы абсолютно ничего, что бы позволяло каким-то образом установить его причастность к этим убийствам? Единственное вещественное доказательство, которым мы располагаем, это два довольно сомнительных следа в парке Тантолунден. И единственное, что доказывает, что человек, за которым мы охотимся, действительно мужчина, это следы спермы на земле возле трупа — опять-таки в парке Тантолунден. И если его нет в картотеке, нам ни к чему даже целый альбом его отпечатков пальцев.

— Точно, — кивнул Колльберг.

— Но у нас есть свидетель, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Грабитель видел его.

— Если на него можно полагаться, — возразил Меландер.

— Неужели ты не можешь сказать совсем ничего, ни одного пустяка, чтобы доставить нам хоть немного радости? — сказал Колльберг.

На это Меландер не ответил, а посему все трое погрузились в глубокое молчание. В соседнем кабинете зазвонил телефон, и Рённ или кто-то другой взял трубку.

— Как тебе понравилась эта девушка? — внезапно спросил Гюнвальд Ларссон.

— Она красивая, — ответил Колльберг.

Через четверть часа прибыл Мартин Бек с билетом.

XIX

— Что это такое? — поинтересовался Колльберг.

— Цок-цок, — ответил Мартин Бек.

Колльберг смотрел на измятый билет, лежащий на столе перед ним.

— Билет в метро, — сказал он. — Ну и что? Если ты хочешь, чтобы тебе оплатили его, тебе нужно обратиться в кассу.

— Буссе, наш трехлетний свидетель, получил его от дяди, которого он и Анника встретили перед ее смертью.

Меландер закрыл дверцы металлического шкафчика и подошел к столу. Колльберг повернул голову и посмотрел на Мартина Бека.

— Ты хочешь сказать, перед тем как дядя задушил ее? — спросил он.

— Это не исключено, — ответил Мартин Бек. — Вопрос в том, что нам удастся извлечь из этого билета.

— Возможно, отпечатки пальцев, — пробормотал Колльберг. — Знаменитым нингидриновым методом.[4]

Меландер наклонился над столом, он смотрел на билет и что-то бормотал.

— Да, это возможно, но вряд ли даст результат, — сказал Мартин Бек. — Вначале его держал в руке тот, кто вырвал его из книжечки, потом к нему, естественно, должен был прикоснуться тот, кто дал его малышу, ну, а у малыша он с понедельника лежал в кармане плащика. С улитками и Бог знает чем еще. Кроме того, должен признаться, что я тоже к нему прикасался. К тому же, он ужасно помят и разорван. Вначале посмотрим, когда его прокомпостировали.

— Я уже посмотрел, — сказал Колльберг. — Двенадцатого в тринадцать тридцать. Месяц определить невозможно. Это могло бы означать…

Он замолчал, и все трое думали о том, что это могло бы означать. Тишину нарушил Меландер.

— Эти билеты стоимостью в одну крону, тип сто, используют только в центре, — сказал он. — Может, удалось бы выяснить, когда и где был продан этот билет. На нем масса различных цифр.

— Позвони в транспортное управление, — сказал Колльберг.

— Теперь оно называется «Городские железные дороги», — поправил его Меландер.

— Знаю, но на пуговицах у них до сих пор еще старые буквы. Наверное, у них нет денег на новые пуговицы. Я этого не понимаю, ведь проехать одну остановку стоит целую крону. А сколько стоит одна пуговица?

Меландер уже направился в соседний кабинет. Билет он оставил лежать на столе, так что, очевидно, сфотографировал его в своей бесценной памяти.

— Так что же этот юноша еще тебе сказал? — спросил Колльберг.

Мартин Бек покачал головой.

— Ничего связного. Сказал, что он был с этой девочкой и что они встретили какого-то дядю. А этот билет он нашел случайно.

Колльберг качался на стуле и покусывал ноготь.

— Это означает, что у нас имеется свидетель, который, очевидно, не только видел убийцу, но даже разговаривал с ним. Трудность в том, что этому свидетелю всего три года. Будь он хотя бы чуточку постарше…

— Тогда бы это никогда не произошло, — перебил его Мартин Бек. — По крайней мере не в это время и не в этом месте.

Вернулся Меландер.

— Они позвонят через минуту, — сказал он.

Они позвонили через пятнадцать минут. Меландер делал пометки, потом поблагодарил и положил трубку.

Билет действительно был продан двенадцатого июня. Его продали в кассе второго входа в станцию метро «Родмансгатан». Это означает, что пассажир должен был спуститься по одной из двух лестниц со Свеавеген, возле Коммерческого института.

Мартин Бек знал все ветки стокгольмского метро, как свои собственные пальцы, но тем не менее подошел к большому плану города, висящему на стене.

Если пассажир, купивший билет на станции «Родмансгатан», ехал в парк Тантолунден, то он должен был сделать одну пересадку либо на станции «Центральный вокзал», либо на станции «Старый Город», либо на станции «Шлюссен». В последнем случае он бы доехал до станции «Цинкенсдамм». Оттуда до того места, где нашли мертвого ребенка, было около пяти минут ходьбы. Поездка началась между половиной второго и без четверти два и длилась приблизительно двадцать минут, включая пересадку. Следовательно, пассажир мог прийти в парк Тантолунден в период времени между без пяти два и десятью минутами

третьего. По заключению врачей ребенок умер, вероятнее всего, между половиной третьего и тремя, возможно, немного раньше.

— По времени все сходится, — сказал Мартин Бек.

Колльберг тут же заметил:

— По времени сходится. Если он ехал именно туда.

Меландер нерешительно произнес, словно разговаривал сам с собой:

— Эта станция очень близко от Ванадислундена.

— Верно, — подтвердил Колльберг, — но о чем это нам говорит? Ни о чем. О том, что он ездит в метро от одного парка к другому и убивает маленьких девочек? В таком случае, почему он не ехал в пятьдесят втором автобусе? На нем он доехал бы до самого парка, и ему не пришлось бы идти пешком.

— И кто-нибудь, очевидно, увидел бы его, — сказал Меландер.

— Да, ты прав, — согласился Колльберг. — Этот автобус почти всегда полупустой, так что кондуктор запоминает пассажиров.

Иногда Мартину Беку очень хотелось, чтобы Колльберг не был таким разговорчивым. Ему хотелось этого именно сейчас, когда он заклеивал конверт с билетом. Он попытался ухватить какую-то мимолетную мысль, промелькнувшую у него в голове; если бы Колльберг молчал, ему бы наверняка это удалось. Теперь она безвозвратно исчезла.

Он велел отнести конверт в лабораторию и позвонил туда, чтобы результаты экспертизы ему прислали как можно быстрее. Сотрудника, с которым он говорил, звали Ельм, и Мартин Бек знал его уже много лет.

Колльберг ушел на обед, а Меландер заперся у себя к кабинете со своей кучей бумаг. Прежде чем уйти, он сказал:

— У нас есть имя той женщины, которая продала билет на станции метро «Родмансгатан». Послать туда кого-нибудь?

— Конечно, — сказал Мартин Бек.

Он сел за стол, начал перебирать кучу документов и попытался размышлять. Он был раздраженный и нервный и полагал, что это объясняется усталостью. В дверь заглянул Рённ, посмотрел на него и тут же молча исчез. Больше его никто не беспокоил. Даже телефон какое-то время молчал. Мартин Бек начал опасаться, что уснет, сидя за столом, чего с ним еще ни разу в жизни не случалось, но тут зазвонил телефон. Прежде чем взять трубку, он взглянул на часы. Двадцать минут третьего. И все еще пятница. Отлично, Ельм, подумал он.

Это был не Ельм, а Ингрид Оскарсон.

— Не сердитесь, что я вас беспокою, — сказала она. — Я знаю, что у вас действительно ужасно много работы.

Мартин Бек что-то пробормотал, и сам услышал, как мало в этом восторга.

— Но вы ведь говорили, чтобы я позвонила. Возможно, это не имеет никакого значения, но я подумала, что будет лучше, если я вам это скажу.

— Да, конечно, не обижайтесь, я не понял сразу, кто это звонит, — принялся оправдываться Мартин Бек. — Что-нибудь случилось?

— Лена вспомнила то, что якобы сказал Буссе в понедельник в парке. Когда это произошло.

— Да? И что же он сказал?

— Лена говорит, что он якобы утверждал, что видел папу тети.

— Папу тети? — переспросил Мартин Бек.

— Да. Понимаете, я зимой и весной нынешнего года водила его к одной женщине, и он называл ее тетя. Я не могла отдать его куда-нибудь в ясли и не знала, куда его пристроить, когда я на работе. Поэтому я дала объявление, на которое откликнулась одна женщина с Тиммермансгатан.

— Но мне показалось, вы сказали: папа тети, фру Оскарсон. Или я вас плохо понял?

— Нет, вы хорошо меня поняли. Это был муж этой женщины, его, естественно, не было дома целый день, однако он часто приходил домой раньше и Буссе видел его почти ежедневно. Поэтому Буссе начал называть его папа тети.

— Так значит, Буссе сказал Лене, что видел его в понедельник в парке Тантолунден?

Мартин Бек почувствовал, как исчезает усталость; он придвинул к себе блокнот и принялся рыться в карманах в поисках какой-нибудь авторучки.

— По крайне мере, Лена так говорит, — подтвердила фру Оскарсон.

— А можно ли определить, было это до того или после того, как Буссе исчез?

— Лена говорит, что это наверняка было уже потом. Именно поэтому я и позвонила вам, чтобы вы об этом узнали. Конечно, у него с этим нет ничего общего, этот человек очень приветливый и достойный. Но если Буссе его видел, то он, возможно, что-нибудь заметил или слышал…

Мартин Бек приготовил авторучку и спросил:

— Как его зовут?

— Эскил Энгстрём. По-моему, он шофер. Они живут на Тиммермансгатан, номер я забыла. Минуточку, я посмотрю…

Она тут же вернулась и продиктовала ему адрес и телефон.

— Буссе рассказывал еще что-нибудь о том, как он разговаривал с этим папой тети? — спросил Мартин Бек.

— Нет, мы пытались его расспросить, но похоже на то, что он уже обо всем забыл.

— Как выглядит этот человек?

— Ну-у, трудно сказать. Приятный. Чуточку усталый, но это, наверное, из-за его работы. Возраст между сорока и пятьюдесятью, очень редкие волосы. У него совершенно обычный вид.

Минуту было тихо, и Мартин Бек делал пометки. Потом он сказал:

— Если я правильно понял вас, фру Оскарсон, вы уже не водите Буссе к этой женщине?

— Уже нет. У них нет своих детей, и они очень сожалели, что я его забрала. Мне обещали место в яслях, но его получила одна женщина, которая работает медсестрой. Они у нас имеют преимущество.

— И где теперь Буссе днем?

— Дома. Мне пришлось бросить работу.

— А когда вы перестали водить его к Энгстрёмам?

Она немного подумала и сказала:

— В первую неделю апреля. У меня тогда была неделя отпуска. А когда потом я должна была выйти на работу, место в яслях было занято, а фру Энгстрём тем временем взяла другого ребенка.

— Буссе нравилось туда ходить?

— В общем-то да, но думаю, ему больше нравился герр Энгстрём. То есть, папа тети, как говорил. Буссе. Думаете, что билет Буссе мог дать он?

— Не знаю, — ответил Мартин Бек. — Но я попытаюсь это выяснить.

— Я бы с удовольствием помогла вам, если бы могла, — сказала она. — Но сегодня вечером мы уезжаем. Я уже говорила вам это, не так ли?

— Да, говорили. Счастливого пути. И передайте от меня привет Буссе.

Мартин Бек положил трубку. Он несколько секунд сидел и размышлял, потом снова поднял трубку и позвонил в отдел полиции нравов.

В ожидании информации, которую он запросил, он и взял в руку одну из папок на столе и нашел запись ночного допроса Рольфа Эверта Лундгрена. Медленно и внимательно он прочел сделанное Лундгреном описание мужчины, которого тот видел в Ванадислундене. Фру Оскарсон описала папу тети, которого видел Буссе, еще хуже, однако ее описание не исключало, что это мог быть тот же человек.

В картотеке отдела полиции нравов никакой Эскил Энгстрём не фигурировал.

Мартин Бек встал и пошел в соседний кабинет. Гюнвальд Ларссон сидел за столом, задумчиво глазел в окно и ковырял в зубах ножом для разрезания бумаги.

— Где Леннарт? — спросил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон нехотя оторвался от своих дантистских изысканий, вытер нож об рукав пиджака и сказал:

— Черт возьми, откуда мне знать?

— А Меландер?

Гюнвальд Ларссон положил нож в стаканчик для карандашей и пожал плечами.

— Наверное, в туалете. А что ты хотел?

— Ничего. Чем ты, собственно, занимаешься?

Гюнвальд Ларссон не ответил сразу. Только когда Мартин Бек был на полпути к двери, он сказал:

— Не понимаю, что у людей в голове?

— Что ты имеешь в виду?

— Я только что говорил с Ельмом. Вообще-то он искал тебя. Так вот, один парень из округа Мария нашел в кустах на Хорнстульстранд дамские трусики. Нам этот болван, естественно, ни слова не говорит, а отдает их в лабораторию и заявляет, что якобы эти трусики, возможно, были сняты с трупа в парке Тантолунден. Ребята в лаборатории, разинув рты, глядят на розовые трусы пятьдесят четвертого размера, которые, возможно, были бы велики даже Колльбергу, и ломают себе голову над тем, что это должно значить. И я им вовсе не удивляюсь. Ну, разве можно вообще держать в полиции таких идиотов?

— Я тоже иногда над этим размышляю, — сказал Мартин Бек. — А что он еще говорил?

— Кто?

— Ельм.

— Ты должен ему позвонить, но не занимай телефон надолго.

Мартин Бек вернулся к своему временному письменному столу и позвонил в лабораторию.

— Да, так, что касается этого твоего билета, — сказал Ельм. — Никакие пригодные отпечатки пальцев с него снять нельзя, эту бумажку можно выбросить в макулатуру.

— Я так и думал, — сказал Мартин Бек.

— Мы еще не совсем готовы. Отчет я пришлю тебе, как обычно. Да, мы обнаружили на нем какие-то синие хлопчатобумажные волокна, наверное из кармана.

Мартин Бек вспомнил о синем плащике, который Буссе сжимал в ручонках. Он поблагодарил и положил трубку. Потом вызвал автомобиль и надел пиджак.

Была пятница, бегство из города находилось уже в полном разгаре, несмотря на то, что было еще довольно далеко до вечера. Автомобили плотным потоком двигались по мостам, и хотя водитель ехал хорошо и расчетливо, им понадобилось почти полчаса, чтобы добраться до Тиммермансгатан.

Женщине, которая открыла дверь, было около пятидесяти. Маленькая и сухопарая, в коричневом шерстяном платье и цветастых шлепанцах. Она вопросительно посмотрела на Мартина Бека глазами за очень толстыми стеклами очков.

— Фру Энгстрём?

— Да, — ответила она голосом, который для такого хрупкого создания звучал чересчур грубо.

— Герр Энгстрём дома?

— Нет, — ответила она. — Что вам угодно?

— Я хотел бы поговорить с вами. Я знаю одного ребенка, за которым вы присматривали.

— Какого ребенка? — подозрительно спросила она.

— Бу Оскарсона. Его мать дала мне ваш адрес. Вы позволите войти?

Женщина распахнула дверь, и Мартин Бек вошел в миленькую прихожую и мимо двери в кухню прошел в единственную комнату в квартире.

— Извините, — сказала женщина, — а в чем дело? Что-то случилось с Буссе?

— Я из полиции, — сказал Мартин Бек. — Это просто обычный опрос, вам нечего опасаться. А с Буссе все в полном порядке.

Сначала женщина казалась немного испуганной, но теперь она постепенно оживилась.

— А почему я должна опасаться? — сказала она. — Я не боюсь полиции. Речь идет об Эскиле?

Мартин Бек улыбнулся ей.

— Да, фру Энгстрём, я, собственно, пришел поговорить с вашим мужем. Похоже на то, что несколько дней назад он видел Буссе.

— Эскил?

Она с изумлением посмотрела на Мартина Бека.

— Да, — сказал он. — Вы не знаете, когда он придет?

Она внимательно смотрела на Мартина Бека круглыми синими глазами, которые за толстыми стеклами очков казались неестественно большими.

— Но… Эскил умер, — наконец сказала она.

Теперь Мартин Бек внимательно смотрел на нее. Прошла минута, прежде чем он очнулся и сумел выдавить из себя:

— Извините, я этого не знал. Мне очень жаль. Когда это случилось?

— В этом году, тринадцатого апреля. Автомобильная катастрофа. Доктор сказал, что он не мучился, что это произошло быстро.

Женщина подошла к окну, она смотрела на печальный двор. Мартин Бек смотрел на ее исхудалую спину в слишком просторном платье.

— Мне очень жаль, фру Энгстрём, — сказал он.

— Эскил ехал в Сёдертелье на своем грузовике, — продолжила она. — Это было в понедельник.

Она повернулась. Когда она заговорила снова, голос у нее уже был более спокойным.

— Эскил работал шофером тридцать два года и ни разу не попадал в аварию. Это была не его вина.

— Да, конечно, — сказал Мартин Бек. — Мне в самом деле ужасно неприятно, что я вас побеспокоил. Очевидно, произошла какая-то ошибка, за него приняли кого-то другого.

— А те мерзавцы, которые в него врезались, остались совершенно безнаказанными, — сказала она. — Потому что украли автомобиль.

Она кивнула с отсутствующим видом. Подошла к кушетке и принялась бесцельно поправлять подушки.

— Я сейчас уйду, — сказал Мартин Бек.

Он внезапно почувствовал сильный приступ клаустрофобии, больше всего на свете ему хотелось немедленно убежать из этой мрачной комнаты и от этой грустной худенькой женщины, но он собрал всю силу воли и продолжил:

— Фру Энгстрём, я бы хотел, если можно, чтобы вы показали мне какую-нибудь фотографию вашего мужа.

— У меня нет ни одной фотографии.

— Но у вас, возможно, есть его паспорт? Или водительское удостоверение?

— Мы ни разу не ездили за границу, поэтому у Эскила не было паспорта. А водительское удостоверение очень старое.

— Я мог бы взглянуть на него? — сказал Мартин Бек.

Она выдвинула ящик комода и дала ему водительское удостоверение. Оно было выдано на имя Эскила Йохана Альберта Энгстрёма в 1935 году. На фотографии был молодой мужчина, с волнистыми волосами, большим носом и маленьким ртом с тонкими губами.

— Теперь он выглядел уже не так, — сказала женщина.

— А как он выглядел? Вы не могли бы попытаться описать его?

Казалось, эта внезапная просьба совершенно не удивила ее, и она мгновенно ответила:

— Он был не такой высокий, как вы, но выше меня. Приблизительно метр восемьдесят два сантиметра. Очень худой. У него были очень редкие волосы, тронутые сединой. Не знаю, что еще я могу вам сказать. Он выглядел симпатично, по крайней мере мне так казалось, хотя, конечно, нельзя утверждать, что он красавец — у него был большой нос и тонкие губы. Но выглядел он симпатично.

— Благодарю вас, фру Энгстрём, — сказал Мартин Бек. — Больше я не буду вас беспокоить.

Она проводила его до двери и не закрывала ее до тех пор, пока за ним не захлопнулась дверь на улицу.

Мартин Бек сделал глубокий вдох и быстро зашагал но улице. Ему уже хотелось снова оказаться за своим письменным столом.

На столе лежали две коротких записки.

Первая от Меландера: «Билет на станции метро „Родмансгатан“ продала женщина по имени Гунда Персон. Она ничего не помнит. Говорит, что у нее нет времени для того, чтобы разглядывать пассажиров».

Вторая от Хаммара: «Немедленно зайди ко мне. Очень важно».

XX

Гюнвальд Ларссон стоял у окна и смотрел на шестерых служащих городского управления дорожных работ, которые сосредоточенно глядели на седьмого, опирающегося на лопату.

— О Господи, ну и порядки, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Стоят и глазеют.

— А ты что делаешь? — задал риторический вопрос Меландер.

— Естественно, стою и глазею. И если бы у начальника был кабинет на противоположной стороне улицы, то он наверняка стоял бы у окна и глазел на меня, и если бы у шефа полиции был кабинет выше этажом, над нами, то он стоял бы у окна и глазел на начальника, и если бы у министра внутренних дел…

— Возьми лучше трубку, — сухо заметил Меландер.

В этот момент в кабинет вошел Мартин Бек. Он остался стоять в дверях и задумчиво смотрел на Гюнвальда Ларссона, который как раз говорил:

— Ну и что, по-твоему, мы должны делать? Послать туда собак?

Он с грохотом швырнул трубку, насупившись посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Что с тобой?

— Ты только что кое-что сказал, и я вспомнил…

— Собак?

— Нет, то, что ты сказал перед этими собаками.

— И что же ты вспомнил?

— Вот этого-то я и не знаю. Я все время о чем-то думаю и никак не могу вспомнить о чем.

— Не ты один, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек пожал плечами.

— Сегодня ночью будет облава, — сказал он. — Я только что разговаривал с Хаммаром.

— Облава? Все уже держатся из последних сил, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Интересно, как они будут выглядеть завтра?

— Это не слишком конструктивно, — присоединился к нему Меландер. — Кто это придумал?

— Не знаю. Хаммар тоже, казалось, не в большом восторге.

— А кто сегодня в восторге? — сказал Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек не присутствовал при том, когда было принято решение провести облаву, однако присутствуй он при этом, он бы, очевидно, выступил против. Он подозревал, что главной причиной была растерянность, незнание того, как дальше проводить расследование, и вездесущее, неясное чувство, что нужно все-таки что-то делать. Ситуация, вне всякого сомнения, была очень серьезной. Пресса и телевидение раздражали общественность туманными сообщениями о расследовании, и чем дальше, тем больше ширилось мнение, что «полиция ни на что не способна» и что «она бессильна». Только этим делом уже занималось семьдесят пять человек, и внешнее давление, которому они подвергались, было невыносимым. Поток информации от общественности усиливался с каждым часом, и каждое сообщение необходимо было поставить на контроль и проверить, даже если в большинстве случаев уже с первого взгляда было очевидно, что оно совершенно бесполезно. К этому прибавлялось еще и внутреннее давление, осознание того, что убийцу не только нужно схватить, но также необходимо, чтобы это произошло как можно скорее. Все это дело было изнуряющим состязанием со смертью, а уверенных победных очков было заработано до жалкого мало. Туманное описание, составленное на основании свидетельских показаний трехлетнего ребенка и жестокого грабителя. Билет в метро. Заключение о психике разыскиваемого человека. Все было очень неопределенным и вселяло тревогу.

— Это не расследование, а конкурс составителей загадок, — заявил Хаммар, когда зашла речь о билете в метро.

Правда, это была одна из его любимых фраз, и Мартин Бек слышал ее уже неоднократно, однако, с другой стороны, правдой было и то, что на сей раз данная фраза характеризовала создавшуюся ситуацию очень метко.

Естественно, существовала какая-то надежда, что проведенная с размахом облава дает им какую-нибудь нить, однако эта надежда была ничтожной. Последняя облава проводилась со вторника на среду и оказалась совершенно безрезультатной в смысле поимки грабителя из парка: в тюрьме оказалось около тридцати преступников самого разного калибра, в основном, мелких торговцев наркотиками и различных воришек. Этим полиция только прибавила себе работы, а в преступном мире, кроме того, возникла паника.

Еще одна облава означает, что все они будут завтра смертельно уставшими. И завтра, возможно…

Тем не менее, раз уже было решено провести облаву, то она состоялась. Она началась около одиннадцати часов, и сообщение о происходящем молниеносно распространилось по всем районам и домам, предназначенным под снос. Результат, естественно, получился не ахти какой. Воры, торговцы наркотиками, хулиганы, проститутки и даже большинство наркоманов — все сидели по домам и не высовывали носа. Шел час за часом, а облава продолжалась с неослабевающей настойчивостью. На месте преступления схватили одного специалиста по кражам со взломом и одного торговца наркотиками, который, очевидно, не обладал достаточно сильным инстинктом самосохранения, чтобы на время угомониться. Единственное, чего действительно достигли, так это того, что подняли самые нижние слои болота: бездомных, алкоголиков, опустившихся, отчаявшихся людей, у которых не оказалось сил, чтобы отползти, когда заботливое современное общество отвалило в сторону камень.

В половине пятого Мартин Бек и Колльберг сидели в автомобиле на набережной в Старом Городе.

— Что-то у меня ассоциируется с Гюнвальдом, — сказал Мартин Бек.

— Ясное дело, он ведь тупица, — произнес Колльберг.

— Да нет, я не об этом, я по-прежнему никак не могу кое-что вспомнить.

— Ага, — пробормотал Колльберг и зевнул во весь рот.

В этот момент по рации объявили тревогу.

— Говорит Хансон из пятого. Мы на Вестмангатан. Обнаружили труп. И…

— Да?

— По описанию походит на него.

Они поехали туда. Перед домом, предназначенным под снос, стояло несколько полицейских автомобилей. Мертвец лежал на спине в одной из комнат на третьем этаже. Было удивительно, как он вообще туда попал, так как дом уже наполовину демонтировали и бóльшая часть лестницы отсутствовала. Они взобрались туда по дюралевой приставной лесенке, которую установили эксперты из технического отдела. Это был мужчина лет тридцати пяти, с выразительным профилем, в светло-синей рубашке и темно-коричневых брюках. Разношенные черные ботинки, носки отсутствуют. Редкие зачесанные назад волосы. Они посмотрели на него, и один из них подавил зевок.

— На этом можем пока что закончить и ждать, когда господа из технического отдела утром откроют свою лавочку, — сказал Колльберг.

— Тут нечего ждать, — заявил Хансон, старый полицейский зубр. — Он задохнулся от собственной блевотины. Это ясно как Божий день.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Похоже на то. Как по-вашему, когда он умер?

— Не очень давно, — предположил Колльберг.

— Да, — согласился Хансон. — Когда установилась жара.

Спустя час Мартин Бек поехал домой, а Колльберг — на Кунгсхольмсгатан.

Перед тем как разойтись, они обменялись парой фраз.

— Описание в самом деле подходит к нему.

— Оно подходит ко многим людям, — сказал Мартен, Бек.

— И место совпадает. Ты ведь говорил, что он может быть из района Ваза или из верхней части Нормальма.

— Сначала нужно выяснить, кто он такой.

Когда Мартин Бек приехал домой в Багармуссен, была половина седьмого. Его жена, судя по всему, только что проснулась, однако еще лежала голая на постели. Она критически оглядела его и сказала:

— Ну и вид у тебя.

— Почему ты без ночной рубашки или пижамы?

— Мне ужасно жарко. Тебе это мешает?

— Нисколько.

Он был небритым и грязным, но слишком устал, чтобы что-то делать с этим. Разделся и натянул пижаму. Лег в постель и подумал: дурацкая идея эта супружеская постель, когда получу зарплату, куплю себе тахту и поставлю ее в другую комнату.

— А может, тебя это возбуждает? — язвительно спросила она.

Однако он уже спал.

В одиннадцать часов утра он уже снова находился на Кунгсхольмсгатан. У него, правда, были круги под глазами, но он принял душ и чувствовал себя более или менее посвежевшим. Колльберг еще находился там, а мертвеца с Вестмангатан пока что опознать не удалось.

— В карманах ничего, даже билета в метро.

— А что говорят врачи?

— Задохнулся от собственной блевотины, каких-либо сомнений здесь нет. Вроде бы пил бензин. Или антифриз. Там была пустая канистра.

— Он давно умер?

— Максимум двадцать четыре часа назад.

Они минуту сидели молча.

— Я думаю, что это не он, — наконец сказал Колльберг.

— Я тоже.

— Точно никогда ничего не известно.

— Это верно.

Через два часа они показали мертвого мужчину грабителю. Он сказал:

— Фу, какая гадость.

И тут же добавил:

— Нет, это не тот, которого я видел. Этого я никогда раньше не видел.

После чего ему тут же сделалось дурно.

Неженка, подумал Рённ, которому пришлось пойти имеете с грабителем в туалет, поскольку тот был прикован к нему наручниками. Однако вслух он ничего не сказал, а всего лишь взял полотенце и вытер грабителю лоб и губы.

На обратном пути в главное управление Колльберг сказал:

— Никогда ни в чем нельзя быть полностью уверенным.

— Это верно, — согласился Мартин Бек.

XXI

В субботу вечером, без четверти восемь, позвонила жена Колльберга.

— Колльберг слушает, — сказал он.

— Господи, Леннарт, о чем ты думаешь? Со вчерашнего дня тебя не было дома!

— Я знаю.

— Я не хочу тебе лишний раз надоедать, но должна сказать, что это не слишком приятно — сидеть одной целыми днями.

— Я знаю.

— Пойми, я не сержусь на тебя и вовсе не хочу к тебе придираться. Но я здесь совсем одна. И я немножко боюсь.

— Понимаю. Хорошо, я приеду домой.

— Но ты не должен делать это ради меня, если у тебя есть какая-то важная работа. Мне достаточно, если я могу хоть минутку поговорить с тобой.

— Да нет, я уже еду, — произнес он. — Немедленно.

Наступила краткая пауза. Потом она сказала неожиданно нежно:

— Лени?

— Да?

— Минуту назад я видела тебя по телевизору. Ты выглядел ужасно усталым.

— Я действительно устал. Ну, так я уже еду домой. Пока.

— Пока, милый.

Колльберг обменялся несколькими словами с Мартином Беком, спустился вниз и сел в автомобиль.

Так же как Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон, он жил в Сёдермальме, но не так далеко от центра, как они. На Паландергатан, недалеко от станции метро «Шермарбринк». Он проехал по городу, но когда переехал через мост в Шлюссен, повернул на перекрестке направо на Хорнсгатан вместо того, чтобы продолжить путь прямо. Ему не составило никакого труда сообразить, почему он так сделал.

Для него уже не существовало личной жизни или свободного времени, он не мог думать ни о чем другом, кроме службы и ответственности, которая на них лежит. Пока убийца на свободе, пока светло, пока есть хоть один парк и пока можно предположить, что в нем будет играть хоть один ребенок, до тех пор остается только одно: искать.

Или, скорее, охотиться. Поскольку полицейский розыск предполагает, что существует какой-то реальный материал, с которым можно работать, а те несколько фактов, которыми они располагали, машина расследования уже давно перемолола в порошок.

Он думал о заключении психологов: убийца — фигура без особых примет и без индивидуальности, и полиция должна схватить его до того, как он снова убьет. Конечно, для этого вам должно будет очень повезти, как выразился один из репортеров на вечерней пресс-конференции. Колльберг знал, что это ложный вывод. Он также знал, что когда они схватят убийцу — а в том, что это произойдет, у него не было ни малейших сомнений — это будет выглядеть так, словно им повезло, и большинство людей подумают, что все произошло случайно. Но случаю нужно помогать, а сеть случайностей, в которую наконец попадется преступник, нужно замаскировать как можно лучше. Именно эта задача возлагалась на него. И на всех полицейских. И больше ни на кого.

Поэтому Колльберг не поехал прямо домой, хотя ему этого очень хотелось, а медленно двигался в западном направлении по Хорнсгатан.

Колльберг, как человек систематический, был убежден в том, что полицейский в своей работе не должен полагаться на случайность. Он, например, был убежден, что Гюнвальд Ларссон допустил серьезную ошибку, когда вломился в квартиру грабителя, хотя дверь была старая и ветхая. А что, если бы дверь при первом ударе устояла? Вышибить дверь — значило

полагаться на случайность, то есть на то, чему он принципиально противился и даже испытывал отвращение. В этом у него иногда случались разногласия и с Мартином Беком.

Он медленно объехал вокруг Марияторгет, внимательно рассматривая группки молодежи в скверике в центре площади и вокруг киосков. Он знал, что именно сюда к торговцам наркотиками ходят школьники и другие молодые люди. Здесь ежедневно тайно продается большое количество гашиша, марихуаны, прелюдина и ЛСД. А покупатели чем дальше, тем моложе. Пройдет немного времени, и они с головой увязнут в этом. Еще и дня не прошло, как он услышал, что разные люди предлагают наркотики десяти-одиннадцатилетним школьникам. А полиция здесь ничего не может поделать, потому что просто-напросто не располагает для этого никакими средствами. А чтобы наверняка приукрасить эту пагубную страсть и добавить тайным торговцам наглости и самоуверенности, мощные средства массовой информации снова и снова трубят об этом. Кроме того, он сомневался, входит ли указанный вопрос в сферу деятельности полиции. Употребление наркотиков молодежью обусловлено катастрофической философией, которую провоцирует система власти. Поэтому общество само должно найти действенные контраргументы. Причем эти контраргументы не должны опираться на самодовольство и растущее количество полицейских.

Об этом размышлял старший криминальный ассистент Леннарт Колльберг, когда сворачивал на Шёльдгатан и проезжал мимо площадки для игры в гольф недалеко от ночлежки. Он остановил автомобиль и вошел в парк Тантолунден по одной из тех дорожек, которые вели на вершину холма.

Начинало смеркаться, и в парке не было ни души. Однако тем не менее на улице, несмотря ни на что, играло много детей, ведь в конце концов нельзя же держать всех детей взаперти только потому, что по городу бродит убийца. Колльберг залез в редкие кусты и встал правой ногой на пень. Перед ним открывался вид на жилой массив за парком, и кроме того, он видел место, где пять дней назад лежала мертвая девочка.

Он не знал, привела его сюда какая-то особая причина или он заехал сюда только потому, что это был самый большой парк в центре города и что это было ему по пути. Вдали он увидел несколько детей постарше, наверняка лет тринадцати-четырнадцати. Он стоял неподвижно, чего-то ожидая. Чего, он не знал; очевидно, того, что дети постепенно будут уходить домой. Он очень устал. Время от времени у него темнело в глазах.

Колльберг был невооружен. Вопреки распространяющемуся бандитскому менталитету и непрерывно растущей жестокости насильственных преступлений, он относился к тем, кто придерживался мнения, что полиция должна полностью разоружиться, и сам носил пистолет лишь в крайних случаях и, как правило, только тогда, когда получал на это прямой приказ.

По высокой железнодорожной насыпи медленно прогрохотал товарный поезд, и только тогда, когда стук колес стал тише и начал исчезать, Колльберг понял, что в кустах он не один.

Он лежал на животе в покрытой росой траве, чувствовал во рту горечь и знал, что кто-то очень сильно ударил его сзади по затылку, явно каким-то орудием.

Человек, напавший на Колльберга, допустил серьезную ошибку. Случалось, что иногда люди допускали такие ошибки и не одному из них это стоило очень дорого.

Кроме того, этот человек, нанося удар, перенес вес тела на одну ногу и еще не восстановил равновесие, а Колльбергу хватило всего лишь двух секунд, чтобы перекатиться на спину и сбить напавшего на землю. Это был прекрасный прием, потому что нападавший грохнулся во весь рост, однако ни о чем другом Колльберг подумать не успел, так как выяснил, что там есть еще один. Другой противник, с изумленным лицом, засунул правую руку в карман, и вид у него стал еще более ошеломленным, когда Колльберг, все еще стоя на коленях, схватил его за руку и быстро скрутил ее.

Это был захват, который легко мог вывихнуть или даже сломать руку, если бы Колльберг посреди приема не остановился и не удовлетворился тем, что швырнул мужчину на спину в кусты.

Мужчина, который ударил его, сидел на земле, кривился и левой рукой осторожно ощупывал правое плечо. Он так быстро упал, что выронил из руки резиновую дубинку. Он был долговяз и выглядел на год-два младше Колльберга. На нем был синий спортивный костюм. Другой медленно выбирался из кустов. Он был немного старше и ниже, в вельветовом пиджаке и спортивных брюках. На обоих были белые парусиновые туфли на резиновой подошве. Они выглядели как спортсмены на празднике.

— Черт возьми, что все это значит? — сказал Колльберг.

— Кто вы такой? — спросил мужчина в спортивном костюме.

— Полиция, — ответил Колльберг.

— Ой, — произнес тот, что пониже.

Он встал и начал отряхивать брюки.

— Ну, в таком случае мы должны попросить у вас прощения, — сказал первый. — Ну и захват у вас. Где вы ему научились?

Колльберг не ответил. Он заметил, что на земле валяется какой-то плоский предмет и, нагнувшись, поднял его. Это был маленький черный автоматический пистолет марки «Астра», изготовленный в Испании. Колльберг взвесил его в руке и подозрительно посмотрел на обоих мужчин.

— Черт возьми, что все это значит? — повторил он.

Тот, что Повыше, гордо выпрямился.

— Мы уже сказали, что просим у вас прощения, — произнес он. — Но вы стояли здесь в кустах и смотрели на детей и… ну, вы ведь понимаете… этот убийца…

— Да? Продолжайте!

— Мы живем там, — сказал тот, что пониже, и махнул рукой в направлении многоэтажных домов за железной дорогой.

— Да?

— У нас точно такие же дети, и мы знаем родителей той девочки, которую убили здесь несколько дней назад.

— Да?

— Ну, мы решили помочь…

— Да?

— Ну, мы организовали такой добровольный отряд для охраны и ходим в парк дежурить.

— Что вы сделали?

— Организовали добровольный отряд…

Колльберг внезапно пришел в еще бóльшую ярость.

— Черт возьми, что вы несете! — взорвался он.

— Послушайте, прекратите орать на нас, — возмущенно сказал старший из них. — Мы вам не какие-нибудь пьянчуги, которых вы могли бы шпынять и мучить у себя в полиции. Мы порядочные люди и понимаем свою ответственность. Мы вынуждены защищать себя и своих детей.

Колльберг повернул голову и внимательно посмотрел на него. Он открыл рот, потому что собирался заорать, но, сделав волевое усилие, взял себя в руки и сказал довольно спокойно:

— Этот пистолет принадлежит вам?

— Да.

— У вас есть разрешение?

— Нет. Я купил его несколько лет назад в Барселоне. Как правило, я держу его дома в запертом ящике стола.

— Как правило?

В парк въехал черно-белый патрульный автомобиль управления полиции округа Мария с включенными фарами. Было уже почти темно. Автомобиль остановился, и из него вышли двое полицейских в униформах.

— Что тут происходит? — спросил один из них.

Тут он узнал Колльберга и повторил чуть изменившимся тоном:

— Что тут происходит?

— Заберите этих двоих, — сказал Колльберг бесцветным голосом.

— Я ни разу в жизни не переступал порог полицейского участка, — запротестовал старший из двух мужчин.

— Я тоже, — присоединился к нему мужчина в спортивном костюме.

— Ну так самое время вам это сделать, — сказал Колльберг.

Он помолчал, посмотрел на обоих полицейских и добавил:

— Я приеду через пару минут.

Повернулся и ушел.

В полицейском участке округа Мария уже стояла длинная очередь пьяных.

— Что мне делать с этими двумя инженерами? — спросил дежурный.

— Обыщи их и посади под замок, — сказал Кольберг. — Я сейчас отвезу их в криминальную полицию.

— У вас за это будут неприятности, — сказал мужчина в спортивном костюме. — Вам известно, кто я такой?

— Нет, — ответил Колльберг.

Он вошел в дежурную комнату, чтобы позвонить, и, набирая номер, с грустью в сердце смотрел на старомодную мебель и оборудование. Когда-то он служил здесь простым патрульным. Ему казалось, что это было страшно давно, но уже тогда это был наихудший округ в городе по количеству пьяных. Теперь же здесь жили главным образом состоятельные люди — в так называемых «капиталистических дотах», уродливых жилых домах с высокой квартирной платой, однако округ по-прежнему надежно занимал почетное третье место по статистике алкоголизма вслед за округами Клара и Катарина.

— Колльберг слушает, — сказала его жена.

— Я немного задерживаюсь, — сказал Колльберг.

— У тебя какой-то странный голос. Что-то не в порядке?

— Да, — сказал он. — Всё.

Он положил трубку и минуту сидел неподвижно. Потом позвонил Мартину Беку.

— Несколько минут назад в парке Тантолунден на меня напали и сбили с ног два вооруженных инженера-строителя, — сказал он. — Они организовали здесь гражданскую милицию.

— Не только они, — заметил Мартин Бек. — Час назад избили какого-то пенсионера в парке в Хагалунде. Я только что узнал об этом.

— Похоже, наши дела все хуже и хуже.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Откуда ты звонишь?

— Из второго. Сижу в дежурке.

— А что ты сделал с этими двумя героями?

— Они внизу, в камере.

— Привези их сюда, ко мне.

— Хорошо.

Колльберг спустился в подвал, к камерам. Некоторые из них уже были полностью заняты. Человек в спортивном костюме стоял и смотрел через решетку. В соседней камере сидел высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, колени он подтянул к подбородку и что-то громко напевал по-английски.

— У нас здесь уже почти как на Диком Западе, — заметил полицейский, дежурящий у камер.

— Что он сделал? — спросил Колльберг.

— Ничего, — ответил мужчина.

— Верно, — сказал полицейский. — Сейчас мы его отпустим. Его притащили ребята из морской полиции. Их было пятеро! Он подшучивал над какими-то моряками в проходной Шепсхольменского порта, и эти болваны задержали его и привезли сюда. Сказали, что якобы не могли найти никакой другой полицейский участок. Мне пришлось посадить его в камеру только для того, чтобы избавиться от них. Впечатление такое, что у них совсем нет работы…

Колльберг подошел к соседней камере.

— Ну вот, теперь вы уже переступили порог полицейского участка, — сказал он мужчине в спортивном костюме. — А через несколько минут увидите, какие условия у нас, в криминальной полиции.

— Я намерен подать на вас жалобу за превышение служебных полномочий.

— Ну вы даете, — сказал Колльберг.

Он вытащил из кармана блокнот.

— Прежде чем мы отправимся в путь, будьте настолько любезны и сообщите мне имена и адреса всех членов вашей организации.

— Это вовсе не организация. Это всего лишь несколько отцов семейств и…

— И вы ходите вооруженные в общественных местах и пытаетесь сбивать с ног полицейских, — сказал Колльберг. — Давайте имена.

Через десять минут он затолкал обоих отцов семейств на заднее сиденье, отвез их на Кунгсхольмсгатан, поднялся с ними лифтом наверх и втолкнул их в кабинет Мартина Бека.

— Об этом вы будете жалеть до самой своей смерти, — сказал старший из мужчин.

— Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не сломал вам руку.

Мартин Бек быстро и испытующе посмотрел на Колльберга и сказал:

— Спасибо, Леннарт. Ты уже можешь ехать домой.

Колльберг ушел.

Мужчина в спортивном костюме сделал глубокий вдох, словно хотел что-то сказать, но Мартин Бек жестом остановил его. Он показал им кивком, чтобы они присаживались, и несколько секунд сидел молча, поставив локти на стол и сжав ладони. Потом сказал:

— То, что вы сделали, безответственно. Такие действия для общества намного опаснее, чем единичный преступник или даже целая банда преступников. Дело в том, что они открывают дорогу менталитету линча и произволу в отношении закона и правосудия. Они выводят из строя механизм защиты общества. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вы говорите как по-писаному, — кисло заметил мужчина в спортивном костюме.

— Совершенно верно, — сказал Мартин Бек. — Дело в том, что это основополагающие вещи. Катехизис. Вы понимаете, что я имею в виду?

Им понадобилось больше часа, чтобы понять, что он имеет в виду.

Когда Колльберг приехал к себе домой на Паландергатан, его жена сидела в постели и вязала. Он не произнес ни слова, разделся, пошел в ванную и принял душ. Потом забрался в постель. Жена отложила вязание в сторону и сказала:

— Что это за ужасная шишка у тебя сзади на голове? Тебя кто-то ударил?

— Приласкай меня, — сказал он.

— Мне мешает живот, сейчас… вот так, иди ко мне, мой маленький. Так кто тебя избил?

— Два болвана-дилетанта, — сказал Колльберг и уснул.

XXII

В понедельник утром за завтраком жена Мартина Бека сказала:

— Что же это получается? Значит, вы не можете схватить этого типа? Но ведь то, что вчера произошло с Леннартом, просто ужасно. Теперь я понимаю, что люди испытывают страх, но если они начнут нападать на полицейских…

Мартин Бек сгорбившись сидел за столом, он был еще в пижаме и халате. Он пытался вспомнить, что ему, собственно, снилось перед тем как он проснулся. Это было что-то неприятное. Связанное с Гюнвальдом Ларссоном. Он погасил первую утреннюю сигарету, посмотрел на свою жену и сказал:

— Они не знали, что он полицейский.

— Не имеет значения, — сказала она. — Это ужасно.

— Да, — согласился он. — Это ужасно.

Она откусила поджаренный ломтик хлеба и хмуро посмотрела на окурок в пепельнице.

— Тебе не следовало бы курить с самого утра, — сказала она. — Это плохо влияет на твое горло.

— Да, — произнес Мартин Бек.

Он уже хотел снова закурить, однако оставил пачку сигарет в покое и подумал: «Инга права. Конечно, это плохо влияет. Я много курю. И трачу на это деньги».

— Ты много куришь, — сказала она. — И тратишь на это деньги.

— Я знаю, — сказал он.

Он подумал о том, сколько раз уже слышал это от нее за шестнадцать лет супружеской жизни. Уже никто не сумеет подсчитать.

— Дети спят? — спросил он, чтобы перевести разговор на какую-нибудь другую тему.

— Да, у них ведь каникулы. Малышка пришла вчера вечером домой ужасно поздно. Мне не нравится, когда она вот так, по вечерам, бегает по улице. В особенности теперь, когда здесь бродит этот сумасшедший. В конце концов она еще ребенок.

— Ей скоро исполнится шестнадцать, — сказал он. — И, насколько мне известно, она была в гостях у подружки в соседнем доме.

— Нильсон, который живет под нами, вчера сказал, что если родители позволяют детям бегать по улицам без присмотра, то они сами во всем будут виноваты. Он говорит, что в обществе существуют меньшинства, например, эксгибиционисты и так далее, которые должны удовлетворять свою агрессивность, и если дети попадут к ним в руки, то в этом будут виноваты родители.

— Кто он такой, этот Нильсон?

— Заместитель директора, который живет под нами.

— У него есть дети?

— Нет.

— Понятно.

— Я тоже сразу же ему это сказала. Что он не знает, что это такое — иметь детей. Когда человек все время беспокоится.

— А зачем ты с ним разговаривала?

— Нужно поддерживать хорошие отношения с соседями. Тебе бы тоже не помешало хоть иногда с ними общаться. Кстати, это очень милые люди.

— Я бы этого не сказал, — заметил Мартин Бек.

Он чувствовал, что медленно, но верно дело идет к ссоре, и быстро допил кофе.

— Мне нужно одеться, — сказал он и встал из-за стола.

Он пошел в спальню и сел на спинку кровати. Инга мыла посуду, и как только он услышал, что в кухне перестала течь вода и приближаются ее шаги, быстро юркнул в ванную и заперся там. Наполнил ванну, разделся и лег в тепловатую воду.

Он лежал неподвижно и расслабленно, с закрытыми глазами, и пытался вспомнить, что ему снилось. Он думал о Гюнвальде Ларссоне. И Колльберг и он недолюбливали Гюнвальда Ларссона, хотя иногда совместно проводили какое-нибудь расследование. Мартин Бек подозревал, что даже Меландер с трудом переносит своего коллегу, хотя по нему это никогда не было видно. Гюнвальд Ларссон обладал редким талантом раздражать Мартина Бека. Даже сейчас, когда последний думал о Гюнвальде Ларссоне, тот действовал ему на нервы, однако в глубине души он чувствовал, что его раздражение относится не к Гюнвальду Ларссону как к человеку, а скорее к тому, что тот говорил или делал. Мартин Бек был убежден, что Гюнвальд Ларссон сказал или сделал что-то важное, нечто такое, что имело отношение к убийствам в парках. Однако ему никак не удавалось вспомнить, что это было, и поэтому он, очевидно, был столь раздражен.

Он предпочел отогнать эту мысль и вылез из ванны.

Так или иначе, мне это только приснилось, думал он, когда брился.

Спустя четверть часа он уже сидел в вагоне метро и ехал в город. Он открыл воскресную газету. На первой странице был портрет убийцы двух детей, каким его нарисовал полицейский художник на основании скудных данных, которыми располагал, — главным образом, показаний Рольфа Эверта Лундгрена. Этим портретом никто не был доволен, а менее всех его автор и Рольф Эверт Лундгрен.

Мартин Бек держал газету прямо перед собой на некотором удалении от глаз и прищурившись смотрел на портрет. Он думал о том, что ему очень хотелось бы знать, насколько в действительности портрет похож на человека, которого они разыскивают. Они показали его также фру Энгстрём; она, правда, сначала утверждала, что он вовсе не похож на ее покойного мужа, однако потом согласилась, что некоторое сходство все же имеется.

Под портретом было напечатано их скверное описание. Мартин Бек пробежал глазами по коротенькому тексту.

Внезапно он оцепенел. По телу прокатилась волна жара. Он затаил дыхание. Он уже знал, что тревожит его с той минуты, как они схватили грабителя, что его раздражает и какое это имеет отношение к Гюнвальду Ларссону. Описание.

Когда Гюнвальд Ларссон подытоживал во время допроса описание, полученное от Лундгрена, он говорил почти дословно то же, что говорил по телефону в присутствии Мартина Бека четырнадцатью днями раньше.

Мартин Бек вспомнил, как он стоял у низкого металлического шкафчика и слушал, как Гюнвальд Ларссон разговаривает по телефону. При этом также присутствовал Меландер.

Всего разговора он не помнил, но ему казалось, что речь вроде бы шла о какой-то женщине, которая хотела обратить их внимание на какого-то мужчину, потому что тот все время стоял на балконе на противоположной стороне улицы. Гюнвальд Ларссон потребовал, чтобы она описала этого мужчину и повторял вслед за ней описание почти теми же словами, как тогда, когда потом допрашивал Лундгрена. И, кроме того, женщина сказала, что этот мужчина смотрит, как на улице играют дети.

Мартин Бек сложил газету и принялся смотреть в окно. Он пытался восстановить в памяти, что в то утро все говорили и делали. Когда эта женщина позвонила, он знал, потому что сразу после этого уехал на Центральный вокзал, чтобы успеть на поезд до Муталы. Это было в пятницу, второго июня, ровно за неделю до убийства в парке Ванадислунден.

Он попытался вспомнить, говорила ли эта женщина, где она живет. Очевидно, говорила, и в этом случае Гюнвальд Ларссон должен был это куда-то записать.

Колеса вагона стучали на стыках, поезд приближался к центру, а Мартин Бек размышлял над этой свежей идеей с быстро убывающим энтузиазмом. Описание было таким отрывистым, что подходило к тысячам людей. То, что Гюнвальд Ларссон в двух различных случаях употребил одни и те же слова, еще не должно означать, что речь идет об одном и том же человеке. То, что кто-то стоит днем и ночью на собственном балконе, еще не должно означать, что это потенциальный убийца.

И все же. Этим стоит заняться.

Мартин Бек, как правило, выходил на станции «Центральный вокзал» и шел на Кунгсхольмсгатан пешком через Кларабергсвиадуктен, однако на этот раз он взял такси.

Гюнвальд Ларссон сидел за письменным столом и пил кофе. Колльберг полусидел на краю стола и ел яблочный пирог. Мартин Бек уселся на место Меландера, посмотрел в упор на Гюнвальда Ларссона и сказал:

— Помнишь женщину, которая звонила в тот день, когда я уезжал в Муталу? Как она заявила, что напротив них, на противоположной стороне улицы на балконе стоит какой-то мужчина?

Колльберг запихнул остаток пирога в рот и с изумлением уставился на Мартина Бека.

— Ага, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Это была какая-то сумасшедшая баба. А что с ней случилось?

— Помнишь, как она описала этого человека?

— Нет, не помню. Как я могу помнить, что мне излагает каждый псих?

Колльберг с большими усилиями наконец проглотил кусок сладкого пирога и произнес:

— О чем это вы говорите?

Мартин Бек махнул ему рукой, чтобы он молчал, и сказал:

— Подумай немного, Гюнвальд. Это может быть очень важно.

Гюнвальд Ларссон подозрительно посмотрел на него.

— Зачем тебе это, а? Ну ладно, подожди, я немного подумаю.

Через минуту он сказал:

— Так, я подумал. Нет, я совсем ничего не помню. По-моему, в нем не было ничего достойного внимания. Наверное, он выглядел обыкновенно.

Он сунул указательный палец в ноздрю и наморщил лоб.

— Может, у него были расстегнуты брюки? Нет, погоди, секундочку… Нет, рубашка! На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом. Да, я уже припоминаю. Эта женщина сказала, что у него светло-синие глаза, а я заметил, что это, должно быть, очень узкая улочка. И знаешь, что она сказала? Что эта улица вовсе не узкая, но она смотрит на него в бинокль. Ну, что скажешь, разве у нее голова в порядке? Она сама типичная эротоманка, и

нам следовало бы изолировать ее, а не его. Что за дурацкая идея — сидеть у окна и глазеть в бинокль на мужчину.

— О чем это вы говорите? — повторил Колльберг.

— Мне бы тоже хотелось это знать, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Почему это вдруг должно быть так важно?

Мартин Бек немного помолчал и потом ответил:

— Я вспомнил этого мужчину на балконе, потому что, когда Гюнвальд повторял вслед за женщиной его описание, он говорил то же самое, что и тогда, когда резюмировал описание субъекта, которого Лундгрен видел в Ванадислундене. Редкие зачесанные назад волосы, большой нос, средний рост, белая рубашка с расстегнутым воротом, коричневые брюки, светло-синие глаза. Разве это не совпадает!

— Возможно, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но я действительно уже не помню. Впрочем, на того типа, которого видел Лундгрен, он действительно похож.

— Ты думаешь, что это мог быть один и тот же человек? — скептически спросил Колльберг. — В этом описании ведь нет ничего примечательного.

Мартин Бек потер подбородок и смущенно посмотрел на Колльберга.

— Конечно, это всего лишь неясное предчувствие, — оказал он. — Кроме того, я понимаю, что тут не за что зацепиться. И все же стоит попытаться найти мужчину.

Колльберг встал и подошел к окну. Он повернулся к нему спиной и скрестил руки.

— Ну, неясное предчувствие… — произнес он.

Мартин Бек перевел взгляд на Гюнвальда Ларссона.

— Ну хорошо, теперь попытайся восстановить в памяти этот телефонный разговор. Что еще говорила та женщина?

Гюнвальд Ларссон развел огромными ручищами.

— Больше ничего. Только то, что хочет заявить, что напротив ее дома стоит на балконе какой-то мужчина. И что он вроде бы какой-то странный.

— Почему он показался ей странным?

— Потому что он все время находится на балконе. Даже ночью. Она сказала, что наблюдает за ним в бинокль. Что он там стоит и смотрит на улицу, как там проезжают автомобили и как играют дети. Потом она разозлилась, потому что я не проявил достаточного интереса. А с чего бы мне проявлять интерес к чему-то такому? Черт возьми, разве люди не имеют права стоять на своем собственном балконе, а соседи из-за этого разве должны сразу же звонить в полицию, а? Черт бы ее побрал, а что, по ее мнению, я должен был делать?

— Где она живет? — спросил Мартин Бек.

— Этого я не знаю, — ответил Гюнвальд Ларссон. — К тому же я вовсе не уверен, что она мне это сказала.

— Как ее звали? — спросил Колльберг.

— Не знаю. Черт возьми, как я могу это знать?

— Разве ты не спросил ее об этом? — сказал Мартин Бек.

— Наверное, спросил. Об этом человек всегда спрашивает, разве не так?

— А ты бы не мог это вспомнить? — сказал Колльберг. — Подумай.

Мартин Бек и Колльберг внимательно наблюдали видимые признаки того, что Гюнвальд Ларссон интенсивно думает. Он нахмурил светлые брови так, что над светло-синими глазами образовался мощный валик. Кроме того, он сильно покраснел и выглядел так, словно его что-то угнетает. Через минуту он произнес:

— Нет, не могу вспомнить. Фру… в общем, фру Икс, Игрек.

— Может, ты записал это куда-нибудь? — спросил Мартин Бек. — Ты ведь всегда все записываешь.

Гюнвальд Ларссон бросил на него яростный взгляд.

— Ага, — сказал он, — но только я не храню свои записи. Да и зачем, ведь ничего не случилось. Просто позвонила какая-то сумасшедшая баба. Почему я должен это помнить?

Колльберг вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Что дальше?

— Когда придет Меландер? — спросил Мартин Бек.

— Думаю, в три. Он дежурил ночью.

— В таком случае позвони ему и попроси, чтобы он пришел немедленно, — сказал Мартин Бек. — Выспаться он сможет когда-нибудь в другой раз.

XXIII

Когда Колльберг позвонил Меландеру, тот действительно спал в своей квартире на углу Нормеларстранд и Полхемсгатан. Он мгновенно оделся, преодолел короткое расстояние до Кунгсхольмсгатан на собственном автомобиле и через четверть часа уже был в кабинете, где все трое ждали его.

Телефонный разговор он помнил, и когда они прослушали конец магнитофонной записи допроса Рольфа Эверта Лундгрена, подтвердил, что версия Мартина Бека относительно описания верна. Потом он попросил принести кофе и медленно, тщательно начал набивать трубку.

Он закурил, удобно откинулся на стуле и сказал:

— Значит, ты думаешь, что здесь может быть какая-то связь?

— Это всего лишь предчувствие, — ответил Мартин Бек. — Мой вклад в конкурс составителей загадок.

— Возможно, в этом что-то есть, — кивнул Меландер. — А что тебе требуется от меня?

— Чтобы ты воспользовался вычислительной машиной, которую тебе поставили вместо мозга, — сказал Колльберг.

— Попытайся вспомнить, что говорил и делал Гюнвальд, когда в тот раз разговаривал по телефону, — сказал Мартин Бек.

— Это было в тот день, когда пришел Леннарт? — спросил Меландер. — Секундочку, в таком случае это было второго июня. Я сидел в соседнем кабинете, а когда пришел Леннарт, я перебрался сюда.

— Совершенно верно, — сказал Мартин Бек. — А я в тот день уехал в Муталу. По пути на вокзал я заскочил сюда, потому что хотел расспросить о том перекупщике.

— Да, о Ларссоне. Он тогда уже умер.

Меландер принял позу, которую Колльберг называл позой мыслителя. Он откинулся на стуле, оперся на спинку, скрестил ноги и вытянул их вперед во всю длину. Мартин Бек, как обычно, стоял, опершись одной рукой на металлический шкафчик.

— Ты помнишь, Гюнвальд записал куда-нибудь ее имя? — спросил Мартин Бек.

— Думаю, что да. Помню, он держал авторучку. Да, наверняка он это записал.

— Ты помнишь, он спрашивал, где она живет?

— Нет, думаю, он не спрашивал об этом. Но, возможно, она еще раньше сказала ему имя и адрес одновременно.

Мартин Бек вопросительно посмотрел на Гюнвальда Ларссона, однако тот только пожал плечами.

— Я точно никакого адреса не помню, — заявил он.

— Потом разговор зашел о каком-то морже, — сказал Меландер.

— Ага, это факт, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Я подумал, что она говорит «морж», что на балконе стоит морж. Она объяснила мне, что речь идет не о морже, а о мужчине, и я, естественно, решил, что этот мужчина стоит у нее на балконе, раз уж она звонит в полицию.

— А потом ты потребовал, чтобы она описала этого мужчину, и я отчетливо помню, как ты что-то записывал, когда повторял вслед за ней то, что она говорила.

— Ну хорошо, — сказал Гюнвальд Ларссон, — но если я что-то записывал, то я записывал вот в этот блокнот, а когда потом оказалось, что тут не понадобится принимать никакие меры, я вырвал этот лист из блокнота и выбросил.

Мартин Бек закурил сигарету, подошел к письменному столу, положил спичку в пепельницу Меландера и вернулся на свое место у шкафчика.

— Да, к сожалению, так оно, вероятно, и было, — сказал он, — Фредрик, продолжай.

— Ты понял, что этот мужчина стоит на своем собственном балконе только тогда, когда она описала его тебе, верно?

— Ага, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — И я подумал, что у этой бабы с головой что-то не в порядке.

— Потом ты у нее спросил, как она может знать, что у этого мужчины светло-синие глаза, если он стоит на балконе на противоположной стороне улицы.

— И она мне на это ответила, что смотрит на него в бинокль.

Меландер с изумлением взглянул на него.

— В бинокль? — переспросил он. — Черт возьми, ничего себе.

— Вот именно. А я ее спросил, беспокоит ли ее каким-то образом этот человек, и она ответила, что нет. Просто он там все время стоит, и это ей вроде бы кажется пугающим. По крайней мере, она так говорила.

— Очевидно, он стоял там и ночью, — сказал Меландер.

— Ага, по крайней мере, она так утверждала.

— А ты ее спросил, куда он смотрит, и она ответила: на улицу. На автомобили и играющих детей. А потом ты ее спросил, не считает ли она, что ты должен послать туда полицейских собак.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на Мартина Бека и раздраженно произнес:

— Ну да, потому что Мартин стоял здесь передо мной и излагал мне какую-то ерунду про собак. Что мне якобы представляется прекрасная возможность послать туда этих моих бестий.

Мартин Бек и Колльберг посмотрели друг на друга, но ничего не сказали.

— Ну, — заключил Меландер, — по-моему, это все. Женщина посчитала, что ты хамишь ей, и положила трубку. А я вернулся к себе в соседний кабинет.

Мартин Бек вздохнул.

— Из этого много не выжмешь. Практически установлено лишь то, что эти два описания совпадают.

— И все равно странно, что кто-то простаивает дни и ночи на балконе, — медленно сказал Колльберг. — Впрочем, это, наверное, пенсионер и ему скучно.

— Да нет, — возразил Гюнвальд Ларссон. — Тут что-то не так. Я припоминаю, как она сказала: «Причем это молодой человек… ему наверняка не больше сорока. И похоже на то, что у него нет другого занятия, кроме как стоять там и глазеть». Именно так она и сказала. Я совершенно забыл об этом.

Мартин Бек убрал руку со шкафчика и сказал:

— В таком случае он подходит под описание Лундгрена. Около сорока. А если она наблюдала за ним в бинокль, то должна была видеть его достаточно отчетливо.

— Она ничего не говорила о том, как долго наблюдает за ним, когда позвонила тебе? — спросил Колльберг.

Гюнвальд Ларссон ненадолго задумался, а потом ответил:

— Ты знаешь, говорила. Что якобы уже наблюдает два месяца, но что он вполне мог стоять там и раньше, а она, наверное, не обращала на это внимания. Сказала, что сначала она подумала, что он хочет что-то сделать. Может быть, прыгнуть с балкона.

— Ты точно помнишь, что никуда не спрятал эти записи? — спросил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон выдвинул ящик письменного стола, вытащил оттуда тонкую пачку бумаги, положил ее перед собой и принялся листать.

— Здесь я записываю сведения о тех делах, которые должен расследовать или составлять о них отчеты. А когда составлю отчет и перепишу его начисто, эти записи выбрасываю, — говорил он, просматривая листочки один за другим.

Меландер подался вперед и выбил трубку.

— Ну да, — сказал он. — У тебя в руке была авторучка, ты еще придвинул к себе блокнот и отодвинул телефонный справочник…

Гюнвальд Ларссон уже закончил просматривать бумаги и положил их обратно в ящик.

— Я точно знаю, что не прятал эти записи, — сказал он. — К сожалению, нет.

Меландер поднял трубку и показал ею на Гюнвальда Ларссона.

— Телефонный справочник, — сказал он.

— Ну, а при чем здесь телефонный справочник? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Перед тобой на столе лежал открытый телефонный справочник. Ты туда ничего не записывал?

— Возможно.

Гюнвальд Ларссон потянулся за своим телефонным справочником и произнес:

— Ну и работенка будет все это перелистать.

Меландер положил трубку и сказал:

— Можешь это не делать. Если ты что-то записал — а я думаю, что так оно и было, — то не записывал это в свой телефонный справочник.

Мартин Бек внезапно ясно представил себе всю ситуацию. Меландер вышел из соседнего кабинета, в руке он держал открытый телефонный справочник, который подал Мартину Беку и показал ему имя перекупщика Арвида Ларссона. А Мартин Бек потом положил справочник на стол.

— Леннарт, — сказал он, — принеси мне из своего кабинета первый том телефонного справочника.

Мартин Бек открыл справочник на странице, где был «ЛАРССОН АРВИД, антиквариат». Здесь никаких пометок не оказалось. Тогда он начал с первой страницы и медленно, тщательно перелистывал справочник. В нескольких местах он нашел разные неразборчивые пометки, сделанные, в основном, отвратительным почерком Меландера, а также несколько записей, сделанных образцовым аккуратным и разборчивым почерком Коль-берга. Все остальные стояли вокруг Мартина Бека и ждали. Гюнвальд Ларссон заглядывал ему через плечо.

Он дошел до тысяча восемьдесят второй страницы, когда Гюнвальд Ларссон сказал:

— Здесь!

Все четверо внимательно смотрели на запись, сделанную на полях.

Единственное слово.

Андерсон.

XXIV

Андерсон.

Гюнвальд Ларссон наклонил голову и смотрел на запись.

— Ну да, это похоже на фамилию Андерсон, — сказал он. — Или Андерсен. Или Андресен. Одному Господу Богу известно. По-моему, это все же Андерсон.

Андерсон.

В Швеции триста девяносто тысяч человек носят фамилию Андерсон. Только в стокгольмском телефонном справочнике десять тысяч двести таких однофамильцев и еще две тысячи в окрестностях города.

Мартин Бек размышлял. Если бы они обратились к общественности через газеты, радио и телевидение, то, возможно, очень легко нашли бы женщину, которая вела столь памятный разговор с Гюнвальдом Ларссоном. Однако это могло бы оказаться и невероятно трудным. Да и в самом деле до сих пор не было ничего простого.

Они обратились к общественности при помощи прессы, радио и телевидения.

Ничего не произошло.

То, что ничего не произошло в воскресенье, было вполне объяснимо.

Однако когда ничего не произошло в понедельник до одиннадцати часов утра, у Мартина Бека появились большие сомнения.

Обходить один дом за другим или звонить по телефону означало, что им пришлось бы послать значительную часть своих людей по следу, который в конце концов вполне может оказаться ложным. Но, возможно, удастся каким-то образом сузить область поиска? Широкая улица. Это должно быть где-то в центре.

— Да, это возможно, — сказал Колльберг.

— Естественно, может быть, что это и не так, но…

— Но что? Тебе что-нибудь подсказывает твоя интуиция?

Мартин Бек измученно посмотрел на Колльберга, выпрямился и сказал:

— Билет в метро, купленный на станции «Родмансгатан».

— Который с убийством или убийствами может вообще не иметь ничего общего, — произнес Колльберг.

— Он продан на станции «Родмансгатан», и его использовали для поездки только в одну сторону, — упрямо сказал Мартин Бек. — Он был в кармане убийцы потому, что тот хотел воспользоваться им на обратном нуги. Он доехал с Родмансгатан до Марияторгет или до Цинкенсдамма, а оттуда дошел до парка Тантолунден пешком.

— Сплошные догадки, — сказал Колльберг.

— Убийце нужно было как-то подкупить малыша, который был с девочкой, чтобы избавиться от него. А у него не оказалось при себе ничего, кроме этого билета.

— Догадки.

— Но логически тут все совпадает.

— Кое-как.

— Кроме того, первое убийство было совершено в Ванадислундене. А это все в одном районе. Ванадислунден, Родмансгатан, округ Ваза, верхняя часть Нормальма.

— Все это ты уже говорил, — сухо заметил Колльберг. — Это всего лишь догадки и больше ничего.

— Теория вероятности.

— Конечно, если это можно так назвать.

— Я должен разыскать эту фру Андерсон, — сказал Мартин Бек, — и мы не можем сидеть, сложа руки, и ждать, когда она сама объявится. Наверное, у нее нет телевизора, и она не читает газеты. Но телефон у нее должен быть.

— В самом деле?

— Несомненно. По такому делу не звонят из телефона-автомата или, например, из ресторана. Кроме того, это звучало так, словно она смотрела на мужчину, стоящего на балконе, когда звонила сюда.

— Хорошо, готов согласиться, что в этом ты прав.

— А если мы будем обходить один дом за другим или обзванивать все номера, один за другим, нам придется где-то начать, и мы должны ограничиться определенным районом. Потому что для того, чтобы навещать каждого, у кого фамилия Андерсон, у нас просто не хватит людей.

Колльберг минуту сидел молча. Потом сказал:

— А что, если мы пока что забудем об этой фру Андерсон и вместо этого еще раз подумаем о том, что нам, собственно, известно об убийце.

— У нас имеется кое-какое его описание.

— Кое-какое, это верно. К тому же еще неизвестно, действительно ли Лундгрен видел убийцу.

— Мы знаем, что он мужчина.

— Да. Что мы еще знаем?

— Что его нет в картотеке отдела полиции нравов.

— Да. Если у них нет в этом своего интереса или они что-нибудь упустили. Это было бы уже не впервые.

— Мы знаем, когда приблизительно были совершены убийства. В Ванадислундене сразу после семи часов вечера, а в Тантолундене между двумя и тремя часами дня. Это означает, что в то время он отсутствовал на работе.

— И что же из этого следует?

Мартин Бек ничего не сказал. Колльберг сам ответил на свой вопрос:

— Что он безработный, или у него отпуск, или он на больничном, или он здесь в гостях, или у него сменный график работы, или он пенсионер, или бродяга… короче говоря, из этого вообще ничего не следует.

— Ты прав, — сказал Мартин Бек. — Но мы представляем себе, как он ведет себя.

— Ты имеешь в виду заключение психологов?

— Да.

— Это тоже сплошные догадки, но…

Колльберг замолчал и продолжил после краткой паузы:

— Но я вынужден признать, что Меландер на основании всей этой болтовни сделал вполне разумные выводы.

— Это верно.

— Ну что ж, если речь идет о женщине, которая сюда звонила, то мы должны попытаться найти ее. И если уж мы должны — это ты сказал исключительно верно — где-то начать и если уж у нас в руках сплошные догадки, то мы должны спокойно исходить из того, что ты, вероятно, прав. Где ты собираешься начать?

— Начнем в пятом и девятом округах, — сказал Мартин Бек. — Несколько человек отправим обходить дома и расспрашивать всех Андерсонов, а несколько человек будут сидеть у телефонов и обзванивать их. Попросим весь персонал округов отнестись к этому делу с максимальным вниманием. Особенно на широких улицах с балконами, Оденгатан, Карлсбергсгатан, Тегнергатан, Свеавеген и так далее.

— Хорошо, — кивнул Колльберг.

Они приступили к работе.

Это был кошмарный понедельник. Звонили люди, которые считали, что они что-то знают; сумасшедшие, которые во что бы то ни стало хотели признаться, и шутники, которые звонили просто так, чтобы позабавиться. А все городские парки кишели тайными агентами, если, конечно, эта сотня человек вообще могла кишеть, и ко всему этому прибавился еще розыск некой женщины по фамилии Андерсон.

И тут вдруг позвонил Хансон из пятого округа.

— Ты что, снова нашел какой-нибудь труп? — спросил Мартин Бек.

— Да нет, но я немного опасаюсь за того Эриксона, за которым мы должны были следить. За того эксгибициониста, которым вы там у себя недавно занимались.

— А что с ним?

— Он со среды не высовывает нос из квартиры. Причем притащил с собой много выпивки, главным образом, вермута. Обошел несколько магазинов, прежде чем ему удалось все это купить.

— А потом?

— Иногда он появлялся у окна, и ребята говорили, что он выглядел, как привидение. Но со вчерашнего утра он уже вообще не появлялся.

— Вы ему стучали?

— Конечно. Он не открывает.

Мартин Бек уже почти забыл об этом человеке. Теперь он снова увидел перед собой его бегающий несчастный взгляд и трясущиеся исхудалые руки. Он почувствовал, как у него пошел мороз по коже.

— Вы должны туда проникнуть.

— Как?

— Это я оставляю на твое усмотрение.

Он положил трубку и остался сидеть, закрыв лицо ладонями. Нет, думал он, только не это, в придачу ко всем прочим несчастьям.

Через полчаса снова позвонил Хансон.

— Он пустил газ.

— Ну?

— Его повезли в больницу. Живого.

Мартин Бек вздохнул. С облегчением, как обычно говорят.

— Но все висело на волоске, — добавил Хансон. — Он тщательно подготовился, заткнул все щели и даже затолкал что-то в замочную скважину на входной и кухонной дверях.

— Он выживет?

— Конечно, как обычно. У него кончились монеты для автомата, подающего газ. Но если бы он пролежал там еще несколько минут, то…

Хансон не закончил фразу.

— Он что-нибудь написал?

— Ага. «Я больше уже не могу выдержать». На полях старого порнографического журнала. Я уже сообщил в противоалкогольный отдел.

— Это следовало сделать немного раньше.

— Зачем, он ведь нормально работал, — сказал Хансон и через несколько секунд добавил: — До того как вы его задержали.

Оставалось еще несколько часов до конца этого отвратительного понедельника. Около одиннадцати Колльберг и Мартин Бек ушли домой. Гюнвальд Ларссон тоже. Меландер остался. Все знали, что он ненавидит ночное дежурство и одна лишь мысль о том, что ему придется обойтись без его десяти часов сна, была для него хуже кошмара. Меландер, однако, не сказал ни слова и выглядел стоически, как всегда.

Ничего вообще не произошло. Полиция побеседовали со множеством женщин по фамилии Андерсон, однако ни одна из них не вела тот знаменитый телефонный разговор.

Никаких других трупов также не обнаружили, а все дети, которые потерялись в течение дня, в конце концов объявились.

Мартин Бек пошел пешком до Фридхемсплан и поехал домой в метро.

Вот и еще один день позади. Уже прошло больше недели со времени последнего случая. Или только очередного случая.

Он чувствовал себя как тонущий человек, которому только что удалось нащупать какую-то опору, но который знает, что это всего лишь отсрочка. Что через несколько часов начнется прилив.

XXV

Было раннее утро, вторник, двадцатое июня, и в дежурной комнате девятого округа еще царило спокойствие. Полицейский Квист сидел за столом, курил и читал газету. Это был молодой человек со светлыми усами и бородой. Из-за перегородки в углу доносились голоса, время от времени прерываемые стуком пишущей машинки. Зазвонил телефон. Квист поднял голову над газетой и увидел, как Гранлунд, сидящий за стеклянной перегородкой, берет трубку.

Дверь у Квиста за спиной открылась, и вошел Родин. Он остановился у двери и надел портупею. Родин был старше Квиста и по возрасту, и по званию. Квист год назад закончил полицейскую школу, и в девятый округ его направили совсем недавно.

Родин подошел к столу и взял фуражку. Похлопал Квиста по плечу.

— Так, пойдем, — сказал он. — Еще один обход, а потом будем завтракать.

Они вышли из ворот и зашагали по Сурбрунгатан в направлении Свеавеген. Они шли медленно, рядом, одинаковым широким шагом, заложив руки за спину.

— Послушай, что велел Гранлунд сделать с этой фру Андерсон, когда мы ее найдем? — спросил Квист.

— Ничего. Спросить ее, звонила ли она второго июня в криминальную полицию и говорила ли она что-то о каком-то типе на балконе, — ответил Родин.

Они перешли Тулегатан, и Квист посмотрел вправо, в направлении Ванадислундена.

— Ты был там, когда произошло это убийство? — спросил он.

— Ага, — ответил Родин. — А ты нет?

— Нет, у меня был отгул, — сказал Квист.

Они дошли до Свеавеген.

У киоска на углу, прямо перед государственным винным магазином уже толкались несколько пьяниц. Один грозил кулаком и пытался снова и снова ударить другого, но был настолько пьян, что не мог как следует попасть в цель. Другой казался чуть более трезвым и придерживал противника на некотором расстоянии, упираясь ему ладонью в грудь. Буян что-

то бессвязно выкрикивал и не переставал размахивать руками. Наконец у менее пьяного лопнуло терпение, он толкнул скандалиста и повалил его на землю.

Родин вздохнул.

— Придется взять его с собой, — сказал он и направился через проезжую часть на противоположную сторону улицы. — Я его знаю, с ним вечно возникают затруднения.

— Которого? — спросил Квист.

— Того, что лежит на земле, — ответил Родин. — Другой в порядке.

Полицейские поставили мужчину на ноги. Ему было около шестидесяти, одна кожа да кости, наверняка он весил не более пятидесяти килограммов. Недалеко от них сразу начали останавливаться прохожие из разряда добропорядочных граждан и глазеть на них.

— Привет, Йохансон, как сегодня дела? — поинтересовался Родин.

Йохансон свесил голову на грудь и сделал слабую попытку отряхнуть пиджак.

— Пре-пре-прекрасно, — залепетал он. — Я з-з-здесь с приятелем поговорил. Так, по-дружески, герр полицейский.

Приятель явно приободрился и заявил:

— Оскар в порядке. С ним все нормально.

— Ну, и что же дальше? — добродушно проворчал Родин.

Он показал приятелю жестом, чтобы тот исчез, и тот с невероятным облегчением отступил за пределы досягаемости руки закона.

Родин и Квист крепко взяли пьяного каждый со своей стороны и потащили его к стоянке такси в нескольких метрах от места происшествия.

Таксист видел, как они приближаются, вышел из машины и открыл им заднюю дверцу. Очевидно, он был из числа обходительных.

— Ну вот, Йохансон, теперь ты с комфортом поедешь в автомобильчике, — сказал Родин. — А потом пойдешь баиньки.

Йохансон уже не сопротивлялся, он влез в машину, упал на заднее сиденье и мгновенно уснул. Родин толкнул его в угол и через плечо сказал Квисту:

— Я отвезу его, встретимся в участке. Купи по пути какие-нибудь булочки.

Квист кивнул, и, когда такси уехало, направился дальше. Прошел немного по Свеавеген и заметил старомодную вывеску с надписью «Булочная». Взглянул на часы и решил, что вполне может сделать покупку здесь и вернуться в участок на завтрак.

Когда он открыл дверь в магазин, над головой у него зазвенел колокольчик. У прилавка стояла пожилая женщина в клетчатом домашнем халате и разговаривала с продавщицей.

— А бедняжка старый Пальм из восемьдесят первого тоже уже умер, — сказала толстая женщина в домашнем халате.

— Вы знаете, для него это было почти освобождение, — тараторила продавщица. — Он был уже старый и немощный.

Продавщица была пожилая, седовласая, в белом халате. Она посмотрела на Квиста и быстро запихала покупку в сетку покупательницы.

— Хорошо, фру Андерсон, — сказала она. — А сладкого вы сегодня не возьмете?

Покупательница взяла сетку и засопела.

— Нет, сладкого сегодня мне не хочется. Запишите за мной, как обычно. Ну, до свидания.

Она направилась к выходу, Квист подскочил к двери и открыл ее.

— До свидания, голубушка, — сказала продавщица.

Голубушка протиснулась в дверь и кивком поблагодарила Квиста.

Он улыбнулся, так как ему показалось смешным, что кто-то может такую толстую женщину называть голубушкой, и уже закрывал за ней дверь, как вдруг ему пришла в голову одна мысль. Продавщица вытаращила глаза, когда он, не говоря ни слова, выскочил на улицу и захлопнул за собой дверь.

Женщину в клетчатом домашнем халате он догнал, когда она уже входила в дом по соседству с булочной. Он быстро отдал честь и сказал:

— Вы фру Андерсон, да?

— Да.

Он взял у нее сетку и придержал ей дверь. Когда дверь закрылась за ними, он сказал:

— Не сердитесь, что я вас спрашиваю, но вы случайно не звонили в пятницу второго июня утром в криминальную полицию?

— Второго июня? Да, я звонила в полицию, возможно, это было именно второго июня.

— А почему вы туда звонили? — спросил Квист.

Он не мог скрыть некоторого волнения, и женщина по фамилии Андерсон удивленно посмотрела на него.

— Я разговаривала с каким-то детективом или как они там называются. С таким грубым человеком, его совершенно не интересовало то, что я хотела ему сказать. Я всего лишь хотела кое о чем заявить. Этот человек стоял там, на балконе, и…

— Можно мне подняться с вами наверх и позвонить от вас? — спросил Квист и быстро направился впереди нее к лифту. — Я все объясню вам по дороге, — сказал он.

XXVI

Мартин Бек положил трубку и позвал Колльберга. Застегнул пиджак, сунул в карман пачку сигарет и спички и взглянул на часы. Без пяти десять. Колльберг появился в дверях.

— Что это ты здесь расшумелся? — спросил он.

— Ее нашли. Эту фру Андерсон. Только что звонил Гранлунд из девятого. Она живет на Свеавеген.

Колльберг метнулся в соседний кабинет, схватил пиджак и еще воевал с ним, когда снова появился в дверях.

— Свеавеген, — задумчиво произнес он и посмотрел на Мартина Бека. — Как ее нашли? Это были ребята, которые обходили дома?

— Нет, кто-то из девятки столкнулся с ней в булочной, он вошел туда, чтобы купить булочки к завтраку.

На лестнице Колльберг сказал:

— Это случайно не Гранлунд говорил, что нужно отменить перерыв для завтрака? Теперь он, наверное, больше так говорить не будет.

Фру Андерсон критически смотрела сквозь щелочку в приоткрытой двери.

— Я разговаривала с кем-то из вас, когда звонила в то утро? — спросила она.

— Нет-нет, — торопливо и очень любезно ответил Мартин Бек, — вы разговаривали со старшим криминальным ассистентом Ларссоном.

Фру Андерсон закрыла дверь, сняла цепочку, снова открыла дверь и взмахом руки пригласила их в темную прихожую.

— Старший или не старший, — заявила она, — но это был хам. Я уже говорила это тому молодому полицейскому, который поднялся со мной наверх. Думаю, полиции следует быть благодарной, если человек тревожится и сообщает о чем-то подобном. В конце концов, кто

знает, сказала я ему, если люди не станут сообщать вам о таких вещах, вам, возможно, нечем будет заниматься. Ну ладно, проходите, господа, сейчас я сварю кофе.

Колльберг и Мартин Бек вошли в гостиную. Хотя квартира находилась на третьем этаже с окнами на улицу, она оказалась довольно темной. Комната была большая, но вся загромождена старомодной мебелью. Одна створка окна была приотворена, другая наполовину закрыта какой-то зеленью в горшках. Занавески были кремовые, искусно собранные в сборки.

Перед коричневым плюшевым диваном стоял круглый столик из красного дерева, на нем были кофейные чашечки и тарелочки для сладкого. У стола стояли два кресла с высокими спинками, покрытые чехлами.

Фру Андерсон вернулась из кухни с фарфоровым кофейником в руке. Она налила кофе в чашки и села. Диван тревожно заскрипел под ее немалым весом.

— Да, без кофе разговор не клеится, — весело сказала она. — Так что вы мне скажете, с этим человеком напротив что-то случилось?

Мартин Бек начал что-то говорить, но в этот момент его заглушила сирена скорой помощи, проехавшей под окнами. Колльберг встал и закрыл окно.

— Вы не читаете газеты, фру Андерсон? — спросил Мартин Бек.

— Почему же? Но когда я уезжаю за город, то никогда не читаю газеты. А я вернулась только вчера вечером. Возьмите еще булочку. Они свежие. Внизу в булочной у них всегда свежая выпечка. Там-то я и встретилась с этим любезным молодым полицейским, хотя, скажу вам, не понимаю, откуда он мог знать, что это именно я звонила в полицию. Да, это была именно я, и это действительно было второго июня, в пятницу, я хорошо это помню, потому что моего деверя зовут Рутгер и я была у них, потому что у него был день рождения, и рассказывала им об этом невежливом ассистенте или как он там называется. Это могло быть приблизительно через час после того, как я звонила.

Она замолчала, потому что ей потребовалось перевести дыхание. Мартин Бек воспользовался этим и быстро сказал:

— Вы не могли бы показать нам этот балкон, фру Андерсон?

Колльберг уже стоял у окна. Женщина закряхтела и с трудом поднялась с дивана.

— Третий снизу, — сказала она и показала пальцем. — Возле того окна, на котором нет занавесок.

Они посмотрели туда. Квартира была, очевидно, с двумя окнами на улицу, одним побольше, ближе к балкону, и одним поменьше.

— Вы видели этого человека когда-нибудь в последнее время, фру Андерсон? — спросил Мартин Бек.

— Нет, это уже было давно. Правда, я была в субботу и воскресенье за городом, но я не видела его уже несколько дней, еще до того как уехала.

Колльберг заметил бинокль между двумя цветочными горшками. Он поднял его к глазам и направил на дом на противоположной стороне улицы. Окна и балконная дверь были закрыты. Стекло отражало дневной свет, так что не было видно, что скрывается в темных комнатах за окнами.

— Этот бинокль мне дал Рутгер, — сказала женщина. — Это морской бинокль. Дело в том, что Рутгер плавал на море. Обычно я смотрю на этого мужчину именно в этот бинокль. Если вы откроете окно, то будет лучше видно. Не подумайте, что я какая-то любопытная, но видите ли, мне в апреле прооперировали ногу и тогда-то я его и заметила. Я имею в виду, этого человека на балконе. После операции. Мне прооперировали вены, и я не могла ходить, у меня были такие ужасные боли, что я даже не могла нормально спать. Поэтому я бо́льшую часть времени сидела у окна и смотрела на улицу. Я подумала, что это какой-то странный

человек, если у него нет другого занятия, кроме как стоять на балконе и глазеть. Бр-р, в нем было что-то пугающее.

Женщина непрерывно говорила. Мартин Бек тем временем вытащил из кармана портрет, нарисованный на основании показаний грабителя, и показал ей.

— Ну… в целом, похоже, — сказала она. — Но это не очень хороший рисунок, по крайней мере, мне так кажется. И все же немного похоже.

— Вы не помните, когда видели его последний раз? — спросил Колльберг и передал бинокль Мартину Беку.

— Нет. Но наверняка это было несколько дней назад. Даже больше недели. Погодите, думаю, я видела его последний раз, когда мы делали уборку в квартире. Подождите, я сейчас посмотрю.

Она открыла секретер и вытащила оттуда календарь.

— Так, секундочку, — сказала она. — Это было в пятницу, на прошлой неделе, верно. Мы мыли окна. И утром он там еще стоял, а вечером и на следующий день его уже не было. Да, верно. С тех пор я его не видела, я точно это знаю.

Мартин Бек опустил бинокль и посмотрел на Колльберга. Им не требовался календарь для того, чтобы вспомнить, что произошло в прошлую пятницу.

— Так значит, девятого, — сказал Колльберг.

— Совершенно верно. Выпьете еще кофе?

— Нет, большое спасибо, — сказал Мартин Бек.

— Ну хоть самую капельку.

— Нет, действительно нет, большое спасибо.

Однако она уже снова налила в чашки кофе и тяжело опустилась на диван. Колльберг присел на краешек кресла и быстро запихнул в рот целую булочку с миндалем.

— Он всегда был один — этот человек? — спросил Мартин Бек.

— Да. По крайней мере я никогда больше никого не видела. Иногда мне даже было его немного жаль. В квартире всегда темно, а если он не стоит на балконе, то просиживает у окна в кухне. Это, наверное, когда идет дождь. И я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь приходил к нему в гости. Да вы сидите, сидите и, если это не тайна, скажите, что с ним случилось. Вот видите, вам ведь помогло то, что я позвонила.

Мартин Бек и Колльберг уже допили кофе и стояли перед ней.

— Большое вам спасибо, фру Андерсон, вы в самом деле очень любезны. До свидания, до свидания, нет, нет, не нужно провожать, мы сами найдем выход.

И они быстро исчезли в прихожей.

Когда они вышли из дома, Колльберг направился в сторону пешеходного перехода метрах в тридцати, но Мартин Бек схватил его за рукав, и они оба перебежали на противоположную сторону улицы, прямо к дому напротив.

XXVII

Мартин Бек взобрался на третий этаж пешком, Колльберг поднялся лифтом. Они встретились перед дверью и внимательно осмотрели ее. Обыкновенная коричневая деревянная дверь, открывающаяся наружу. Патентованный замок, латунный щиток на щели для писем и газет, тусклая белая табличка с черными буквами «И. Франсон». В квартире было тихо и спокойно. Колльберг приложил правое ухо к двери и прислушался. Потом опустился на правое колено на каменный пол, осторожно, на несколько сантиметров, приподнял щиток низко расположенной щели для писем и снова прислушался. Потом так же неслышно, как и поднял, опустил щиток. Поднялся и покачал головой.

Мартин Бек пожал плечами, вытянул правую руку и позвонил. Ничего. Звонок, очевидно, не работал. Он тихо постучал в дверь костяшками пальцев. Никакого результата. Колльберг заколотил в дверь кулаком. Ничего не произошло.

Самостоятельно дверь они открывать не стали. Спустились на пол-этажа и тихими голосами обменялись несколькими фразами. Потом Колльберг ушел уладить необходимые формальности и вызвать специалиста. Мартин Бек остался стоять на лестнице и пристально смотрел на дверь.

Не прошло и четверти часа, как Колльберг вернулся вместе со специалистом. Тот со знанием дела осмотрел дверь, встал на колени и засунул в почтовую щель какое-то длинное уродливое устройство. Дверь была только на защелке, и в течение всего лишь тридцати секунд ему удалось ухватиться изнутри за ручку, повернуть ее и приоткрыть дверь на несколько сантиметров. Мартин Бек отодвинул его в сторону, просунул в щель указательный палец левой руки и потянул дверь. Несмазанные петли заскрипели.

Перед ними была прихожая с двумя открытыми дверями. Левая дверь вела в кухню, а правая — в комнату, очевидно, единственную. За входной дверью лежала куча почты, главным образом, газет, рекламных листовок и брошюрок. Дверь в туалет находилась слева, у самой входной двери.

Не было слышно ничего, кроме шума транспорта, доносящегося со Свеавеген

Мартин Бек и Колльберг осторожно переступили через кучу почты на полу и заглянули в кухню. В ее дальнем конце у окна, выходящего на улицу, стоял кухонный уголок.

Колльберг приоткрыл дверь в туалет, а Мартин Бек вошел в комнату. Прямо перед ним находилась балконная дверь, а справа наискосок у себя за спиной он обнаружил еще одну дверь. Оказалось, что это дверь встроенного гардероба. Колльберг сказал несколько слов специалисту по замкам, закрыл дверь в коридор и вошел в комнату.

— Очевидно, его нет дома, — сказал он.

— Вижу, — сказал Мартин Бек.

Они принялись систематически, но очень осторожно, чтобы ничего зря не задеть, осматривать квартиру.

Окна, одно в комнате и одно в кухне, выходили на улицу и были закрыты. Балконная дверь тоже. Воздух в квартире был спертый, чувствовалось, что ее давно не проветривали.

Квартиру никак нельзя было назвать разоренной или запущенной, но тем не менее она была какой-то блеклой и очень плохо обставленной. Здесь было всего три предмета мебели, незастланная постель с обтрепанным красным стеганым одеялом, очень грязной простыней и пододеяльником, столик у изголовья и низкий комод у стены. На полу лежал линолеум, однако ковер на полу, а также занавески на окнах отсутствовали. На столике, который, очевидно, использовали в качестве ночной тумбочки, были коробок спичек, тарелка и один номер газеты, издающейся в крае Смоланд. По тому, как она была сложена, было видно, что ее кто-то читал. На тарелке лежало немного сигаретного пепла, семь обгоревших спичек и несколько маленьких шариков из смятой сигаретной бумаги.

Колльберг осмотрел предметы на столике и сказал:

— Очевидно, он сохраняет окурки, а потом докуривает их в трубке.

Мартин Бек кивнул.

На балкон они не стали выходить, лишь посмотрели туда через запертую дверь. Балкон был с решетчатым металлическим ограждением с перегородками из гофрированного оцинкованного железа по бокам. Там стоял убогий, когда-то лакированный садовый столик и складной стул, потертый и выцветший.

В гардеробе висели довольно приличный темно-синий костюм, потрепанное зимнее пальто и единственные коричневые вельветовые брюки. На полке лежали меховая

барашковая шапка и шерстяной шарф. На полу стояли один черный полуботинок и пара совершенно стоптанных коричневых ботинок, приблизительно сорокового размера.

— Маленькие ноги, — сказал Колльберг. — Любопытно, куда подевался второй полуботинок.

Вскоре они обнаружили его в шкафчике для тряпок и веников. Им показалось, что он чем-то измазан, однако там было плохо видно, а трогать его они не хотели и поэтому удовлетворились тем, что около минуты с задумчивым видом смотрели в шкафчик.

В кухне тоже было много интересного. На газовой плите лежал большой коробок спичек и стояла кастрюля с остатками какой-то еды. Она была похожа на полностью засохшую и протухшую кашу из овсяных хлопьев. На столе стоял эмалированный кофейник и грязная чашка с тонким слоем гущи на дне. Сухой, как трут. Кроме того, здесь была еще одна глубокая тарелка и жестяная банка с молотым кофе. У другой стены стоял холодильник и два шкафчика с раздвижными дверцами. Они все открывали. В холодильнике обнаружили начатую пачку маргарина, два яйца и кусок колбасы, такой старой, что кожура была полностью покрыта плесенью.

Один шкафчик служил, очевидно, буфетом, а другой использовали в качестве кладовки. Там были кое-какие тарелки, горшочки, стаканы, подносы, соль, полхлеба, пакет кускового сахара и пакет овсяных хлопьев. В выдвижном ящике лежал кухонный нож и несколько разнокалиберных столовых приборов.

Колльберг притронулся к хлебу. Твердый, как камень.

— Его уже долго не было дома, — сказал он.

— Да, — сказал Мартин Бек.

Под кухонным столом была сковородка и несколько кастрюль, а под раковиной — пакет для мусора. Он был почти пуст.

У окна находился раздвижной стол и две табуретки. На столе стояли две бутылки емкостью 0,7 литра и грязный стакан. Бутылки были из-под обычного вермута и в одной еще немного оставалось на дне.

На подоконнике и столешнице лежал слой жирной грязи, очевидно, пыль и выхлопные газы с улицы. Окна, правда, были закрыты, однако грязь проникала сюда сквозь щели.

Колльберг вошел в туалет и осмотрел его, потом вернулся и покачал головой:

— Ничего.

В верхних ящиках комода валялось несколько рубашек, свитер, носки, нижнее белье и два галстука. Все выглядело чистым, но поношенным. В нижнем ящике лежало грязное белье и воинская книжка.

Они открыли ее и прочли: 2521—7—46 ФРАНСОН Ингемунд Рудольф, род. Векшё, окр. Кроноберг, 5.12.1926. Подсобн. рабоч. в садоводстве. Вестергат. 22, Мальмё.

Мартин Бек пролистал книжку. Она кое-что говорила о том, что делал Ингемунд Рудольф Франсон до 1947 года. Он родился в Смоланде сорок один год назад. В 1946 году был подсобным рабочим в садоводстве и жил на Вестергатан в Мальмё. В тот же год призывная комиссия зачислила его в четвертый разряд. Это означало, что он был годен для вспомогательных работ. Он прослужил двенадцать месяцев в зенитном полку в Мальмё. Кто-то с неразборчивой подписью при демобилизации из армии дал ему характеристику X—5—5, то есть ниже среднего. Римская цифра на первом месте означала воинское поведение и свидетельствовала о том, что он не совершил ни одного дисциплинарного проступка. Две пятерки означали, что как солдат он никакими особыми талантами не блистал, даже в составе вспомогательных сил. Офицер с неразборчивой подписью вписал в соответствующую графу «кух. пом.». Это, очевидно, означало, что воинскую службу он отсидел, чистя картошку на кухне.

Однако столь быстрое и беглое изучение биографии не позволило выяснить, чем Ингемунд Франсон занимается в настоящее время, а также то, что он делал последние двадцать лет.

— Почта, — сказал Колльберг и пошел в прихожую.

Мартин Бек кивнул, подошел к постели и осмотрел ее. Простыня была измятая и грязная, подушка тоже измята. Однако тем не менее постель выглядела так, словно в ней несколько дней никто не лежал.

Колльберг вернулся в комнату.

— Одни газеты и реклама, — сказал он. — Какая дата на этой газете, на стуле?

Мартин Бек повернул голову, прищурился и сказал:

— Четверг, восьмое июня.

— Эта газета провинциальная и выходит на день позже. С субботы, десятого числа, он не притрагивался к почте. С того дня, когда было совершено убийство в Ванадислундене.

— Однако в понедельник он, очевидно, был дома.

— Да, — сказал Колльберг и добавил: — Но с того времени вряд ли.

Мартин Бек вытянул вперед правую руку, взялся большим и указательным пальцами за уголок подушки и приподнял ее.

Под ней лежали две пары детских трусиков.

Они казались очень маленькими.

Тихо и неподвижно Мартин Бек и Колльберг стояли в затхлой комнате со скудной обстановкой и слышали грохот городского транспорта снаружи и свое собственное дыхание. Около двадцати секунд. Потом Мартин Бек сказал, быстро и бесстрастно:

— Что ж, все ясно. Квартиру нужно опечатать. Сюда никто не должен входить. И нужно немедленно направить сюда специалистов из технического отдела.

— Жаль, что здесь нет ни одной фотографии, — сказал Колльберг.

Мартин Бек думал о мертвеце в заброшенном, предназначенном под снос доме на Вестмангатан, которого до сих пор не удалось опознать. Это могло бы сойтись, хотя вероятность была мала. Даже ничтожна.

О мужчине по имени Ингемунд Франсон они по-прежнему знали очень мало.

Спустя три часа, в два часа дня, во вторник, двадцатого июня, они знали о нем уже намного больше.

Среди прочего и то, что мертвый мужчина с Вестмангатан не Ингемунд Франсон. Это подтвердили несколько свидетелей.

Наконец-то у полиции было за что зацепиться, и прекрасно смазанная машина расследования принялась с неумолимой производительностью раскручивать отдельные нити, которые им предоставило прошлое Ингемунда Франсона. За это время они уже связались почти с сотней человек: соседями, работодателями, социальными служащими, врачами, военными, пасторами, специалистами из противоалкогольного отдела и многими другими.

Ингемунд Франсон переселился в Мальмё в 1943 году и получил место в управлении городских садов и парков. Он переехал, очевидно, потому, что у него умерли родители. Его отец был рабочим в Векшё и умер весной того года, мать умерла еще за пять лет до этого. Других родственников он не имел. Закончив военную службу, Франсон переехал в Стокгольм. В квартире на Свеавеген жил с 1948 года и до 1956 года работал подсобным рабочим в садоводстве. Потом работать перестал: вначале лечащий врач отправил его на больничный, потом его обследовали несколько психиатров из отдела социальной опеки и через два

месяца ему назначили пенсию по инвалидности в связи с невозможностью работать. Официальное заключение звучало таинственно: «Психически непригоден к физическому труду».

Врачи, которые его обследовали, сказали, что способности у него были выше среднего уровня, однако он страдал каким-то хроническим отвращением к труду, в результате чего был просто не в состоянии ходить на работу. Попытки изменить профессию оказались неудачными. Когда ему предстояло приступить к работе на фабрике, он сумел четыре недели каждое утро доходить до ворот, но не смог заставить себя войти внутрь. Такая недостаточная пригодность к труду, по мнению психиатров, явление довольно редкое, но все же известное. Франсон вовсе не был психически больным и явно не нуждался в надзоре. Он обладал вполне нормальным умом и не страдал никакими явными физическими недугами (военный врач освободил его от строевой службы из-за плоскостопия). Однако это был ярко выраженный отшельник, он не испытывал ни малейшей потребности в контактах с людьми, у него не было никаких друзей и никаких интересов, кроме того, что врачи назвали «слабый интерес к своему месту рождения в крае Смоланд». Он был спокойный и тихий, очень экономный, не пил, и его можно было считать аккуратным человеком, несмотря на то, что он совершенно не заботился о своем внешнем виде. Курил. Сексуальных отклонений не зафиксировано, однако врач полагал, что у Франсона ненормально низко развит половой инстинкт. Он страдал агорафобией.

Источником большей части этой информации были обследования врачей в пятьдесят седьмом и пятьдесят восьмом годах. С тех пор ни у одного учреждения не было причин заниматься Франсоном, разве что поверхностно, для проформы. Он вел спокойную и незаметную жизнь пенсионера-инвалида. С начала пятидесятых годов выписывал смоландскую краевую газету.

— А что такое агорафобия? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Боязнь пространства, открытой площади или толпы, — ответил Меландер.

В штаб-квартире розыска было полно народу. Об усталости все забыли. У всех родилась надежда, что дело быстро разрешится.

На улице немного похолодало. Начался дождь.

Информация шла потоком, как по телетайпу. У них до сих пор не было ни одной фотографии, однако теперь имелось прекрасное описание, дополненное к тому же подробностями, которые они получили от врачей, соседей, бывших коллег и продавцов магазинов, куда он ходил за покупками.

Франсон был ростом метр семьдесят четыре сантиметра, весил около семидесяти пяти килограммов и действительно носил ботинки сорокового размера.

Соседи сообщили, что он человек неразговорчивый, но порядочный и приветливый, говорит на смоландском диалекте и с каждым вежливо здоровается. Вызывает доверие. Восемь дней его уже никто не видел.

Тем временем техники выяснили все, что вообще можно было выяснить в квартире на Свеавеген. С уверенностью можно было сказать, что Франсон имеет какое-то отношение к обоим убийствам. На черном полуботинке в шкафчике с тряпками и вениками действительно обнаружили кровь.

— Значит, он десять лет сидел, вжавшись в угол, и выжидал, — сказал Колльберг.

— А теперь у него щелкнуло в башке, и он бегает по городу и убивает маленьких девочек, — добавил Гюнвальд Ларссон.

Зазвонил телефон. Трубку взял Рённ.

Мартин Бек ходил по кабинету, грыз сустав пальца и говорил:

— Теперь об этом человеке мы знаем практически все, что нужно знать. У нас есть все, кроме фотографии. Но и она скоро у нас будет. Мы не знаем только одного: где он находится в данный момент.

— Я знаю, где он находился пятнадцать минут назад, — сказал Рённ. — В парке Святого Эрика лежит мертвый ребенок.

XXVIII

Парк Святого Эрика один из самых маленьких парков в городе и такой незначительный, что большинство стокгольмцев о нем не знают. Туда ходит очень мало народу, и еще меньшему количеству людей вообще пришло бы в голову присматривать за ним.

Парк находится в Нормальме и образует какое-то неестественное окончание протяженной Вестмангатан. Это небольшой холмик, поросший деревьями; там имеется несколько дорожек и крутых лесенок, выходящих в окрестные улицы. Бóльшую часть холма к тому же занимает школа, летом она, конечно, закрыта.

Трупик лежал в северо-западной части парка, у самого подножья холма, на самом виду, и являлся доказательством того, что убийства будут чем дальше, тем более жестокими. Мужчина по имени Ингемунд Франсон на этот раз действовал в очень большой спешке.

И самое плохое, ко всему прочему, было то, что девочку нашла ее собственная мать. Девочку звали Сольвейг, и она была старше предыдущих жертв, ей уже исполнилось одиннадцать. Она жила на Даннеморагатан, не более чем в пяти минутах ходьбы от того места, где было совершено преступление и, судя по всему, вообще не должна была оказаться в парке в это время. Она вышла из дому только для того, чтобы купить шоколадку в киоске на углу Даннеморагатан и Нор-Сташенсгатан, то есть у северо-восточного конца парка, но не в самом парке. Для этого ей должно было понадобиться не более десяти минут, и к тому же родители запретили ей играть в парке, хотя она и так якобы никогда туда не ходила. Уже когда она отсутствовала четверть часа, мать выбежала из дому и принялась ее искать. Она не вышла вместе с девочкой потому, что дома была еще одна дочь полутора лет, и мать не могла отойти от нее. Мертвую дочь она нашла почти сразу же; упала в обморок и ее уже увезли в больницу.

Они стояли под моросящим дождем, смотрели на мертвого ребенка и чувствовали, что в этой смерти виноваты больше убийцы, настолько она потрясла их и настолько была ужасно глупой. Трусики они не могли найти нигде, шоколадку тоже. Возможно, Ингемунд Франсон проголодался и взял ее, потому что хотел есть.

В том, что это дело его рук, не было ни малейших сомнений. Для полной уверенности даже нашелся свидетель, который видел, как он разговаривал с девочкой. Но они разговаривали так доверительно, что свидетель был уверен, что это папа с дочкой и что они вышли на прогулку. Ингемунд Франсон ведь был приветливым и порядочным человеком и с первого взгляда вызывал доверие. На нем был бежевый вельветовый пиджак, коричневые брюки, белая рубашка с расстегнутым воротом и черные полуботинки.

Исчезнувшие трусики были голубого цвета.

— Он должен быть где-то неподалеку, — сказал Колльберг.

Под ними на Санкт-Эриксгатан и Нор-Сташенсгатан грохотали и гремели плотные потоки автомобилей и трамваев. Мартин Бек посмотрел на обширную территорию товарной станции и спокойно сказал:

— Осмотрите каждый вагон, каждый склад, каждый чердак в округе. Сейчас. Немедленно.

Потом он повернулся и ушел. Было три часа дня, вторник, двадцатое июня. Шел дождь.

XXIX

Облава началась во вторник около пяти часов дня. В полночь она была еще в полном разгаре, а в ранние утренние часы проводилась с еще бóльшим размахом.

Каждый, кого можно было хотя бы ненадолго подключить к розыску, был на ногах, все собаки старались взять след, все автомобили до последнего находились в движении. Вначале охота сосредоточилась в Нормальме, но быстро распространилась до самых окраин.

Стокгольм — это город, где летом спят на улице тысячи людей. И это не только бродяги, наркоманы и алкоголики, но также множество туристов, которым не достался номер в гостинице, и почти столько же бездомных, вполне трудоспособных и в целом порядочных людей, которым, однако, негде жить, потому что в результате ошибочного планирования просто-напросто не хватает квартир. Они спят на скамейках в парках, на старых газетах, расстеленных на земле; под мостами, на набережных и во дворах. Наверняка не меньше их скрывается в домах, предназначенных под снос, недостроенных новых домах, бомбоубежищах, гаражах, железнодорожных вагонах, на лестницах, чердаках и в мастерских. Или на лодках, катерах и в старых ржавеющих автомобилях. Многие из них бродят по станциям метро и по Центральному вокзалу или пробираются на спортивные площадки и стадионы, а наиболее пронырливые проникают в подземные инженерные коммуникации с путаницей коридоров и самых разнообразных туннелей.

В эту ночь полицейские в штатском и униформе трясли тысячи людей, будили их и заставляли вставать, светили им фонариками в заспанные лица и требовали от них удостоверения личности. Многим «повезло», и полиция беспокоила их несколько раз — четыре, пять и даже шесть. Они передвигались с места на место, и их снова догоняли другие полицейские, такие же усталые, как и они сами.

На улицах было спокойно. Даже проститутки и торговцы наркотиками не осмеливались высунуть нос. Очевидно, они не поняли, что на этот раз у полиции меньше времени, чтобы заниматься ими, чем когда бы то ни было.

В среду около семи часов утра облава начала постепенно ослабевать. Невыспавшиеся, с кругами под глазами, одни полицейские, спотыкаясь, брели домой, чтобы поспать пару часов, другие валились, словно их били по лбу, на деревянные скамейки и диваны в дежурках и других помещениях разных полицейских участков.

В эту ночь в самых разных удивительных местах нашли множество людей, однако никого из них не звали Ингемунд Рудольф Франсон.

В семь часов они добрались до управления полиции на Кунгсхольмсгатан. Они уже так устали, что почти ничего не чувствовали и ничего не замечали. Скорее казалось, что у них открылось второе дыхание.

Колльберг стоял перед большим планом города.

— Рабочий в садоводстве, — сказал он. — Работал в городском управлении парков. Проработал восемь лет в городских парках и за это время наверняка все их изучил. И до этой минуты еще не покинул центр города. Остается на территории, которая ему знакома.

— Только на это и можно надеяться, — сказал Мартин Бек.

— Но одно совершенно точно. Сегодня ночью он не спал ни в одном из парков, — сказал Колльберг. — По крайней мере, не в Стокгольме.

Он надолго замолчал, а потом задумчиво сказал:

— Если только ему чертовски не повезло.

— Вот именно, — сказал Мартин Бек. — В городе имеются громадные территории, которые ночью просто невозможно как следует проконтролировать. Юргорден, заповедник, Лиль-Янскоген… Я уж не говорю об окрестностях.

— Наккский заповедник, — кивнул Колльберг.

— И кладбища, — сказал Мартин Бек.

— Да, верно, кладбища, — сказал Колльберг. — Их, правда, закрывают на ночь, но…

Мартин Бек взглянул на часы.

— Сейчас нам нужно знать одно: что этот человек делает днем.

— В том-то и дело. — Колльберг развел руками. — Наверное, совершенно спокойно ходит по городу.

— Сегодня мы должны его взять, — сказал Мартин Бек. — Другой возможности нет.

— Да, — сказал Колльберг.

Психологов уже подняли на ноги, и они пришли к мнению, что Ингемунд Франсон якобы не проявляет сознательного стремления скрываться. Он, очевидно, находится в таком состоянии, что вообще ничего не осознает и действует — тоже подсознательно — умно, ведомый рефлекторным инстинктом самосохранения.

— Большая наука, — сказал Колльберг.

Через минуту прибыл Гюнвальд Ларссон. Он работал самостоятельно и по своей собственной методике.

— Знаете, сколько я наездил со вчерашнего дня? — сказал он. — Триста сорок километров. По этому чертову городу. Причем медленно. У меня такое ощущение, что я чем-то смахиваю на привидение.

— Это твое личное мнение, — сказал Колльберг.

У Меландера тоже было свое личное мнение.

— Меня во всем этом тревожит систематичность, — сказал он. — Он совершает убийство и сразу же еще одно. Потом наступает восьмидневная пауза и следующее убийство. А теперь…

У каждого было свое личное мнение.

Общественность билась в истерике, она жила в паническом ужасе, а полиция смертельно устала.

Утреннее совещание в среду было полно оптимизма и спокойствия. Внешне, на первый взгляд. И, при этом, все испытывали одинаковый внутренний страх.

— Нам нужно больше людей, — сказал Хаммар. — Привлечем из края все подразделения, какие будет возможно. Многие из них вызываются участвовать в поисках добровольно.

И особенно патрули в штатском, к этому они все время возвращались. Полицейские в штатском во всех опасных местах; все, у кого есть дома старый комбинезон или спортивный костюм, призываются на службу в кусты.

— А по улицам должно ходить много патрулей в униформе, — сказал Мартин Бек. — Для того, чтобы успокоить общественность и вселить в людей чувство безопасности.

Он подумал о том, что только что сказал, и его охватило горькое чувство безнадежности и бессилия.

— Нужно, чтобы предъявляли документы при покупке алкоголя в государственных винных магазинах, — сказал Хаммар.

Идея была хорошая, если не считать того, что она ничего не давала.

Похоже было на то, что ничто ничего не давало. Среда ползла час за часом, как улитка. Получили около десяти тревожных сообщений, однако ни одно из них не выглядело многообещающим, и в конце концов все они оказались ложными.

Наступил вечер, наступила прохладная ночь, и облава продолжилась.

Никто не спал. Гюнвальд Ларссон проехал еще триста километров, по сорок шесть эре за километр.

— Даже собаки уже в состоянии грогги, — заявил он, вернувшись. — У них не осталось сил, чтобы укусить какого-нибудь полицейского.

Уже наступило утро четверга, двадцать второго июня. Похоже, день будет жарким, но ветреным.

— Так я поеду в Скансен и буду стоять там, переодевшись майским деревом[5] — сказал Гюнвальд Ларссон.

Никто даже не сделал попытки ответить ему. Мартину Беку было плохо, у него разболелся желудок. Когда он попытался поднести бумажный стаканчик ко рту, у него так затряслась рука, что он выплеснул кофе Меландеру на промокательную бумагу. А Меландер, всегда такой даже чересчур щепетильный, очевидно, этого даже не заметил.

Меландер вообще был исключительно серьезен. Он никак не мог отбросить мысль о временнóм графике. Временнóй график говорил о том, что с минуты на минуту снова должно что-то произойти.

В два часа дня наконец-то наступило освобождение. Оно пришло в форме телефонного разговора. Трубку взял Рённ.

— Где? В Юргордене?

Он прикрыл микрофон ладонью, посмотрел на остальных и сказал:

— Он в Юргордене. Его видели там несколько человек.

— Если нам повезет, он еще будет в Южном Юргордене и мы наверняка его возьмем, — сказал Колльберг в автомобиле. Они мчались в направлении Эстермальма. Меландер и Рённ в другом автомобиле следовали за ними.

Южный Юргорден — это остров, и на него можно попасть по одному из двух мостов через Юргорденский залив или через Юргорденский судоходный канал, если, конечно, не плыть на пароме или на лодке. На той трети острова, которая ближе к центру города, находятся музей, увеселительное заведение «Грёналундстиволи», летний ресторан, пристань для яхт, стокгольмский Скансен, зоопарк и маленький поселок, который называют Юргорденский Старый Город. Кроме того, на острове имеются ухоженные парки, а также дикорастущие заповедные территории. Строения старые, но поддерживаются в хорошем состоянии. Здесь есть растрескавшиеся небольшие замки, величественные дворцовые особняки и маленькие домики восемнадцатого века; все это посреди прекрасных парков.

Меландер с Рённом свернули к Юргордсброн, а Колльберг с Мартином Беком проехали через центр города и направились к дальнему мосту. На стоянке перед рестораном у моста стояли несколько полицейских автомобилей.

Радиопатруль уже перекрыл мост через судоходный канал, и на противоположной стороне они увидели еще один полицейский автомобиль, который медленна ехал в направлении Манильской лечебницы.

У моста собралась небольшая толпа. Когда Мартин Бек с Колльбергом приблизились, из толпы выбрался пожилой мужчина и подошел к ним.

— Вы, наверное, полицейские комиссары? — сказал он.

Они остановились, и Мартин Бек кивнул.

— Моя фамилия Нюберг, — продолжил мужчина. — Это я обнаружил убийцу и позвонил в полицию.

— Где вы его обнаружили? — спросил Мартин Бек.

— За Грёндалем. Он стоял на дороге и смотрел на дом. Я сразу же узнал его по портрету и описанию в газете. Сначала я не знал, что должен делать, может, мне стоило бы попытаться самостоятельно задержать его, но когда я подошел поближе, то услышал, что он

разговаривает сам с собой. Это было так странно, что я подумал, не может ли он быть опасен, поэтому осторожно ушел и из ресторана позвонил в полицию.

— Он разговаривал сам с собой? — сказал Колльберг. — Вы слышали, что он говорил?

— Он что-то говорил о том, что он больной. Выражался очень странно, но в принципе речь шла об этом. То есть о том, что он болен. Позвонив в полицию, я вернулся туда, но его уже не было. Тогда я подошел к мосту и караулил, пока не приехала полиция.

Мартин Бек и Колльберг подошли к мосту и обменялись несколькими словами с радиопатрулем.

Несколько свидетелей видели мужчину между судоходным каналом и лечебницей, а свидетель из Грёндаля, очевидно, видел его последним. Полиция уже начала осматривать район, а подкрепление было в пути. Весь район удалось перекрыть очень быстро, и можно было надеяться, что мужчина все еще находится на острове. С той минуты, когда свидетель видел его в Грёндале, по мосту не проехал ни один автобус. Все дороги в город были перекрыты, а до того, как полиция их перекрыла, он не мог уйти дальше Скансена или Старого Города. Конечно, они не особенно надеялись застигнуть его врасплох, ведь он уже давно наверняка заметил, что всюду полно полицейских.

Мартин Бек и Колльберг вернулись к автомобилю и переехали через мост. За ними следовали два патрульных автомобиля, которые только что прибыли. Они остановились на дороге между мостом и лечебницей и оттуда начали организовывать всю охоту.

Через четверть часа на острове уже собрался весь личный состав стокгольмской полиции, которым можно было располагать, и район между Скансеном и мысом Блокхус прочесывали со всех сторон сотни полицейских.

Мартин Бек сидел в автомобиле и корректировал облаву по рации. Поисковые группы имели рации, а по всем дорогам на острове непрерывно ездили автомобильные радиопатрули. Множеству ни в чем не повинных пешеходов пришлось предъявить документы и лишь потом уйти с острова. Все автомобили, направляющиеся в город, вынуждены были останавливаться у полицейских заграждений и подвергаться досмотру.

В парке перед Розендальским замком какой-то юноша бросился бежать, когда полицейский потребовал, чтобы он предъявил удостоверение личности, и так перепугался, что попал прямо в объятия к двух другим полицейским. Он отказался сказать, кто он такой и почему пытался сбежать. При поверхностном личном обыске у него в кармане пиджака обнаружили заряженный парабеллум калибра девять миллиметров и немедленно увезли юношу в летний участок округа Эстермальм у «Грёналундстиволи».

— Так нам удастся взять всех уголовников во всем Стокгольме, но только не того типа, которого мы ищем, — заметил Колльберг.

— Он прячется где-то здесь, — сказал Мартин Бек. — И на этот раз он от нас не уйдет.

— У меня такой уверенности нет, — произнес Колльберг. — Мы не можем держать весь район закрытым так долго, как нам заблагорассудится. А если он выбрался за пределы Скансена…

— Он не мог отсюда выбраться. Будь у него автомобиль, возможно, но это вряд ли.

— Почему? Он преспокойно мог украсть автомобиль, — возразил Колльберг.

В рации захрипело и раздался чей-то голос. Мартин Бек нажал на кнопку и отозвался.

— На связи автомобиль девяносто семь, девять семь, Мы нашли его. Приезжайте сюда.

— Где вы? — спросил Мартин Бек.

— Возле Епископского мыса. Напротив яхт-клуба.

— Мы едем, — сказал Мартин Бек.

До Епископского мыса они доехали за три минуты. Там стояли три патрульных автомобиля и один патрульный мотоцикл, а на дороге были другие полицейские в униформах и в штатском. Мужчина стоял между автомобилями, в окружении патрульных. Патрульный мотоциклист в кожаной куртке держал его за руку, завернутую за спину.

Мужчина был худощавый, чуть ниже Мартина Бека. У него был большой нос, синие глаза, зачесанные назад волосы песочного цвета, редкие на темени. На нем были коричневые брюки, белая рубашка с расстегнутым воротом и темно-коричневый пиджак. Когда Мартин Бек и Колльберг подошли к нему, он сказал:

— Послушайте, что все это значит?

— Как вас зовут? — спросил Мартин Бек.

— Фристедт. Вильгельм Фристедт.

— Вы можете показать удостоверение личности?

— Нет, я забыл водительские права, они у меня в другом пиджаке.

— Где вы были последние четырнадцать дней? — спросил Мартин Бек.

— Нигде. То есть дома. На Бондегатан. Я был болен.

— Дома, естественно, вы были один, да?

Это спросил Колльберг. Он говорил саркастическим тоном.

— Да, — сказал мужчина.

— Ваша фамилия Франсон, да? — дружеским тоном спросил Мартин Бек.

— Нет. Моя фамилия Фристедт, — ответил мужчина. — Неужели вы должны так выкручивать мне руку? Мне больно.

Мартин Бек кивнул полицейскому в кожаной куртке.

— Хорошо. Садитесь в автомобиль.

Они с Колльбергом отошли в сторонку, и Мартин Бек спросил:

— Как по-твоему? Это он?

Колльберг почесал в волосах.

— Не знаю. У него вполне нормальный и приличный вид. Что-то тут не так. Но по описанию он похож, да и удостоверение личности предъявить не может. Нет, не знаю.

Мартин Бек подошел к автомобилю и открыл заднюю дверцу.

— Что вы делаете в Юргордене? — спросил он.

— Ничего. Пришел погулять. Что все это значит?

— И удостоверение личности вы предъявить не можете?

— К сожалению, нет.

— Где вы живете?

— На Бондегатан. А почему вы меня расспрашиваете?

— Что вы делали во вторник?

— Позавчера? Я был дома. Я болел. Сегодня я впервые за четырнадцать дней вышел на улицу.

— Кто может это подтвердить? — сказал Мартин Бек. — У вас был кто-нибудь, когда вы болели?

— Нет, Я был один.

Мартин Бек забарабанил пальцами по крыше автомобиля и посмотрел на Колльберга. Колльберг открыл дверцу с противоположной стороны, заглянул в автомобиль и сказал:

— Можно поинтересоваться, что вы говорили около получаса назад в Грёндале?

— Простите?

— Сегодня вы стояли в Грёндале и что-то говорили.

— Ах да, — сказал мужчина.

Он улыбнулся и продекламировал:

— «Я, как больная березка, что сохнет уже с юных лет. Подстилаю листья, когда ветер ликует, он лишь крону мою соблазняет». Вы это имели я виду?

Полицейский в кожаной куртке, открыв рот, глазел на мужчину.

— Фрёдинг[6], — сказал Колльберг.

— Да, — кивнул мужчина. — Он умер в Грёндале. Он вовсе не был старый, но страдал психическим заболеванием.

— Кто вы по профессии? — спросил Мартин Бек.

— Я мясник, — ответил мужчина.

Мартин Бек выпрямился и посмотрел поверх крыши автомобиля на Колльберга. Тот пожал плечами. Мартин Бек закурил и сделал глубокую затяжку. Потом наклонился и снова посмотрел на мужчину.

— Ну хорошо, — сказал он. — Начнем с самого начала. Как вас зовут?

Солнце раскалило крышу автомобиля. Мужчина на заднем сиденье вытер пот со лба и сказал:

— Вильгельм Фристедт.

XXX

Мартина Бека со стороны можно было принять за неотесанного провинциала, который с легкостью позволит себя одурачить, а Колльберга — за убийцу-эротомана. Рённу можно было приклеить фальшивые усы и бороду и внушить кому-нибудь, что это Дед Мороз; какой-нибудь путающийся свидетель мог бы даже утверждать, что Гюнвальд Ларссон — негр. Несомненно, можно было бы переодеть полицейского начальника дорожным рабочим, а шефа государственной полиции — пнем. Очевидно, даже удалось бы внушить кому-нибудь, что министр внутренних дел — самый обыкновенный патрульный. Так же как японцы во время второй мировой войны или как какие-нибудь одержимые фотографы, человек мог бы замаскироваться под куст и утверждать, что его никто не узнает. Людям можно внушать практически все, что угодно.

Однако ничто на всем белом свете не смогло бы никого заставить спутать с чем-то или с кем-то Кристианссона и Кванта.

Кристианссон и Квант были в фуражках, кожаных куртках с золотистыми пуговицами и в портупеях, а на поясе у них болтались пистолет и дубинка. Они были одеты чуточку теплее, чем нужно, однако как только температура опускалась ниже двадцати градусов[7], им сразу становилось холодно.

Оба являлись уроженцами провинции Сконе на юге Швеции.

У обоих был рост метр восемьдесят шесть сантиметров и голубые глаза. Оба были широкоплечие и светловолосые и весили больше девяноста килограммов. Они ехали в черном «плимуте» с белыми крыльями. Автомобиль был оборудован фароискателем, а на крыше установлена предупредительная оранжевая мигалка и два красных фонаря. Кроме того, в четырех разных местах автомобиля было написано большими печатными буквами слово «ПОЛИЦИЯ» — на обеих передних дверцах, на капоте и на багажнике.

Кристианссон и Квант были экипажем патрульного радиофицированного автомобиля.

До того, как поступить в полицию, оба служили сержантами-сверхсрочниками в сконском пехотном полку в Юстаде.

Оба были женаты и у каждого было двое детей.

Они давно работали вместе и знали друг друга так хорошо, как только могут знать друг друга двое мужчин в полицейском патрульном автомобиле. По службе они перемещались одновременно и в любой другой компании, кроме своей собственной, чувствовали себя не в своей тарелке.

И тем не менее, оба они были совершенно разными и оба действовали друг другу на нервы. Кристианссон был тихий флегматик, а Квант — демонстративный скандалист. Кристианссон никогда не говорил о своей жене, Квант же не говорил почти ни о чем, кроме как о своей жене. Кристианссон уже знал о ней все, не только то, что она говорит или делает, но также был подробно информирован о всех самых интимных особенностях ее поведения и о каждом родимом пятнышке на ее теле.

Все сходились во мнении, что они прекрасно дополняют друг друга.

Они уже задержали множество воришек, увезли тысячи пьянчужек и уладили сотни домашних скандалов, причем Квант сам спровоцировал достаточное количество скандалов, так как исходил из убеждения, что люди каждый раз начинают скандалить, когда выясняется, что перед ними, в их собственной прихожей, стоят два полицейских.

Никаких эпохальных поступков они никогда не совершали и в газеты тоже никогда не попадали. Однажды, еще во время службы в Мальмё, они отвезли в муниципальную больницу пьяного журналиста, порезавшего себе руку. Спустя полгода этого человека убили. Больше уже к славе им приближаться не удавалось.

Точно так же, как для некоторых людей второй дом — вытрезвитель на Арсеналсгатан, у Кристианссона и Кванта второй дом был в их патрульном радиофицированном автомобиле, в неопределенной атмосфере пьянства и затхлой интимности.

Кое-кому они казались высокомерными, потому что говорили на южном диалекте провинции Сконе, а они, в свою очередь, злились, когда некоторые индивидуумы, совершенно не чувствующие мягкости и достоинств этого диалекта, пытались их поддразнивать.

Впрочем, Кристианссон и Квант не относились к стокгольмской городской полиции. Они служили радиопатрульными в пригородном округе Сольна и об убийствах в парках знали только то, что прочли в газетах и услышали по радио.

Около половины третьего в четверг, двадцать второго июня, они находились перед замком Карлберг, и им оставалось еще чуть больше двадцати минут до окончания службы.

Кристианссон сидел за рулем. Минуту назад он развернулся на старом плацу перед высшим военным училищем и теперь ехал по Карлбергстранд обратно в Сольну.

— Останови, — сказал Квант.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть на этот корабль.

Через минуту Кристианссон зевнул и сказал:

— Ну что, уже насмотрелся?

— Ага.

Они медленно поехали дальше.

— Этого убийцу из парка они уже почти взяли, — сказал Кристианссон. — Его обложили в Юргордене.

— Я тоже это слышал, — сказал Квант.

— Хорошо, что дети еще в деревне, у нас в Сконе.

— Ага, — сказал Квант.

Они проехали мимо Карлбергсброн и уже находились в нескольких десятках метров от границы стокгольмского городского округа. Если бы убийцу не обложили в Юргордене,

Кристианссон, очевидно, повернул бы направо и осмотрел то, что осталось от Ингентинского парка после того, как там построили несколько многоэтажных домов. Однако теперь для этого не было никаких причин, и, кроме того, он совершенно не испытывал желания вторично за этот день видеть государственную полицейскую школу, мимо которой ему пришлось бы проехать. Поэтому он продолжил путь в западном направлении вдоль извилистого побережья.

Они проехали мимо мыса, и Квант с плохо скрываемым отвращением хмуро глядел на молодежь, стоящую возле ресторана, и автомобили на стоянке.

— Не мешало бы остановиться и немножечко поглядеть на зубки у этих развалин, — заметил он.

— Лучше предоставим это транспортникам, — сказал Кристианссон. — У нас остается всего пятнадцать минут.

Несколько секунд они сидели молча.

— Хорошо, что взяли этого извращенца, — сказал Кристианссон.

— Ты можешь сказать что-нибудь такое, чего я не слышал уже по меньшей мере раз двадцать? — сказал Квант.

— Вряд ли.

— Сегодня Сив была такая злая, — сказал Квант. — Я говорил тебе о той опухоли, которая, как она утверждала, выросла у нее на левой груди? Как она подумала, что это рак?

— Говорил.

— Да, так вот, я говорил…

— Да. Ты уже говорил.

Они доехали до конца Карлбергстранд, но вместо того, чтобы повернуть на новое шоссе, ведущее к Сундбюбергвеген, что было бы кратчайшим путем к управлению полиции, Кристианссон поехал дальше по Хювюдста-Алле, где уже почти никто не ходит и не ездит.

Позднее многие люди спрашивали его, почему он поехал именно этим путем, однако он не сумел ответить на этот вопрос. Он просто поехал именно так, и все. Квант на это вообще не отреагировал. Он уже слишком долго служил в радиопатруле, чтобы задавать бессмысленные вопросы.

Они проехали мимо замка Хювюдста.

Замок так себе, подумал Кристианссон, наверное, уже в пятисотый раз. У нас в Сконе большие замки. С крепостными стенами. Вслух он сказал:

— Можешь одолжить мне десятку?

Квант кивнул. Кристианссон страдал хронической нехваткой финансов.

Они медленно ехали дальше. Справа от них возвышались новые многоэтажные дома, слева между шоссе и озером Ульфсунда тянулась узенькая, но густая полоска леса.

— Останови.

— Зачем?

— Мне нужно выйти на минутку.

— Да ведь мы уже почти дома.

— Я не могу терпеть, — сказал Квант.

Кристианссон свернул влево и медленно въехал на просеку. Квант вышел, обогнул автомобиль и направился к низким кустам. Он смотрел сквозь кустарник. Потом повернул голову и увидел в каких-нибудь пяти метрах от себя мужчину, который, очевидно, находился там с той же целью, что и он.

— Пардон, — сказал Квант и тактично отвернулся.

Он привел в порядок одежду и вернулся к автомобилю. Кристианссон открыл дверцу и смотрел наружу.

В двух метрах от автомобиля Квант внезапно остановился и сказал:

— Но ведь он… там сзади сидит…

Одновременно Кристианссон сказал:

— Послушай, а этот мужчина…

Квант развернулся и пошел к мужчине в кустах.

Кристианссон медленно вылез из автомобиля.

На мужчине был бежевый вельветовый пиджак, грязная белая рубашка, измятые коричневые брюки и черные полуботинки. Он был среднего роста, с редкими зачесанными назад волосами и большим носом. Одежду он еще не успел привести в порядок.

Когда Квант был уже в двух метрах от него, мужчина поднял левый локоть, прикрыл им лицо и сказал:

— Не бейте меня.

Квант вздрогнул.

— Что?

Да, верно, еще сегодня утром его собственная жена сказала ему, что он зверь и что это видно по нему за сто шагов, однако это было уже чересчур. Он взял себя в руки и сказал:

— Что вы здесь делаете?

— Ничего, — ответил мужчина.

Он стыдливо и неуверенно улыбнулся. Квант посмотрел, в каком состоянии у него одежда.

— Можете предъявить документы?

— Да, у меня здесь в кармане справка о пенсии по инвалидности.

К ним подошел Кристианссон. Мужчина посмотрел на него и сказал:

— Не бейте меня.

— Вас зовут Ингемунд Франсон? — спросил Кристианссон.

— Да, — сказал мужчина.

— Думаю, будет лучше, если вы пойдете с нами, — сказал Квант и взял его за локоть.

Мужчина охотно позволил довести себя до автомобиля.

— Садитесь назад, — приказал Кристианссон.

— И застегните брюки, — сказал Квант.

Мужчина на мгновение заколебался. Потом улыбнулся и послушался. Квант влез в автомобиль вслед за ним и сел рядом на заднем сиденье.

— Ну, давайте документы, — сказал он.

Мужчина засунул руку в задний карман и вытащил оттуда листок бумаги. Квант пробежал листок глазами и передал его Кристианссону.

— Ага, верно, — произнес Кристианссон.

Квант недоверчиво посмотрел на мужчину и медленно выдавил из себя:

— Ну да, это он.

Кристианссон обошел автомобиль, открыл другую дверцу и начал обыскивать у мужчины карманы пиджака.

Теперь, когда мужчина был так близко, Кристианссон видел, что у него впалые щеки, а на подбородке многодневная седоватая щетина.

— Ну вот, — сказал Кристианссон и вытащил у него что-то из нагрудного кармана пиджака. Это были голубые детские трусики.

— Ага, — сказал Квант. — Теперь уже все ясно, да?

— Еще бы, — сказал Кристианссон.

— Я взял у нее шоколадку, — произнес мужчина по имени Ингемунд Франсон. — Но зато одному мальчику я дал билет в метро. Действительный. По нему можно было еще ездить.

Больше ничего Кристианссон в карманах не нашел. Квант захлопнул дверцу.

— Шоколадку! — разъяренно заорал он на мужчину. — Билет в метро! Ты убил троих детей!

— Да, — сказал мужчина.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Я был вынужден, — сказал он.

Кристианссон все еще стоял возле автомобиля.

— Как вы приманивали к себе детей? — спросил он.

— Я умею обращаться с детьми. Им всегда нравится со мной. Показываю им что-нибудь, букетик и так далее…

Кристианссон ненадолго задумался и потом спросил:

— Где вы спали сегодня ночью?

— На Северном кладбище, — ответил мужчина. — В колумбарии.

— Вы все время спали там? — спросил Квант.

— Иногда. Еще и на других кладбищах. Уже точно не помню.

— А днем? — спросил Кристианссон. — Где вы были днем?

— В разных местах… в основном, в кирхах. Там так красиво. Тишина и покой. Там можно сидеть часами…

— Но домой вы не шли, вы были очень осторожны, да? — сказал Квант.

— Да. Но все же дома я был. Один раз. У меня было кое-что на ботинках. И…

— И..?

— Мне пришлось их снять и надеть старые теннисные туфли. А потом я, конечно, купил новые ботинки. Невероятно дорогие, доложу я вам.

Кристианссон и Квант внимательно смотрели на неге.

— Кроме того, я взял пиджак.

— Ага, — сказал Кристианссон.

— Дело в том, что очень холодно, когда спишь на улице, что ни говори, — произнес мужчина.

Они услышали быстрые шаги и увидели, как мимо пробегает молодая женщина в синем платье и деревянных босоножках. Она заметила полицейский автомобиль и остановилась.

— Ах, — запыхавшись, выпалила она. — Вы случайно не видели… доченьку… не могу ее найти… она сбежала от меня. Вы случайно не видели ее? На ней красное платьице…

Квант покрутил рукоятку и открыл окно. Он хотел отчитать ее, но тут же опомнился и вежливо сказал:

— Конечно, фру. Она сидит вон за теми кустиками и играет с куклой. Все в полном порядке. Я только что видел ее.

Кристианссон инстинктивно убрал руку с голубыми трусиками за спину и попытался улыбнуться женщине. У него это получилось не очень ловко.

— Все в полном порядке, — глуповато сказал он.

Женщина побежала к кустам, и через минуту они услышали звонкий детский голосок:

— Привет, мамочка.

У Ингемунда Франсона с лица исчезло всякое выражение, а глаза у него забегали.

Квант крепко взял его за локоть и сказал:

— Так, Калле, поехали.

Кристианссон захлопнул заднюю дверцу, сел за руль и включил зажигание. Он посмотрел на шоссе и сказал:

— Только одного я не пойму.

— Чего? — сказал Квант.

— Кого они там обложили, в этом Юргордене.

— Мне бы тоже очень хотелось это знать, — сказал Квант.

— Прошу вас, не держите меня так крепко, — попросил мужчина по имени Ингемунд Франсон. — Мне немножечко больно.

— Замолчите! — воскликнул Квант.

Мартин Бек все еще стоял на Епископском мысу в Юргордене, в восьми километрах от Хювюдста-Алле. Он стоял неподвижно, левой ладонью обхватив подбородок, и смотрел на Колльберга. Тот был красный, как рак, и с него ручьем лился пот. Мотоциклист в белом шлеме с рацией отдал честь и умчался прочь.

Две минуты назад Меландер и Рённ поехали на Бондегатан с мужчиной, который утверждал, что его фамилия Фристедт, чтобы дать ему возможность подтвердить свою личность. Но это была уже только пустая формальность. Ни Мартин Бек, ни Колльберг уже не сомневались, что в Юргордене шли по ложному следу.

Там все еще ждал один патрульный автомобиль. Колльберг стоял у открытой дверцы возле водителя, Мартин Бек чуть дальше.

— Что-то есть, — сказал водитель полицейского автомобиля, — что-то по рации.

— Что именно? — безразлично спросил Колльберг.

Полицейский прислушался.

— Это два парня из Сольны, — сказал он. — Радиопатруль.

— Ну?

— Они нашли его.

— Франсона?

— Да. Он у них в машине.

Мартин Бек подошел к автомобилю. Колльберг пригнулся, чтобы лучше слышать.

— Что они говорят? — спросил Мартин Бек.

— Все совершенно ясно, — сказал полицейский в автомобиле. — Его личность установлена. Да он и сам сразу признался. И кроме того, у него в кармане были голубые детские трусики. Его схватили на месте преступления.

— Что? — сказал Колльберг. — На месте преступления? Так значит, он…

— Нет. Они подоспели вовремя. С девочкой ничего не случилось.

Мартин Бек уперся лбом в край крыши автомобиля. Металл был пыльный и горячий.

— Боже мой, Леннарт, — сказал он, — все кончилось.

— Да, — сказал Колльберг. — На этот раз.

Балтазар фон Платен (1766—1829) — шведский граф, создатель крупнейшего в Швеции Гёта-канала. Похоронен недалеко от г. Мутала на берегу Гёта-канала. Сооружен памятник в г. Мутала

2

Акриловое синтетическое волокно. Основные торговые названия: нитрон, орлон, акрилан, кашмилон, куртель, дралон, вольпрюла.

3

Без комментариев *(англ.)*

4

Нингидрин — реактив на аминокислоты и пептиды.

5

Шест, украшенный цветами и лентами.

6

Фрёдинг Густав (1860—1911) — шведский поэт и публицист.

7

Если имеется в виду по Фаренгейту, то будет ниже минус 13 градусов по Цельсию.
